

Рудольф Штейнер

Космическая предыстория человечества

Полярность пребывания и развития в человеческой жизни

*Пятнадцать лекций, прочитанных в Дорнахе
с 6 сентября по 13 октября 1918 года*

GA 184

2004 «НОВАЛИС» МОСКВА

СОДЕРЖАНИЕ

Первая лекция, Дорнах, 6 сентября 1918 г

Два мировоззренческих потока: идеализм и материализм; необходимость их сглаживания или их вырождение в дуализм и фатализм; представляющие их личности в истории: Августин и Картезий. Луна и Солнце. Огюст Конт: католическая церковь без христианства, Шеллинг: христианство без церкви.

Вторая лекция, 7 сентября 1918 г

Существо сна. Сила идеалов для будущего. Теократия, метафизический порядок, позитивизм. Бенхам.

Третья лекция, 8 сентября 1918 г

Задачи существ третьей, второй и первой Иерархий. Восьмая сфера. Время в историческом становлении. Ньютон, Лейбниц, Маркс. Кажущаяся история и реальная история.

Четвертая лекция, 13 сентября 1918 г

Фатализм и дуализм. Галлюцинаторное интеллекта и иллюзорное природы. Предчувствие, пророческое видение, Апокалипсис. Космическая ненависть и космический разум. Мышление как зародыш будущего, воля как сознание отдаленного прошлого.

Пятая лекция, 14 сентября 1918 г

Волящий и мыслящий человек. Постигание во второй половине жизни помысленного в первой половине жизни. Понятие времени: развитие и перспективы. От дуальности к троичности.

Шестая лекция, 15 сентября 1918 г

Человек в Космосе. Коромысло мировых весов. Сфера пребывания и регион прошлого. Учение об эманации и творении.

Седьмая лекция, 20 сентября 1918 г

Тройственность пространства как отражение тройственности Бога. Единство Бога в ощущении времени. Монотеизм и ощущение троичности. Духовный порядок и природный порядок.

Восьмая лекция, 21 сентября 1918 г

Течение времени для телесно-душевного человека, пространственная жизнь духовно-душевного человека в царстве пребывания. Человек между Ариманом и Люцифером. Опережающее и отстающее движение жизни. Закон колебаний. Дорнахское здание и тайна равновесия.

Девятая лекция, 22 сентября 1918 г

Нижняя природа человека при материалистическом образе жизни становится все более спиритуальной; чисто церковные и идеалистические представления способствуют материализации нижней природы. Духовная наука как мост между природным и духовным порядком. Сила формы мертвых человеческих тел устраняет тенденцию Земли к кристаллизации. Закон полярности в природе: у человека и у духов. Католическая церковь и масоны.

Десятая лекция, 4 октября 1918 г

Отношение трех низших членов человеческого существа к Иерархиям. Духи Формы. Действие ариманических и люциферических существ в человеке. Существо времени и существо пребывания.

Одиннадцатая лекция, 5 октября 1918 г

Семитская и греческая культуры. Связь люциферического и ариманического импульсов с импульсом Христа-Ягве в ходе истории. Инспирации первых отцов церкви.

Двенадцатая лекция, 6 октября 1918 г

Тертуллиан. Смерть и наследственность проливают свет на Мистерию Голгофы. Рассудочная интерпретация вместо духовного видения. Воскресение как метаморфоза смерти, рождение как сверхчувственный факт (conceptio immaculata).

Тринадцатая лекция, 11 октября 1918 г

Призрачная сущность естествознания. Рихард Вале. Значение 666 года. Запланированное ариманическое откровение через Зората. Предупреждение этого посредством Мистерии Голгофы.

Четырнадцатая лекция, 12 октября 1918 г

Действие Академии Гондишапура. Природные ритмы и согласование ритмов в новой технике. Необходимость самоотреченного социального порядка.

Пятнадцатая лекция, 13 октября 1918 г

333 год. Рим во времена Августа и католическая церковь. Стремление к сакраментализму и новое познание Христа.

ЛЕКЦИЯ ПЕРВАЯ

Дорнах, 6 сентября 1918 г.

Сегодня я хотел бы углубить кое-что из того, что мы уже рассматривали этим летом, и в последующие дни добавить к этому некоторые исторические рассмотрения, а также некоторые вопросы по существу. Также я хотел бы предварительно указать вам на некоторые исторические факты, и из этих исторических фактов, основанных преимущественно на откровениях определенных исторических личностей, сделать выводы, которые лягут в основу рассмотрения.

Те, кто были посвящены в мистерии, посвященные всех времен, с полным правом всегда придерживались одного изречения. Это касалось того, что, с одной стороны, если неправильно оценить оба потока мировоззренческой жизни, идеализм и материализм, то либо возникнет опасность провалиться через люк в подвал мировоззрений, либо, при выборе различных путей поиска мировоззрения, забрести в тупик. Люк, через который можно провалиться в подвал, легко может остаться в мировоззренческой жизни незамеченным, этот подвал посвященные в мистерии всех времен рассматривали как дуализм, который не может построить мост между идеальным, можно сказать также, идеально окрашенным спиритуальным, и материальным, вещественным. И тупиком, в который можно забрести, странствуя по различным мировоззренческим путям, если не сумеешь согласовать идеализм и материализм, этим тупиком для посвященных в мистерии был фатализм. Отчетливо склоняется Новое время в одну сторону, к дуалистическому мировоззрению. Отклонение в другую сторону, к фаталистическому мировоззрению, для Нового времени не характерно, или, собственно говоря, остается незамеченным.

В отношении мировоззренческой жизни я хотел бы прежде всего представить одну личность из эпохи заката четвертого послеатлантического

периода и затем рассмотреть другие личности, более характерные для мировоззрения нашей пятой послееатлантической эпохи.

В западной мировоззренческой жизни чрезвычайно характерной личностью является Августин, живший с 354 по 430 годы христианского летосчисления. Давайте вспомним некоторые мысли Августина, поскольку, как показывают годы его жизни, он жил на закате четвертой послееатлантической эпохи, которая завершилась в XV столетии. Отчетливо видно, как приближался этот закат, начиная с III, IV, V, VI христианских столетий. И Августин прошел через впечатления различных мировоззрений. Мы уже обсуждали эти вещи. Прежде всего Августин прошел через манихейство и скептицизм. Он воспринял в свою душу все те импульсы, которые получают, если, с одной стороны, видят в мире все идеальное, прекрасное, доброе, все то, что исполнено мудростью, и затем все дурное, злое. И мы знаем, что манихейство хотело справиться — это грубо сказано, но можно выразиться также и так — с двумя этими потоками в мировом порядке таким образом, что оно принимает как бы вечную полярность, вечную противоположность света и тьмы, добра и зла, исполненного мудростью и ущербностью.

С этим дуализмом манихейство справляется на свой лад только благодаря тому, что связывает определенные древние, дохристианские фундаментальные понятия со своим признанием полярности мировых явлений, и прежде всего связывает определенные представления, которые можно понять, только если знаешь, что во все времена люди атавистическим ясновидением рассматривали духовный мир, рассматривали его так, что созерцания по своему содержанию были подобны впечатлениям, которые получали от чувственного мира восприятий. Благодаря тому, что манихейство вобрало в себя такие представления, — я бы сказал, о чувственном отражении сверхчувственного, — на многих это произвело впечатление, как будто оно материализовало духовное, как будто оно духовное представляло в чувственных формах. Это одна из ошибок, которую делает сегодня новое мировоззрение, например, как я вам уже сообщал в эти дни, также новая теософия. Августин именно потому отошел от манихейства, что он по мере очищения жизни представлений не мог больше выносить это чувственное, материализованное духовное. Это было одной из причин его отхода от манихейства.

Затем Августин прошел также через скептицизм, который постольку является обоснованным мировоззрением, поскольку человек обращает свое внимание на то, что посредством голого созерцания того, что можно извлечь из чувственного мира, из опыта и переживаний в чувственном мире, ничего нельзя узнать о сверхчувственном. И если к этому добавляется воззрение, что сверхчувственное как таковое не может открыться, тогда вообще сомневаются в возможности познания истины. Также Августин прошел и через это сомнение в познании действительности вообще. Благодаря этому он получил сильнейшие импульсы.

Итак, если мы хотим увидеть, какое место Августин занимает в западном мировоззрении, то должны указать на главный пункт его воззрения, тот главный пункт, который бросает свет на все то, что живет в Августине, и который также является главным пунктом его позднейшего, окончательного мировоззрения. Это пункт, который можно охарактеризовать следующим образом: Августин пришел к тому, что уверенности, истинной уверенности, не подверженной никаким заблуждениям достоверности, человек может достигнуть только в

отношении того, что он испытывает внутри своей души. Все остальное недостоверно. Вещи, которые мы видим глазами, слышим ушами, воспринимаем другими чувствами, действительно ли эти вещи устроены так, как мы их должны воспринимать по свидетельству наших чувств, об этом мы ничего не можем знать; мы не можем знать, как, собственно говоря, выглядит этот мир, если мы закроем для него чувства. Так мыслили личности, которые воспринимали внешний, доступный опыту мир в смысле Августина. Они думали, что внешний мир, каким он представлен человеку, не может дать безусловной уверенности и не обладает истинной надежностью, что из него ничего невозможно извлечь, что могло бы послужить твердой опорой мировоззрению. Напротив, во всем, что я испытываю внутри себя — безразлично, как я это испытываю, — непосредственно присутствую я сам, который испытывает внутри себя представления чувства; я чувствую себя внутри моего опыта. Итак, для такого мыслителя как Августин, вступает в силу подтверждаемый внутренним опытом факт: в отношении всего того, что человек испытывает внутри себя как истину, он не может впасть в заблуждение. Можно придерживаться мнения, что все остальное, что говорит нам мир, подвержено заблуждению, но невозможно сомневаться в том, что истинно и действительно мы внутри себя испытываем то, что переживаем как наши представления, наши внутренние чувства. Эта твердая основа для признания несомненной истины образует исходный пункт мировоззрения Августина.

Снова всплыл этот пункт совершенно сенсационным образом в пятой послеатлантической эпохе у Картезия, жившего с 1596 по 1650 годы, т. е. на заре пятого послеатлантического периода. В знаменитом изречении: «Я мыслю, следовательно существую», — это остается, даже если мы сомневаемся во всем остальном, в нем Картезий также видит исходный пункт, и в этом своем воззрении он, собственно говоря, целиком стоит на позиции Августина.

Все же дело обстоит так, что в отношении мировоззренческой жизни всегда можно сказать: кто находится в определенной точке человеческого развития, тот приходит к определенному мировоззрению. Определенные перспективы этого воззрения ему не видны; они откроются позже. Можно сказать: последующие поколения всегда должны более надежно, основательно, более истинно видеть нечто, чем те, которые говорили определенные вещи в определенный момент исторического развития. И нельзя пройти мимо этого факта. И будет очень хорошо, если это произойдет на нашем антропософском поле, если, находясь на нашей антропософской позиции, мы сознательно и основательно познаем: также и то знание, которое сегодня можно приобрести относительно спиритуальных вещей, не должно восприниматься как сумма абсолютных догм. Нужно себе уяснить, что будущие поколения в том, что мы сегодня высказываем, увидят больше истинного, чем мы сами в состоянии увидеть. На этом основано, собственно говоря, духовное развитие человечества. И все препоны, все препятствия духовному прогрессу человечества основаны в конечном итоге на том, что люди не хотят согласиться с тем, что они охотнее бы передавали истины, которые не являются истинами определенной эпохи, но являлись бы абсолютными, вневременными догмами.

Мы снова сегодня можем с нашей точки зрения оглянуться на Августина, и мы должны себе сказать: становясь на точку зрения Августина, мы должны четко сознавать, что он признавал ненадежность

познания истины в ее внешних откровениях, но истинную надежность он видел в том, что мы носим в своей душе. Этим предполагается, что если некто становится на почву такого воззрения, то он, как человек, обладает определенным мужеством. Может быть, вовсе не нужно было бы то, что я здесь сказал, говорить так радикально, как я это сделал, если бы именно для нашего времени не было так характерно для мировоззренческой жизни, что ей не хватает именно мужества. И это мужество, которое я имею в виду, выражается в двух направлениях. Первое направление это то, которое так смело определил Августин: истинную уверенность можно обрести только в отношении того, что ты испытываешь внутри себя. Но должен быть и другой полюс этого мужества, которого как раз недостает современности; нужно иметь также мужество согласиться со следующим: во внешнем чувственном откровении не содержится истинная уверенность в действительности. Требуется внутреннее мыслительное мужество для того, чтобы тому, что говорит нам внешняя действительность, которую, например, сегодняшний материализм считает абсолютно надежной, отказать в истинной надежности. И, с другой стороны, требуется определенное мужество сказать себе: истинную уверенность мы обретаем, только если мы правильно осознаем то, что испытываем внутри себя.

Конечно, и в наше время говорится нечто подобное, и в наше время находятся люди, которые от своих ближних, когда они хотят придти к некоторому мировоззрению, требуют этого двойственного мужества. Однако сегодня нужно об этих вещах мыслить иначе, если мы хотим их исчерпывающе обдумать, и в этом проявляется также историческое место августинизма для сегодняшних людей, что об этих вещах нужно думать иначе. А именно, сегодня нужно знать то, что ни Августин, ни Картезий не принимали во внимание — относительно Картезия я говорил это в моей книге «О загадках человека», — сегодня нужно сказать: вера, что можно посредством постижения непосредственно внутреннего в человеке, так, как это сегодня испытывает человек, придти к удовлетворительной мировоззренческой жизни, эта вера опровергается всякий раз состоянием сна. Всякий раз, когда сегодняшний человек впадает в бессознательный сон, он испытывает не то, о чем говорит Августин — абсолютную истинную надежность внутреннего опыта, — но действительность этого внутреннего опыта у него отнимается. Всякий раз от засыпания до пробуждения от него ускользает действительность этого истинного опыта. И сегодняшний человек, который несколько иначе переживает свое внутреннее, чем это было в четвертую послеатлантическую эпоху, и даже на ее закате во времена Августина, должен себе сказать: если бы мы еще более ясно, еще более отчетливо испытывали уверенность во внутреннем опыте, для жизни после смерти у нас не было бы такой уверенности, по той простой причине, что каждый раз засыпая мы видим, как действительность погружается в бессознательное, и современный человек не знает, не в недействительное ли она погружается. Сегодня нельзя признать неоспоримым, что абсолютно надежным является то, что он испытывает внутри себя. Теоретически это нельзя опровергнуть, но факт сна противречит этому.

Обратив взгляд на только что сказанное, мы тотчас познаем, как, собственно говоря, Августин с гораздо большим правом, чем позже Картезий, который в большей или меньшей степени только повторял сказанное, мог придти к такому воззрению. В продолжение всего четвертого послеатлантического периода, также во времена Августина, в людях еще жили отголоски древнего атавистического ясновидения. Об этом, к

сожалению, мало сохранилось исторических сведений, об этом, собственно говоря, ничего не знают. Но в целом, в эту четвертую послеатлантическую эпоху жило множество людей, которые из личного опыта знали: есть духовная жизнь — поскольку они видели эту духовную жизнь. Но они в эту четвертую эпоху видели ее — в отличие от третьей и второй эпохи — поскольку она примешивалась к их сновидческой жизни. Так что можно сказать: во вторую послеатлантическую эпоху сон у людей протекал не настолько бессознательно, как в пятую эпоху. Люди четвертой послеатлантической эпохи еще знали: в период от засыпания до пробуждения в других формах действовало то, что мы имеем в период от пробуждения до засыпания как наши представления, как наши чувства. Бодрственная действительная жизнь погружалась в смутно осознаваемую жизнь во сне. И тогда знали: то, что переживалось как внутренняя истина, носило характер не только истинности, но также реальности, то есть было действительностью. Ибо в состоянии сна знали такие моменты, которые показывали, что существует как действительная, реальная, не просто абстрактная жизнь но то, что испытывают внутри себя. И не важно, может ли кто-нибудь это сегодня доказать или нет, но сам Августин на основе собственного опыта мог сказать: я знаю, что в период от засыпания до пробуждения длится то, что внутренне хотя истинно, но недействительно. Но во времена Августина было возможно придерживаться такого воззрения, придерживаться такой точки зрения.

Итак, если вы то, что я здесь говорил о субъективном в человеке, обобщите для всего Макрокосмоса, то вы придете к чему-то иному; вы придете тогда к тому, откуда вышло это субъективное в древние времена, то есть еще в четвертой послеатлантической эпохе, вы узнаете откуда это взялось. В дохристианскую эпоху — мы говорим здесь о дохристианской эпохе, ибо Мистерия Голгофы проложила границу между древними атавистическими воззрениями и последующими новыми, которые сегодня еще находятся в самом начале своего развития, — в дохристианскую эпоху могли придерживаться еще определенных живых мистериальных истин. Мистериальные истины, которые я имею в виду, это те, которые касаются великой тайны рождения и смерти. Тайну рождения и смерти некоторые посвященные в мистерии рассматривали как тайну, которая, по их мнению, не должна быть обнародована, поскольку мир еще не созрел для нее. Но в кругу мистерий также и в дохристианский период существовало воззрение относительно связи рождения со смертью в великой жизни мира, в которую вплетен также человек всем своим существом. В этот дохристианский период посредством мистерий направляли взгляд преимущественно на рождение, на все рождающееся в мире. Кто знаком с мировоззрениями древних времен, тот знает также, что подчеркивание рождения, становления и прорастания было главной темой этих мировоззрений. И я часто подчеркивал, что в противоположность этому выступила Мистерия Голгофы. Я говорил об этом следующим образом: вспомните о том, как за шестьсот лет до Мистерии Голгофы Будда, который в развитии человечества завершает дохристианские мировоззрения, пришел к своему воззрению вследствие того, что помимо прочего увидел труп. И как аксиома звучало для Будды: страдание должно быть преодолено; должны быть найдены средства избежать смерти. Труп — это то, от чего отвращается Будда, чтобы придти к тому, что хотя и в спиритуальном виде, он все же является тем, в чем можно почувствовать прорастающую жизнь.

И если мы, спустя шестьсот лет после Мистерии Голгофы, в другом месте рассмотрим определенную группу людей, то мы увидим, что вид трупа Христа на кресте — это не то, от чего нужно отворачиваться, но то, к чему нужно обратиться, то, к чему нужно обратиться всем своим сердцем как к символу, который открывает мировую загадку, касающуюся человека и его становления.

Существует удивительная связь внутри этих двенадцати столетий: в течение шестисот лет до Мистерии Голгофы отвращение от трупа было средством восхождения в своем мировоззрении; в продолжение шестисот лет после Мистерии Голгофы был образован символ, образ Распятого, обращенный к смерти, обращенный к трупу, чтобы из него можно было черпать силу для того, чтобы придти к мировоззрению, которое проливает свет также на человеческое становление. Среди многих вещей, которые подверглись мощной перемене в земном становлении после Мистерии Голгофы, характерным является этот символ Будды: отвращение от трупа, и символ Христа: обращение к трупу, который как труп представляет высшую явленную на Земле сущность.

Действительно, дело обстояло так, что в определенном отношении древние мистерии ставили в центр мировоззрения загадку рождения. Но тем самым мистерии, поскольку стремились ведь передавать мистериальные знания, а не просто тривиальные воззрения, ставили перед душой в то же время глубокую космологическую тайну: она направляла взгляд на то, что в мировом течении связано с жизнью рожденного. И невозможно понять в мировом течении жизнь рожденного, если не обратиться к древней загадке Луны. Мы ведь знаем, что воплощением Земли, прежде чем она стала Землей, была древняя Луна. И в различных явлениях, которые связаны с нашей сегодняшней Луной, потомком древней Луны — вы можете причесть об этом в моем «Тайноведении», — вы можете видеть последствие того, что происходило на древней Луне в эпоху, предшествующую земному становлению.

И в земном становлении не было бы никакого рождения, во всех царствах природы не было бы никакого рождения, если бы закономерности древней Луны не господствовали соответствующим образом на ее потомке, который является спутником нашей Земли. Всякое рождение во всех царствах природы и у людей связано с деятельностью Луны. С этим связано также то, что посвященные у древних евреев рассматривали Ягве, как лунного бога, рассматривали Ягве как воспроизводителя, как бога, регулирующего воспроизведение, как лунного бога. Они ясно видели, что космологически в основе всякого процесса рождения во всех природных царствах лежат лунные законы. Итак, можно также символически выразить глубокую тайну космологии, сказав: поскольку на Землю падает лунный свет, от всего, что представлено этим лунным светом, происходит вся прорастающая, рождающаяся жизнь. В высших мистериях дохристианского периода, когда речь шла о тайне рождения, не обращались к солнечной жизни, но были обращены к отраженной от Луны солнечной жизни. Своеобразные нюансы, характерные для дохристианских мировоззрений, определяются уже тем, что в древних мистериях знали тайну Луны.

Как нечто совершенно сокровенное, как нечто невыносимое для слабо подготовленных людей, рассматривалась тайна Солнца, поскольку знали, что это заблуждение, майя, если некто придерживается мнения, что посредством лучей Солнца, падающих на Землю, прорастают, рождаются

существа различных природных царств. Они знали, что от солнечной жизни зависит не рождение, но, напротив, сужение, ограничение жизни, отмирание жизни. То, что Луна рождает существ, а Солнце убивает их, это было мистериальной тайной. Как ни высоко в других отношениях и из других оснований почиталась в древних дохристианских мистериях солнечная жизнь, всегда солнечная жизнь почиталась как основа смерти. То, что существа должны умирать, приписывалось действию не того Солнца, которое известно нам из «Тайноведения» как второе воплощение Земли, но это приписывалось действию нашего, так чудесно восходящему на горизонте Солнцу.

Да, закат жизни, противоположность рождения, связан с солнечной жизнью. Но зато также все прочее, то, что считалось не таким важным в дохристианское время, но что стало считаться чрезвычайно важным в послехристианское время, всякая сознательная жизнь связана с солнечной жизнью. И та сознательная жизнь, посредством которой человек проходит путь своего земного становления, то сознание, которое особенно проявилось в пятую послеатлантическую эпоху, которой принадлежим мы сами, особенно интенсивно связано с солнечной жизнью. Но только мы должны так духовно рассматривать эту солнечную жизнь, как мы делали это в лекциях, прочитанных мною этим летом. Хотя Солнце и является творцом смерти, сжигающей жизнь в Космосе и в человеке, в то же время Солнце является творцом сознательной жизни. Эта сознательная жизнь не считалась в дохристианские времена особенно важной, поскольку она заменялась атактически-ясновидческой жизнью, бывшей еще наследием Луны. Для послехристианского времени сознание стало важнее, чем жизнь; ибо только тем может быть достигнута цель земного становления, что людьми соответствующим образом будет достигнуто это сознание. И вы должны принять это сознание от того, кто дает также жизнь мертвым, но не жизнь рожденным.

Поэтому посредством Мистерии Голгофы вступила в земное развитие та сила, которая стала наиважнейшей для земного развития, это Сын Солнца, Христос, который прошел через тело Иисуса из Назарета. Итак, это связано с глубокими космическими тайнами. Древние посвященные в мистерии примерно так говорили своим ученикам: попытайтесь познать, исходя из вашей жизни во сне, лунную жизнь, которая так же вливается в эту жизнь во сне, как во тьму ночи вливается серебряный лунный свет. Вы ведь знаете, что человек спит частично бодрствуя, и в бодрственную жизнь также вмешивается игра лунных сил. Христианские посвященные, напротив, говорили своим ученикам: попытайтесь познать, что из бодрственной жизни высвечивается сознание потому, что в эту бодрственную жизнь вливаются солнечные силы подобно тому, как в земной жизни с утра до вечера светит внешнее Солнце.

Такой поворот произошел благодаря Мистерии Голгофы. И если в дохристианский период важнейшей задачей было познать истоки жизни, теперь стало важнейшей задачей познание истоков сознания. Только благодаря тому, что указанную космологическую мудрость удастся связать с тем, что испытывают в своей душе как истинную надежность, — то есть только благодаря тому, что духовная наука постигается внутренне, — приходят к тому, чтобы в том, что обычно внутри не сохраняет действительность, сохранять духовную действительность.

С теми средствами, которые были в распоряжении Августина, с теми средствами, которыми владели те, кто стоял на позиции Августина, особенно далеко не уйдешь, поскольку каждый сон опровергает истинную надежность внутреннего опыта. Только если в этом внутреннем опыте испытать еще его действительность, тогда можно придти к действительной, твердой позиции на почве этого внутреннего опыта.

То, что мы сегодня мыслим, то, что мы сегодня чувствуем в нашей сегодняшней земной жизни, это еще не является действительностью (что уже сознают сегодня некоторые мыслящие как естествоиспытатели люди), это не является действительностью в отношении настоящего. И своеобразие состоит именно в следующем: то, что мы интимнейшим образом испытываем, то, в чем нам высвечивается несомненная истина, не является действительностью в настоящем, но это, собственно говоря, зародыш, носитель нашей следующей земной жизни. О том, что говорит Августин, и для чего у него нет никаких гарантий, мы должны говорить как о зародыше следующей земной жизни. Мы должны сказать: это, конечно, верно, что истина высвечивается внутри нас, но она высвечивается как видимость. Сегодня она еще является нам как видимость, но в следующей земной жизни то, что сейчас является видимостью, и как видимость является зародышем, принесет плоды, которые так оживят следующую земную жизнь, как семя растения этого года оживляет видимое растение следующего года. Только после того, как преодолевается время, в том, что можно испытать внутренне, находят действительность. Мы никогда не сможем быть такими людьми, какими должны быть, если переживаемая внутренне истинность была бы в настоящем такой же истинностью, как внешний мир. Мы бы тогда не могли быть свободными. Тогда о свободе не могло бы быть и речи. Тогда не являясь личностями, мы были бы включены в природный порядок. Происходящее в нас, происходило бы необходимым образом. Мы являемся личностями, и именно свободными личностями только благодаря тому, что на волнах необходимых явлений как чудо возникает видимость того, что мы испытываем внутри себя, и что только в следующей земной жизни станет такой же внешней действительностью, какую мы видим в окружающем мире.

Обман нашего времени, которому предаются сегодня все фантазии, состоит в следующем: не принимают во внимание то, как недействительное внутренне высвечивается в одной земной жизни и становится реальностью в другой земной жизни. И именно этот пункт мы будем дальше обсуждать завтра и послезавтра.

Но мы видим, как с точки зрения, которой мы овладели сегодня, мы можем рассмотреть точку зрения Августина, как мы некоторым образом можем увидеть то в Августине, чего он еще сам не мог видеть. Поэтому, особенно для нас, Августин является, на закате четвертого послееатлантического периода, знаковой фигурой, поскольку он с особой точностью указал на один поток в мировых явлениях, на идеальное, и в идеальном потоке мировых явлений попытался найти твердую точку опоры. Это пытался сделать Августин. Мы сегодня хотим только установить это как исторический факт.

К его времени еще не был осуществлен людьми колоссальный поворот, который произошел в отношении Мистерии Голгофы и смерти; ибо только эта Мистерия Смерти могла стать источником действительного утверждения абсолютной надежности истины, испытанной внутри человеческой души.

Здесь мы должны сделать большой скачок, чтобы охарактеризовать другую личность подобно тому, как мы для заката четвертого послееатлантического периода охарактеризовали то, что открывается в личности Августина. Теперь мы опишем характерные, каждый в своем направлении, личности пятого послееатлантического периода. Я выбрал две из них. Одной из этих личностей, обратясь к которой можно в определенном направлении охарактеризовать то, что произошло с человечеством в пятом послееатлантическом периоде, был граф Сен-Симон, живший с 1760 по 1825 годы. Другая личность — это ученик Сен-Симона, Огюст Конт, живший с 1798 по 1857 годы. Если в Августине мы имеем личность, которая всеми познавательными средствами, имеющимися в ее распоряжении, старалась укрепить христианство, то на другой стороне, как в Сен-Симоне, так и в Огюсте Конте, мы имеем личности, которые пришли в полное заблуждение в отношении христианства. Легче всего нам будет составить представление о том, что жило в Огюсте Конте и в известном смысле также в Сен-Симоне, если мы по меньшей мере схематически наметим некоторые главные мысли Огюста Конта.

Огюст Конт в высшей степени является представителем определенной мировоззренческой жизни нашего времени, и только тому обстоятельству, что мало заботятся о том, каким образом различные мировоззренческие импульсы вливаются в жизнь людей, мы обязаны тем, что такую личность как Огюст Конт сегодня изучают как раритет исторической жизни. Но не знают того, что, в принципе, хотя, может быть, и не повсеместно, многие люди находятся под влиянием Огюста Конта, — но этому не придают большого значения, — и, в сущности, основное направление их мышления согласуется с Огюстом Контом. Так что можно сказать: Огюст Конт является представителем большей части современной мировоззренческой жизни.

Огюст Конт сказал: человечество развилось. Оно развилось, проходя через три стадии. Третьей стадии мы достигли сегодня. Если пронаблюдать душевную жизнь людей, проходящую через эти три стадии, то мы обнаружим, что на первой стадии представления людей склонялись преимущественно к демонологии. Итак, первая стадия развития, в концепции Огюста Конта, была демонологической. Люди представляли себе, что за природными явлениями, которые имеют чувственный вид, стоит деятельность духовных существ, которых представляли так, как в тривиальной жизни представляют духов. Повсюду ощущали духов, больших и малых духов. Это была первая стадия.

Затем люди перешагнули, когда они развились несколько дальше, с позиции демонологии на позицию метафизики. Если они вначале представляли себе стоящими за всеми явлениями демонов, элементарных существ и т. п., теперь они стали представлять себе основания, постигаемые в абстрактных понятиях. Люди стали мыслить метафизически, поскольку они уже не хотели больше верить в демонов. Итак, второй стадией была метафизика: мыслили определенные понятия и связывали эти понятия со своей собственной жизнью, так что придерживались мнения, что посредством таких понятий можно подступиться к праосновам вещей.

Но эту стадию человечество также перешагнуло. И теперь наступила третья стадия, которую Огюст Конт, совершенно в духе своего учителя Сен-Симона, охарактеризовал тем, что человек, если он хочет найти праосновы мира, уже не обращается больше к демонам, а также к метафизическим понятиям, но исключительно к тому, что дают позитивные науки в

отношении чувственной действительности. То, что открывается через внешний научный опыт, человек должен рассматривать как нечто, проясняющее ему его мировоззрение. Относительно самого себя он должен искать объяснения в том же смысле, как математика объясняет пространственные отношения, как физика объясняет силовые отношения, как химия объясняет отношения между веществами, а биология объясняет жизненные отношения. Все то, что можно узнать через отдельные науки, взаимосвязи которых Огюст Конт попытался подробно представить в своем большом сочинении о позитивной философии, все то, что можно узнать из отдельных позитивных наук, Огюст Конт рассматривает как то, что единственно совместимо с достоинством человека, достигшего третьей стадии. Само христианство он рассматривает как наивысшее образование, но все же еще принадлежащее последней фазе демонологии. Затем выступила метафизика; она дала людям сумму абстрактных понятий. Но действительную реальность, которая совместима с достоинством человека, живущего на Земле, дают, по мнению Огюста Конта, только позитивные науки. И поэтому Огюст Конт хочет основать также церковь на основе позитивной науки; и людей организовать в такие социальные структуры, которые создаются на основе позитивистской науки.

Весьма примечательно видеть, к каким вещам, собственно говоря, пришел Огюст Конт — я хочу сегодня отметить только некоторые характерные черты. Он ведь много занимался основанием церкви, позитивистской церкви. И эта позитивистская церковь, — если вы извлечете из нее отдельные вещи, вы тотчас поймете ее дух, — должна ввести некий вид календаря. Большее число дат в году должно быть посвящено, например, памяти таких людей, как Ньютон или Галилей, носителям позитивистских наук; в дни года, посвященные памяти этих людей, следует их почитать. Другие дни должны использоваться для того, чтобы хулить таких людей, как Юлиан Абтрунниген или Наполеон. Также и это должно регулироваться. Но вся жизнь вообще должна в широком плане управляться соответственно основным положениям позитивистской науки.

Кто знает сегодняшнюю жизнь, тот знает, что человечество, конечно, в небольшом числе может всерьез вдохновляться такими идеалами Огюста Конта. Но ведь это только из малодушия; ибо в действительности люди мыслят примерно так, как мыслил Огюст Конт. Если рассмотреть образ позитивистской церкви, который набросал Огюст Конт, то в действительности мы получим следующее впечатление: структура этой церкви в точности соответствует структуре католической церкви, только позитивистской церкви Огюста Конта не хватает Христа. И это самое примечательное. Это то, что должно быть поставлено перед душой как самое характерное: Огюст Конт пытается создать католическую церковь без христианства. К этому он пришел, поскольку он принял в свою душу эти три ступени: демонологическую, метафизическую и позитивистскую. Можно сказать: всю оболочку христианства, как она выступала в истории, он рассматривает как нечто положительное; но самого Христа он хочет удалить из этой церкви. Но, в принципе, это есть самое существенное, к чему пришел Огюст Конт: католическая церковь без Христа.

Это исключительно характерно для восхода пятого послееатлантического периода. Так, как мыслит Огюст Конт, должен думать мыслитель, который целиком переполнен в своей душе романтизмом, который мыслит, исходя из этого романтизма, но в то же время мыслит полностью в духе пятого послееатлантического периода, с его

антиспиритуальным характером. Таким образом, Огюст Конт и его учитель Сен-Симон чрезвычайно характерны для восхода пятого послеатлантического периода. Но в этом пятом послеатлантическом периоде произошло много решающих событий. Поэтому появились также другие возможные нюансы. Я хочу сегодня, как было сказано, привести вам некоторые исторические факты, на которых мы будем строить в дальнейшем.

Своеобразную противоположность к Огюсту Конту представляет Шеллинг, живший с 1775 по 1854 годы. Также и он является характерной фигурой для восхода пятого послеатлантического периода. Само собой разумеется, я не могу даже схематически представить вам многообразие чрезвычайно расчлененного мировоззрения Шеллинга, о котором мы часто говорили, освещая его с той или иной точки зрения; но все же на некоторые характерные его черты я хотел бы вам указать.

Я сказал, что в начале пятого послеатлантического периода Августин так рассматривает поток, идеальное, что он должен создать для него твердую опору, на которой он может стоять. И затем мы вступаем в пятый послеатлантический период: в начале его мы видим таких духовных личностей как Сен-Симон и Огюст Конт, которые в другом, в чисто природном, материальном порядке искали твердую опору позитивистской науки. Здесь мы видим два направления: Августин на одной стороне, Огюст Конт на другой стороне. Шеллинг, используя обычные средства пятого послеатлантического периода, прежде всего абстрактно-философские, с колоссальной энергией пытался перебросить мост между идеальным и реальным, идеальным и материальным — описание существенных пунктов этого мировоззрения вы найдете в моей книге «Загадки человека», — действуя с колоссальной энергией, он пытался примирить эти противоречия. При построении этого моста он пришел вначале только к различным абстрактным мыслям. Вначале он строил на том же основании, на котором строил Иоганн Готтлиб Фихте, но затем продвинулся несколько дальше и попытался постигать нечто в мире как бытие, которое одновременно является идеальным и реальным. Затем в жизни Шеллинга наступило время, когда ему показалось невозможным построить такой мост, пользуясь средствами абстракции, к которым с течением времени пришел этот пятый послеатлантический период. Ему казалось это невозможным. Однажды он сказал: люди, собственно говоря, только на почве современной учености приобрели такие понятия, посредством которых можно постигать внешний природный порядок. Но для того, что стоит за этим природным порядком, для сферы, в которой можно построить мост между идеальным и реальным, для этого мы не имеем никаких понятий. — И весьма интересно, что однажды Шеллинг сделал признание: ему кажется, что ученые люди последнего столетия заключили тайное соглашение, чтобы исключить из мировоззрения все глубокое, которое могло бы привести к действительной, истинной жизни. Поэтому нужно идти к неученым людям. Это был также период, когда Шеллинг интенсивно занимался Якобом Беме, у которого он почерпнул то спиритуальное углубление, которое привело к последнему, теософскому периоду его жизни, когда он написал свое прекрасное сочинение о свободе человека, сочинение о самофракийских божествах, о кабирах; затем свои «Философию мифологии» и «Философию откровения».

Но то, к чему особенно стремился Шеллинг в этот последний период своей жизни, это постижение роли Мистерии Голгофы в человеческой

истории. Он особенно стремился к этому. И при этом он пришел к выводу, что с помощью понятий, которые находятся в распоряжении новой учености, невозможно придти к пониманию той жизни, в которую влилась Мистерия Голгофы, то есть невозможно понять истинную человеческую жизнь. Вследствие этого Шеллинг пришел, — и это его стремление, на котором я особенно хотел бы остановиться, в последующие дни мы будем дальше строить на этом фундаменте, — к воззрению, которое полностью противоположно его современнику Огюсту Конту. И это весьма примечательно: мы можем сказать, что Огюст Конт искал католицизм, лучше сказать, католическую церковь без христианства; Шеллинг же, исходя из своего мировоззрения, искал христианство без церкви. Шеллинг пытался в некотором отношении христианизировать всю современную жизнь, так христианизировать, чтобы во всем, что человек может мыслить, чувствовать и волиять, пульсировал импульс Христа. Какой-нибудь особой церковной жизни для христианства он не пытался найти по образцам, которые уже имели место в историческом развитии, хотя он внимательно наблюдал эту жизнь. Итак, мы имеем два крайних случая: концепцию Конта о церкви без Христа и концепцию Шеллинга о Христе без церкви.

Я хочу поставить перед вашей душой эту историческую ситуацию, чтобы на основе этих вещей можно было строить дальше. Ибо мы видим такую духовную личность как Августин, который искал твердую опору в идеализме, такую духовную личность как Огюст Конт, который искал твердую опору в реализме, и такую личность как Шеллинг, который хотел проложить мост между обоими. Это все тенденции, которые предшествовали тому развитию, в котором мы теперь находимся.

Итак, скажем следующее: можно рассмотреть все то, что внесено в мировоззренческую жизнь в течение многих столетий, и затем бросить взгляд на то, как в широкой перспективе образовывались представления у людей. Тогда мы именно через изучение Огюста Конта приходим к очень важному аргументу, но Огюст Конт не мог в чистом виде постигать это аргументу, поскольку он целиком погряз в своих позитивистских предрассудках. Но то, что может стать для нас важным исходным пунктом в последующие дни, мы получим, если учтем все взаимосвязи в целом (я имею в виду Августина, Огюста Конта, Шеллинга): аргументу, которым я хотел бы завершить сегодняшние рассуждения, поскольку я желал бы, чтобы оно прежде всего укоренилось в ваших душах. Тогда в последующие дни мы сможем говорить о важных вещах, в связи с этим аргументу. Поскольку это аргументу прямо следует из рассмотрения того, о чем я перед этим говорил, я представлю в афористичной форме, не вдаваясь в обоснование отдельных деталей, почему это аргументу находится не у Огюста Конта, но у других, если с позиции более поздних, как я уже говорил сегодня, рассматривать в данном случае более ранних: тех, кто в начале XX столетия думали о мыслителях конца XVIII, начала XIX столетий. Но сегодня важным является то, — я неоднократно это подчеркивал и сегодня хочу привлечь к этому внимание —, что мировоззренческую жизнь нужно не просто рассматривать абстрактно саму по себе, но так, как она вчленена в общую жизнь человечества. Только благодаря тому, что мы будем иметь в виду это вчленение в общую жизнь человечества, мы сможем придти к правильной позиции относительно действительности.

Именно в отношении Сен-Симона и Огюста Конта можно ясно видеть, что они к своему позитивизму могли придти только в Новое время, в

предшествующие эпохи такой позитивизм был невозможен. Огюст Конт особенно сильно ощущал: так, как я мыслю — примерно так он высказывался, — можно мыслить только в наше время. Это нечто чрезвычайно важное для современного движения, и оно также связано с арегси, которое я имею в виду. Если положить в основу то, что Огюст Конт рассматривает как исходный пункт для своего тройного членения, то можно совершенно в его духе сказать, что это тройное членение состоит из теологии, метафизики и того, что он — безразлично, правильно это или нет — называет позитивистскими науками.

Здесь можно спросить: кто наиболее легко становится верующим в одно из этих направлений? Я прошу вас понять меня правильно: то, что я сказал в отношении этого арегси прошу не рассматривать как единственно возможную радикальную догму, и не рассматривать так, как будто в наше время это можно наблюдать с аподиктической уверенностью; но это нужно рассматривать в аспекте общего развития человечества, если вы хотите иметь в виду то, о чем я здесь говорил. Нельзя поставить вопрос так: кто является верующим? Но вопрос должен быть поставлен так: кто становится легче всего верующим в то или иное направление? И тогда тщательное рассмотрение показывает, хотя это и кажется противоречащим фактам: легче всего верующим и в теологическое направление становятся не теологи, но наиболее верующими становятся — я говорю не о религии, но о теологии, — солдаты! Легче всего верующими и в метафизическое направление становятся служащие, особенно юридических специальностей, и легче всего верующими в позитивные науки становятся люди, работающие в промышленности.

Это очень важно, если мы хотим судить о жизни, не застревать в абстрактном, но действительно приобрести непредвзятый взгляд на жизнь. Тогда нужно ставить себе такие вопросы.

Я хотел сегодня в заключение привести арегси, которое возникает тогда, когда мы более интимно вживаемся в мировоззрение Огюста Конта, поскольку он сознавал, что оно полностью может быть понято только в индустриальном обществе, и только в индустриальном обществе он мог выступить со своим мировоззрением. Но это связано с тем, что люди, работающие в промышленности, легче всего верят в позитивистскую науку, солдат легче всего верит не просто в христианскую, но в любую теологию, служащий легче всего верит в метафизику.

ЛЕКЦИЯ ВТОРАЯ

Дорнах, 7 сентября 1918 г.

Полное понимание отношений, которых мы здесь коснулись, невозможно без внимательного рассмотрения существа человека в период между засыпанием и пробуждением, когда он находится в состоянии сна. Схематически вам всем известно это состояние сна: то, что можно назвать «я» и астральным телом, отделяется от физического тела и эфирного тела. Но если мы хотим более точно рассмотреть существо сна, то мы должны обратить внимание на то, что человек именно в состоянии сна испытывает действительность того, о чем мы вчера говорили, когда сказали, что Августин пытается во внутреннем опыте постигать действительную, истинную надежность мира. Но человек в бодрственном состоянии не

полностью постигает свое внутреннее. Нужно уяснить себе, что то, что мы обозначаем как «я» и астральное тело, в бодрственном состоянии в действительности не осознается человеком, Но в этом бодрственном состоянии сознанию человека представлен только образ, отраженный образ «я» и астрального тела. В сонном же состоянии, т.е. в период между засыпанием и пробуждением, человек, если бы он осознавал себя — можно также сказать, если бы он осознавал себя посредством тех упражнений, которые находятся в вашем распоряжении, описание которых вы найдете в различных книгах, — то человек посредством состояния сна, если бы он сознавал себя, испытывал бы, до некоторой степени, истинный облик «я» и астрального тела, а не отраженный образ, как в бодрственном состоянии; он воспринимал бы истинный облик. Но здесь нужно также уяснить себе, что этот истинный облик «я» и астрального тела так выступает перед душой человека, так является имажинативному сознанию, что в состоянии сна человек в своем внутреннем опыте действительно переживает в себе, внутри своего «я» и своего астрального тела то, что мы называем третьей иерархией, иерархией Ангелов, Архангелов и Архаев. В бодрственном состоянии человек не воспринимает эту внутреннюю связь, в которой он, находится с существами, называемыми Ангелами, Архангелами и Архаями. И в этом состоит обманчивость бодрственного состояния, что оно остается при абстрактном «я», и при смутных представлениях и мыслях, наполняющих душу человека — ибо они все же являются смутными и неясными — или вообще при чувствах и волениях, наполняющих наполовину грезящее сознание. Существенно, что человек в бодрственном состоянии вынужден испытывать это смутное представление своего Я и астрального тела, и что он не осознает, что в его «я» действуют существа третьей иерархии. Если бы человек вдруг действительно «пробудился» бы во сне, если можно употребить такое выражение, то в этот момент он почувствовал бы себя окруженным не внешней природой, но он почувствовал бы себя наполненным существами: Ангелами, Архангелами и Духами Времени. И это является причиной того, что в своем душевном строе мы имеем нечто, чего без этого не имели бы. Если бы в нашем «я» и в нашем астральном теле не действовала бы Иерархия Ангелов, то мы не могли бы почувствовать себя личностями, то есть благодаря тому, что в нашем духовно-душевно существе действует иерархия Ангелов, мы чувствуем себя свободными личностями.

Благодаря тому, что на нас действует иерархия Архангелов, мы чувствуем свою принадлежность всему человечеству. Мы можем также сказать, что благодаря тому, что Архангелы просветляют наше духовно-душевное бытие, что они инспирируют его, мы, собственно говоря, ощущаем себя людьми. И, благодаря тому, что Архаи, Духи Времени, импульсируют наше существо, интуитируют его, мы ощущаем себя земными существами, т.е. принадлежащими не только к современному человечеству, но ко всему земному человечеству, существующему от начала до конца становления Земли. То есть благодаря этому мы чувствуем себя членами всего земного развития. Но только мы чувствуем это смутно, поскольку мы также смутно чувствуем в себе Духов Времени.

Мы видим себя личностями только достигнув имажинативного сознания. Это имажинативное сознание остается своего рода отражением, пока мы свои мысли испытываем так, что посредством свободной мыслительной жизни чувствуем себя личностями. Давайте еще раз уясним себе, благодаря чему мы чувствуем себя личностями: это происходит

потому, что мы произвольно можем одни мысли присоединять к другим. Вы тотчас перестанете чувствовать себя личностью, если будете вынуждены строить одну мысль за другой так, как одни природные явления следуют за другими. В этом переживании внутренней свободы — в последовательном движении нашего мышления мы чувствуем себя личностями, — это яснее всего осознается человеком во время дневного бодрствования. Это потому осознается во время дневного бодрствования, что в период от засыпания до пробуждения человек пропитан своим ангельским существом, и это ангельское существо принадлежит нашему «я».

Но гораздо более апатично, гораздо менее сильно и интенсивно мы чувствуем себя принадлежащими всему человечеству, поскольку, мы более удалены от архангельских существ, которые дают нам почувствовать себя людьми, чем от ангельских существ. И то, что нас, как личностей, вчленяет в общий поток человеческого развития, для большинства людей остается весьма и весьма смутным. Мы пытаемся на почве духовной науки пробудить это чувство принадлежности ко всему земному человечеству, давая такие разъяснения: в пятом послееатлантическом периоде человек переживал себя таким образом, в четвертом послееатлантическом периоде переживал он другим образом, в третьем послееатлантическом периоде переживал он совсем иначе. На почве духовной науки мы обретаем сознание того, что душевный склад изменялся в различные периоды эволюции под воздействием различных Духов Времени, существ, принадлежащих иерархии Архаев. Только такое сознание и дает человеку возможность почувствовать себя историческим существом, сказать себе: я живу как личность в XX столетии. Большинство людей не осознает, что их личность мыслима только тогда, только тогда реально может рассматриваться как личность, когда она вчленена в определенный исторический период. Это живое пропитывание человеческого духовно-душевного существа существами третьей иерархии и есть то, что осознает человек, когда он интенсивным образом углубляется в имажинативное познание.

Итак, в обычном ходе развития человечества, как вы видели, это имажинативное познание отсутствует. Оно подавляется в период от засыпания до пробуждения действительностью «я» и астрального тела, а в бодрственном состоянии человек теряет связь с существами третьей иерархии. Это происходит оттого, что именно в наш временной цикл человек, как мы видели, во время сна находится во власти заблуждения, что его «я» и астральное тело не действуют. Но они не бездействуют, они находятся в живом взаимодействии с существами третьей иерархии. В бодрственном состоянии дело обстоит так, что в нынешнем временном цикле наше физическое и эфирное тела, некоторым образом, можно сказать, неправомочно абсорбируют наше духовно-душевное существо; они пропитываются этим духовно-душевным существом. Нормальным для человека было бы совсем другое: чтобы он в бодрственном состоянии чувствовал себя как «я» и астральное тело, а физическое тело и эфирное тело воспринимал бы как некоторую оболочку, в которую он вставлен, как нечто, что он носит с собой. Но так человек себя не чувствует. Он чувствует себя так, как будто он является физическим телом и эфирным телом. Но на самом деле это не так. Мы являемся духовно-душевными существами, которым физическое и эфирное тела служат в качестве инструментов, но мы не можем освободиться от нашего заблуждения, таков характер нашего временного цикла. Мы уподобляемся тому, что при нормальном сознании

представляется молотком, который мы держим в руках и которым мы ударяем; мы должны чувствовать себя идентичными с нашим физическим и эфирным телом; мы должны предаваться заблуждению, будто бы мы те, кто во плоти странствует в пространстве. Но на самом деле это не мы; это только выглядит так, поскольку сознание нашего «я» незаконно абсорбировано нашим физическим телом и нашим эфирным телом. И причина этого в том, что в нынешнем временном цикле ариманические силы действуют гораздо мощнее, чем это должно быть при нормальном развитии человечества. Они, некоторым образом, притягивают «я» и астральное тело к физическому и эфирному телам, и создают у человека заблуждение, что эта голова, которую он носит на плечах, и есть он сам, что его руки и все его тело и есть он сам. Физическое тело незаконно присвоило себе сознание, так что кажется, как будто наше физическое тело и является нашей личностью. Тот, кто думает, что его физическое тело как-то определяет его личность, впадает в заблуждение, подобно тому, кто поставил перед собой зеркало, воспроизводящее то, что является на самом деле его собственным отраженным образом. Сказать, что это плотское образование, которое мы носим на себе, и есть мы, не умнее, чем если некто держащий свою руку перед зеркалом думает, что зеркало производит его руку. И все же в таком заблуждении живет вся сегодняшняя наука, которая думает, что то, что мы внутренне испытываем как личность, имеет какое-то отношение к физическому и эфирному телу, но не сознает, что физическое и эфирное тело только отражают это «я» и астральное существо, формируя тот кажущийся образ, который мы между пробуждением и засыпанием считаем своим «я» и своими мыслями, то есть своим астральным телом.

Это, в некотором смысле, фундаментальная истина, на которую нужно обратить особое внимание. В отношении этой фундаментальной истины сегодняшние люди, в которых действуют силы нашего сегодняшнего временного цикла, впадают в заблуждение, о котором я уже сказал: нам кажется, что то, что мы испытываем в наших мыслях и чувствах, мы получаем от нашего тела. Но человек естественно подвержен этому заблуждению, в своем сегодняшнем состоянии сознания он не может избавиться от этого заблуждения. Подобно тому, как солнце, склоняясь к горизонту, кажется большим, чем когда оно стоит вверху — мы знаем, что это заблуждение, но так нам кажется, — так и человеку должно казаться, что он, как личность, состоит из плоти и крови. Это заблуждение сознания. Но этому заблуждению сознания, которому подвержен сегодня человек, он был подвержен не всегда, это заблуждение сознания, собственно говоря, является существенным характерным свойством человечества в послехристианскую эпоху после Мистерии Голгофы.

До Мистерии Голгофы не было подобного заблуждения сознания, но было заблуждение другого рода. До Мистерии Голгофы человек не думал, что его сознание связано с его физическим телом. Об этом, конечно, история ничего не рассказывает, но это так. Человеку II — III тысячелетий до христианского летоисчисления мысль, что его душа каким-то образом произведена физическим телом, показалась бы глупостью. Никакой человек в древние времена не чувствовал свое душевно-духовное существо настолько связанным с телом, как это чувствует сегодняшний человек.

Но зато человек дохристианских времен имел живое сознание о существах третьей иерархии. Он имел его, благодаря тому, что знал: моя душа не идентична моему телу; он имел отчетливое сознание, что эта душа

не связана с кровью или мускулами и т. д., но что его душа связана с существами третьей иерархии. Однако он впадал в другое заблуждение, не в заблуждение сознания, но в заблуждение жизни. Он считал, что эта душа с существами третьей Иерархии так связана с внешней природой, как сегодняшний человек думает, что его душа связана с физическим телом. Сегодняшний человек предается обману сознания, будто бы его душа связана с его физическим телом, и поэтому он не видит Ангелов, Архангелов, Архаев, поскольку они затемнены для него его физическим телом. Древний человек — несмотря на то, что он имел отчетливое сознание, что существа третьей иерархии присутствуют и связаны с его душой — видел их не непосредственно, но смутно во внешней чувственной природе. Сегодняшний человек в заблуждении своего сознания думает, что его душа связана с его телом; древний человек думал, что существа третьей иерархии связаны с внешней природой, которую он воспринимает своими чувствами. Тогда он смешивал божественных существ, существ третьей иерархии, с природными явлениями, и он видел их проявление в природных явлениях. Сегодняшний человек погружает свою душу в плоть и кровь, древний человек погружал существ третьей Иерархии во внешнюю природу. Он не имел естествознания, подобного сегодняшнему, но он рассматривал природные явления, как будто ими овладел тот или иной демон, более или менее духовно-божественное существо, относительно которого он предавался заблуждению жизни. Он потому предавался заблуждению жизни, что представлял их, до некоторой степени, действующими в природных явлениях. И это важно, что в ходе развития человечества в дохристианское время человек предавался охарактеризованному выше заблуждению жизни, тогда как человек после Мистерии Голгофы стал предаваться заблуждению сознания. Действие Иисуса Христа — об этом мы еще будем говорить завтра — должно было состоять в том, чтобы подобным же образом, как это делалось в древних мистериях в отношении заблуждения жизни, это заблуждение сознания, по меньшей мере, возвысить до осознания: посредством «Христос во мне» человек должен почувствовать, что то, чем являются «я» и астральное тело, живет в свободной духовности, а не связано с плотью и кровью. Но видеть это, естественно, можно только на пути духовной науки; почувствовать же это можно посредством изречения Павла: «Не я, но Христос во мне».

Из того, что я вам представил, вы можете увидеть основания того, что человек, в некотором смысле, испытывает двойственность. С одной стороны, природный порядок, который не содержит никаких идеалов, который необходимым образом одно явление связывает с другим, в который просто вчленены причина и следствие, следствие и причина, так что невозможно представить себе, что благодаря тому, что происходит в природе, могут осуществиться какие-нибудь моральные или прочие идеалы. С другой стороны, человек сознает, что он не смог бы развернуть достойное человека бытие, если бы он, будучи человеком, не держался чего-то иного, а не просто природного порядка. Но он не может, будучи оснащенным сегодняшним расхожим сознанием, рассматривать свои идеалы так, чтобы мыслить их такими же действенными, как электричество или магнетизм или тепловую силу, так, чтобы эти идеалы могли внедриться в природный порядок. Поэтому природный порядок и идеальный порядок представляются ему стоящими наряду друг с другом, и он не может перекинуть мост между ними по той причине, что он в мире ни днем ни ночью не видит, где мог бы

находиться этот мост. Если бы человек имел днем нормальное сознание, свободное от ариманического влияния: я, как личность, не иначе связан с моим физическим и эфирным телом, как я связан с образом, который отражается мне в зеркале, перед которым я нахожусь, — если бы человек имел такое сознание в отношении своего «я» и своего астрального тела, если бы он эти «я» и астральное тело познавал как действительность, а не просто как отраженный образ, тогда бы он признал также в отношении своих идеалов: это такие же реальные силы, как электричество и магнетизм, но только действуют они не в настоящем, их действие смещается от нынешней инкарнации к следующей инкарнации, переходит от этой земной жизни в последующую земную жизнь.

И если бы человек в бодрственном состоянии сознавал, что его «я» и его астральное тело связаны с существами третьей Иерархии, если бы, другими словами, действительно видел себя во всей полноте, не просто чувствовал бы себя как свободная личность, как земной человек, то он почувствовал бы в себе, насколько ложно чувство, что он является человеком из плоти и крови; тогда ему также не казалось бы, что внешний природный порядок, который представлен его чувствам, является чем-то незыблемым в действительности, чтобы противостоять силе идеалов. Он знал бы, что то, что сегодня является природным порядком, распадется со всеми своими веществами, и то, что сегодня является природой, исчезнет. И когда уже не будет того, что сегодня является природой, тогда на ее месте возникнет другая внешняя чувственная действительность: то, что сегодня является идеалами, станет в будущем природой. Так что можно сказать: мы имеем сегодня природный порядок (см. рис. красное) и идеальный порядок (см. рис. желтое). Физик думает, что существует закон сохранения силы и вещества, природный порядок имеет продолжение, те же атомы и те же силы будут действовать и в будущем. Этот физик, если он честный человек, не может сказать ничего, кроме: идеальный порядок, о котором мы грезим, должен исчезнуть как сон, так что в конечном состоянии Земли идеализма не будет, он будет похоронен.

Духовная наука показывает, что это не является истиной, это заблуждение. Мы имеем природный порядок, но нет сохранения силы и вещества. Но то, что является природным порядком, в определенном месте перестает существовать, и то, что сегодня является идеальным порядком, будет в дальнейшем продолжением природного порядка. От того — я уже говорил об этом, — что сегодня мы видим своими глазами, слышим своими ушами, воспринимаем остальными органами чувств, ничего не останется, когда мы перейдем в состояние Венеры. Тогда в этом ничто откроется возможность, чтобы идеалы сегодняшнего человечества стали внешним природным порядком. Ни одно мировоззрение, которое не знает окончания существования чувственного, не оставляет надежды на то, что идеалы приобретут силу для своего осуществления; ибо если бы чувственное было вечным, если бы был справедлив закон сохранения силы и вещества, то

идеальный мир был бы просто грезой. Это имеет колоссальное значение, чтобы современное человечество уяснило себе, что современные идеалы станут природой в будущем, и что является величайшим заблуждением, если некто думает, что атомы и силы вечны; они как раз являются не вечными, но временными. Это, можно сказать, фатальное свойство духовной науки, что она должна противоречить воззрению, которое сегодня признается наукой, как самое надежное, и которое, все же, является ничем иным, как ариманическим обманом.

Оглянемся еще раз на то, на что я обратил ваше внимание. До Мистерии Голгофы было нечто, что можно, как человеческое заблуждение, назвать заблуждением жизни; после Мистерии Голгофы появилось заблуждение, которое можно назвать заблуждением сознания. Зная это, можно очень многое понять в развитии человечества. И, прежде всего, можно понять, почему перед Мистерией Голгофы люди, обладавшие атавистическим ясновидением, то, что они созерцали, видели не в истинном облике, но они видели духовных существ высших иерархий, как демонов. Поэтому древняя мифология является, в сущности, демонологией. Боги древней мифологии — это, в сущности, демоны. Причина этого в том, что существовал обман жизни, состоявший в том, что человек, в некотором смысле, некий вид ложного природного порядка должен был мыслить, как божественный порядок, подобно тому, как сегодня ложное воззрение на тело должно рассматриваться как присущий человечеству порядок.

Но затем пришла Мистерия Голгофы. Люди со своим душевным строем должны были ориентироваться на то, чтобы познать, что произошло благодаря Мистерии Голгофы. До Мистерии Голгофы человеческие души в бодрственном состоянии находились в более тесном контакте с существами высших иерархий, чем сегодня при наличии заблуждения сознания. Они видели существ высших иерархий, но вследствие заблуждения жизни они одевали их в поэтические образы Зевса, Аполлона и т. д.; это были существа третьей иерархии, но их видели в поэтической форме, их рассматривали под влиянием заблуждения жизни, как мы сегодня все, что относится к человеку, видим под влиянием заблуждения сознания. Но вместе с этим в человечество вдвигался духовный порядок. Подумайте о том, насколько близким человек минувших времен сознавал свой человеческий мир божественному мировому порядку! Здесь была человеческая Иерархия, там была божественная иерархия. Человек не чувствовал себя, можно сказать, сверху таким замкнутым, как сегодня, но он продолжал свой мир в направлении божественного. Каким близким чувствовали греки свой божественный мир человеческому миру, человеческой иерархии!

Но затем пришла Мистерия Голгофы. Теперь этого всего уже не было больше. Не Мистерия Голгофы — именно она должна представлять собой замену для потерянного — но само время внесло в человеческое развитие то, что люди оказались отрезанными от сознательного общения с божественно-духовным миром третьей иерархии. Однако, от этого осталась память, историческая память. И так было в первое время после Мистерии Голгофы. Люди должны были уже мыслить несколько иначе, чем до Мистерии Голгофы, но в них еще действовало непосредственное прошлое. В непосредственном прошлом человечество знало, что божественно-духовные существа вплетают свое действие в земные дела, упорядочивают их и влияют на все то, что делают на Земле люди. Поэтому древний человек был уверен, что если он основывает государство — употребляя здесь слово

«государство», мы не совсем правы, но люди сегодня привыкли так говорить, если древние люди создавали социальные структуры, то они знали: эти социальные структуры создаются под влиянием третьей иерархии. Человек воспринимал свои учреждения на Земле, как божественные учреждения. Вам достаточно только изучить историю Египта, вовсе не обращаясь к ясновидению, и вы убедитесь в том, что египтянин был полностью уверен в том, что то, что люди создают здесь на Земле для своей общественной совместной жизни, управляется существами третьей иерархии. Так было до Мистерии Голгофы. После Мистерии Голгофы осталась только память об этом. И каковы были последствия этого?

Вы знаете, что после Мистерии Голгофы началось строительство церкви. Церковь установила определенную последовательность церковных чинов: дьяконы, архидьяконы, епископы, архиепископы и т. д. Была построена такая ступенчатая последовательность. Но за возведением этой ступенчатой последовательности стояла совершенно определенная мысль. Она очень ясно выступает у первых церковных писателей. Если вы прочтете Дионисия Ареопагита, то вы отчетливо это увидите. Была введена такая структура для того, чтобы церковь стала отражением божественного порядка. Отношение дьякона к архидьякону должно было быть отражением отношения ангела к архангелу. И отношение архидьякона к епископу должно быть отражением отношения Архангела к Архаю. Таким образом, социальная структура церкви должна была быть отражением теократии: вверху в духовном мире ступенчато расположились иерархии, внизу, как отражение духовных иерархий, должны ступенчато расположиться церковные чины. В первое время после Мистерии Голгофы это мыслилось не в юридическом, а в теократическом аспекте, это было отражением; церковные иерархии мыслились как отражение духовно-божественных иерархий. Так мыслили в первые христианские столетия на земле, когда основывали такие учреждения, которые взаимоотношения людей на земле представляли как отражение иерархий в духовном мире.

Но затем постепенно человечество оставляло сознание, которое оно, исходя из исторической памяти, заимствовало из эпохи древней теократии, когда еще знали, что земные учреждения действительно являются следствием божественных деяний. На месте живого божественного мира, который еще видели в древние времена, и о котором еще знали, выступили абстрактные понятия. Вместо сознания, что там вверху существует мир божественных индивидуумов, появились абстрактные метафизические понятия. И наступили столетия, когда люди на место индивидуальных богов — христиане называли их ангелами — поставили абстрактные понятия, метафизику абстрактных понятий. Божественный порядок, который должен был найти свое отражение в человеческом порядке, нес в себе нечто теократическое; применение же голых понятий к человеческому общественному порядку дало нечто, что можно определить как просто средство поддержания общественного порядка. Если ранее мыслили, что в человеческой общественной структуре должно найти отражение божественного мира, то в метафизическую эпоху заботились только о том, чтобы поддерживать порядок, наказывать зло и не наказывать добро или награждать его, сохраняя тем самым общественный порядок. Когда на месте живых богов выступили абстрактные метафизические понятия, то стали заботиться только о том, чтобы создать человеческий порядок, который так протемпелует людей, чтобы одни подчинялись другим, не потому, что это

подчинение отражает отношения между Архангелами и Ангелами, но поскольку порядок можно установить тем, что один приказывает, а другие его слушаются. Абстракции встали на место живого социального порядка.

В сущности это было эпохой реальной метафизики Средневековья. Римское сознание, в сущности, дало элементы для этого метафизического порядка, который распространился повсеместно. Воспоминание о теократическом порядке еще сохранилось в наименовании «князь» (Furst — первый), поскольку один должен быть первым, поскольку в божественной иерархии один является первым. Воспоминание о голом метафизическом порядке, чиновничьем порядке управления, сохранилось в слове «граф», связанным со словом grapho, писать. Все нужно регистрировать, чтобы поддерживать порядок, писать приказы, составлять договоры, это и есть поддерживать метафизический порядок.

Затем пришло Новое время. Оно принесло неверие в абстрактные понятия, неверие в метафизику. Также и в человеческой жизни можно было доверять только чувственным фактам. Сознание той традиции, которая еще была в древние времена, когда еще традиционно сохранялось живое сознание того, что в социальной структуре действует еще нечто другое — раньше думали: боги, потом: метафизические понятия, — такое живое сознание не могло сохраниться в Новое время. Оно может быть вновь обретено только на пути, указанном духовной наукой. И такое радикальное искоренение сознания духовной основы социальной структуры, привело к индустриализму. Поэтому Огюст Конт и Сен-Симон особенно чувствовали свою связь с эпохой индустриализма, поскольку они допускали только позитивистскую науку, то есть то, что опирается только на внешний, чувственный, каузально необходимый природный порядок.

Но, тем самым, также само понятие истинности претерпело тотальные изменения. У современных людей еще нет правильного ощущения того, что понятие истинности в ходе истории претерпело существенные изменения, об этом сегодня нет правильного представления. Люди, которые признавали себя включенными в теократический порядок, не имели такого понятия истинности, которое имеют люди, пришедшие к своему понятию истинности на основе авторитета естествознания. В настоящее время исключительно трудно говорить об этих вещах. Сегодня думают так: в отношении мирового порядка представление об истине согласуется с внешней действительностью. Оно исходит от естествознания. Такого понятия об истинности еще не существовало в первые христианские столетия; но было другое, и это другое понятие об истинности связано, в сущности, с теократическим социальным порядком. Такого же понятия истинности, которое сегодня живет во всех душах, тогда еще действительно не существовало. Этот важнейший факт обычно недооценивают. Господствовавшее тогда понятие истинности легче всего понять, если его применить к представлению о божественном провидении. Когда между двумя людьми случается поединок — мы не касаемся вопроса, как следует относиться к дуэли, я только использую это в качестве примера, — то мы не можем заранее решить, кто из двоих победит А или В; иначе вряд ли состоялся бы поединок; но истина выясняется только в ходе самого события. Мы ведь сегодня также ориентируемся на это понятие истинности, когда ведем войну. В самом деле, не имело бы смысла вести войну, если бы мы заранее знали ее исход, как если бы мы в лаборатории проводили химический эксперимент, и взвесив все обстоятельства, знали бы, что в

результате получится; если бы мы заранее знали, чем окончится война, мы не вели бы войны. Так что еще сегодня придерживаются древнего понятия об истинности, что истина открывается в ходе самого явления, и что не остается ничего другого, кроме как наблюдать, как решит божественное провидение. Таково было древнее понятие об истинности.

Те, кто подобно Огюсту Конту или социалистам сегодня полностью порвали с этим понятием об истинности — другие люди еще придерживаются его, — полностью держатся той истинности, где явления можно предсказать по ходу их развития. «Познавать, чтобы предвидеть», — это радикальный поворот понятия истинности в наше время. Но с помощью этого понятия истинности, которое мы имеем сегодня, мы может постигать только природу. И в этом отношении мы вводим людей в колоссальное заблуждение. Они думают, например, что историческую жизнь можно постигать с помощью того понятия истинности, которых придерживались Огюст Конт и Сен-Симон. Но это не так! Также это невозможно с помощью старого понятия истинности, связанного с божественным провидением, поскольку оно стояло под влиянием заблуждения жизни, тогда как наше сегодняшнее понятие истинности, стоит под влиянием заблуждения сознания.

Нужно придти к антропософскому понятию истинности, более широкому пониманию истинности, чем то, к которому пришел, например, Августин; ибо, как было показано, он также был подвержен заблуждению.

Это связано со многим, и с этим связано многое. Ибо совершенно неудовлетворительно то, что в общем *in abstracto* говорится о развитии понятия истинности, но нужно в частности знать, как понятие истинности ведет человеческие души разными путями, в зависимости от вида понятия истинности. Сегодня говорить о национальности в том же смысле, в каком говорили в дохристианский период, является анахронизмом; ибо в дохристианский период это было не только человеческим воззрением, что божественный порядок внедряется в человеческий порядок, но было так в самом деле. Теперь же такого внедрения нет. Поэтому там, где у человека сегодня сознание связано с природным порядком, с тем, что происходит просто вследствие последовательности рождений, например, связано с национальным принципом, там впадают в анахронизм. Человек сегодня вынужден, в послехристианский период, искать другие структуры для своего общественного порядка, отличные от тех, которые действуют извне. Древний человек мог смотреть на свою национальность, поскольку он воспринимал национальность как элемент божественного порядка в земной жизни, как отражение божественного порядка. Современный человек не может в том же смысле почитать нацию как нечто особенное, не впадая в анахронизм; он должен стремиться к другим общественным структурам. Почитание нации как чего-то особенного сегодня было бы ариманическим заблуждением. Нации — это остаток от дохристианского периода, и современный человек должен перерасти их в своем развитии, о котором я вам говорил. Нужно видеть, как конкретно человек стремится к особому образованию понятия истинности. Это важно, хотя сегодня это и является неудобным. Но если мы непредвзято станем на точку зрения истинного постижения действительности, мы должны принять в себя некоторые неудобные истины.

Люди сегодня поистине движутся навстречу тому, что хочет антропософия. То мировоззрение, которое нашло своего особого

приверженца в Огюсте Конте, ограничено только рассмотрением внешнего природного порядка. Нужно снова проникнуть в духовный мир, и должен быть переброшен мост между реальностью и идеальностью. Это именно то, на что я особенно хочу указать в смысле этих докладов. Это не может произойти, если просто говорить об этих вещах, но нужно постигать конкретные импульсы, действующие в мире. Но здесь нужно совершенно непредвзято взглянуть на некоторые факты. С теми вещами, которые мы здесь рассматриваем, связаны курьезные факты. Вспомните, что я вчера говорил вам о Сен-Симоне и Огюсте Конте. Оба рассматривали как решающие моменты только позитивные науки, т.е. то, что исключительно вносится к чувственной жизни, к каузальному природному порядку.

И все же имел место странный факт, что Огюст Конт отвернулся от своего учителя и вождя Сен-Симона, поскольку постепенно Сен-Симон становился для Огюста Конта слишком мистическим; и последователи Огюста Конта отвернулись от него, поскольку он в старости стал совершенно мистическим. То есть мы имеем дело со странным фактом, что как Сен-Симон, так и Огюст Конт, с другой стороны, в эпоху индустриализма совершенно твердо, вполне сознательно стояли на почве ариманической научности, и стали мистиками! Весьма примечательный факт, не правда ли!

В отношении такого факта уместно задать вопрос: почему? Но мы сможем ответить на этот вопрос, только если непредвзято рассмотрим это вживание людей в спиритуальность. Бессознательно люди стремятся к спиритуальности. И также такие люди, как Огюст Конт и Сен-Симон, которые хотели постигать чисто внешний природный порядок, также стремились к спиритуальности.

Но теперь в жизни нового человечества происходит нечто очень своеобразное. Возьмем другой факт, который мы должны рассмотреть также совершенно непредвзято, без какого-нибудь неподобающего нам национального шовинизма. В воззрениях, которые расцветают на почве новых народностей, отличительным является то, что определяется характером народа. И исходя из этой точки зрения, я хотел бы указать вам на другой факт, указать на задающего тон английского философа, Бентама. Бентама можно считать характерным для мышления своего народа. И с полным правом воззрение Бентама можно обозначить, как утилитаризм, в глубоком смысле как утилитаризм; ибо в основе мышления Бентама лежит определенный принцип, в отношении идеального мирового порядка. Этот принцип называют обычно максимизацией человеческого счастья. Благо для людей состоит в том, как формулирует Бентам, чтобы для большего числа людей было наибольшее на земле счастье. Рассмотрим внимательней это положение: благо для людей состоит в том, чтобы для большего числа людей было наибольшее на земле счастье. Это положение о максимизации счастья на земле в действительности является основным нервом философии утилитаризма.

Но надо принять во внимание, что это положение выдвинуто не самим Бентамом или его последователями, но теми, кто стояли на спиритуальной почве, оно обозначено как абсолютно ариманическое. Оккультисты его собственной страны говорили о Бентаме, что он выдвинул это совершенно дьявольское положение. Они называли его дьявольским, поскольку, так говорили оккультисты, если бы было верным, что благо состоит в наи-

большем счастье для наибольшего числа людей, то зло должно состоять в наибольшем счастье для наименьшего числа людей.

Я не пытаюсь продемонстрировать вам мое собственное отношение к этому, но просто передаю то, что говорили другие. Итак, с одной стороны, английский философ Бентам: максимизация счастья; с другой стороны, английский спиритуализм, который говорит: положение, выдвинутое Бентамом — чисто дьявольское, ибо тогда злом должно быть наибольшее счастье для наименьшего числа людей; откуда должно следовать, что зло совместимо со счастьем, чего спиритуалист не может допустить ни при каких обстоятельствах. Я продемонстрировал вам здесь только один факт духовной жизни, который ясно указывает на то, в какой непримиримой оппозиции, в определенной области земли, находится спиритуализм к внешнему мировоззрению.

И, чтобы привлечь к этому ваше внимание, говорю вам, что завтрашние рассмотрения должны разрешить это противоречие. Вы можете сопоставить между собой три вещи: гётеанизм, контеанизм и бентамизм. Эти три вещи находятся в различных отношениях к спиритуальному стремлению человека в будущем. Немецкий гётеанизм, как таковой, построен так, что из него может развиваться спиритуализм; французский контеанизм построен так, что наряду с ним может развиваться спиритуализм, как это мы видим на примере Огюста Конта и Сен-Симона, которые наряду с позитивистской философией придерживались определенных мистических убеждений; при английском утилитаризме, представителем которого является Бентам, возможна только резкая оппозиция со стороны спиритуализма в отношении народного воззрения. Это то, что определяется самой почвой, на которой происходит развитие. Французская сущность должна так развиваться, чтобы попутно шли рядом друг с другом идеализм и реализм, мистика и позитивизм; в Англии; внутри британского существа, все более и более эти вещи приобретают такой характер, что спиритуалисты должны резко выступать против собственной народности, против той философии, которая расцветает на народной почве.

У Огюста Конта — я излагаю вам не теорию, но демонстрирую также факты, по крайней мере, отдельные факты —, несмотря на то, что он был обращен к позитивизму и отвернулся от своего учителя Сен-Симона, обнаруживается склонность к мистицизму, так что в конце своей жизни он отчетливым образом принимает троичность. Он почитает триаду: во-первых, Великий Фетиш; во-вторых, Великий Медиум; в третьих, Великую Сущность. И он говорит: Великий Фетиш — это материнское лоно человека в пространстве. Пространство — суть Медиум, посредством которого человечество рождается из материнского лона. Великая Сущность — это *in abstracto* само распространяющееся на Земле человечество. Эту триаду признает Огюст Конт. Примечательное слияние позитивизма с мистицизмом! Но об этом мы дальше будем говорить завтра.

ЛЕКЦИЯ ТРЕТЬЯ

Дорнах, 8 сентября 1918 г.

Вначале я напомним вам нечто, сказанное уже вчера, на чем мы будем строить дальнейшие рассуждения. Вчера я, в сущности, вам продемонстрировал, что невозможно составить себе представление об отношении идеального или спиритуального к материальному в мире, к чисто каузальному природному порядку, если не рассмотреть то, что представляет собой человеческий сон.

Мы исходили при этом из мыслей Августина, который во внутреннем опыте надеялся найти истинную надежность в отношении мира. Сегодня мы, как было сказано, не можем больше опираться на эти мысли по той простой причине, и это мы должны знать, что каждый сон человека противоречит этим мыслям. Ибо мы отныне не можем опираться на мысль о том, что человек испытывает внутри себя, сохраняется *post mortem*, после смерти, т.е. что это пережитое внутри человека действительно является вечным, если мы должны принять во внимание период между засыпанием и пробуждением, как это представляется обычному сегодняшнему сознанию которое видит, как затемняется во время сна то, что внутри себя испытывает человек. Но мы теперь говорим, что как только человек достигает первой ступени видения в духовном мире, он замечает, что в период от засыпания до пробуждения то, что мы называем «я» человека и его астральным телом — то есть собственно духовно-душевное существо человека — внутри так связывается с существами Ангелов, Архангелов и Архаев, как обычно в бодрствующем состоянии человек связан с растительным и минеральным царствами. Поскольку человек вследствие воздействия враждебных миру сил имеет во сне подавленное сознание, он не замечает, что во время сна он связан с иерархиями Ангелов, Архангелов и Архаев, и что его «я» и его собственное астральное тело пропитаны их сущностью, и что они поддерживают и сохраняют его «я» и астральное тело. И мы показали, как от этой связи человека с духовными существами зависит тройственное. Во-первых, благодаря этому мы имеем также в обычном сознании более или менее отчетливое чувство личности. Мы знаем себя как «я». Мы никогда не осознали бы себя как «я», пользуясь только находящимися в бодрственном состоянии в нашем распоряжении средствами. Как последствие того, что мы испытали во время сна, мы непрерывно испытываем днем, в бодрственном состоянии, чувство свободной личности. Это происходит оттого, что в период от засыпания до пробуждения, с нами связано ангельское существо, обитающее в духовном мире, к которому мы принадлежим. Но также архангельское существо, или, собственно говоря, целый ряд архангельских существ связан с нашим духовно-душевным существом. И от этого зависит, как последствие в бодрственном состоянии, что мы сознаем себя принадлежащими всему человечеству, что мы вообще сознаем себя на земле людьми.

Сознание, хотя и не совсем отчетливое, своей свободной личности имеет каждый человек. И менее отчетливо на заднем плане стоит сознание того, что человек есть вообще. Некоторые философы, такие как Фейербах или даже сам Огюст Конт, придерживались мнения, что для человека уже является важным открытием, когда он приходит к осознанию себя человеком вообще, когда у него появляется чувство своей принадлежности всему человечеству. И вчера мы говорили о том, как Огюст Конт говорил о Великой Сущности, имея в виду при этом не что иное, как человека. Но

Конт говорит с точки зрения обычной материалистической науки; он не знает, что спиритуально лежит в основе этого сознания, стоящего на заднем плане нашей душевной жизни, что такое человек. Мы ничего не могли бы знать о том, что такое человек, если бы то, что во сне отделяется от нашего физического и эфирного тел, не было пропитано архангельским существом.

И мы также пропитаны так называемым Духом Времени, существом, принадлежащим иерархии Архаев. Но, мы имеем очень слабое, смутное сознание того, что исходит от них. Да, сегодняшнее человечество вообще не имело бы его, если бы оно не чувствовало себя вчлененным в историю, в историческую жизнь. Восточное мировоззрение вообще не достигает сознания того, как живет земной человек. Это в особенности является задачей западной культуры — ощущать себя как историческое существо, как существо, — мы имеем в виду себя, — принадлежащее XIX, XX столетиям. Но немногим больше, чем число лет и несколько характерных дат — далее мы услышим, как мало это значит для постижения жизни — знает об этом современное материалистическое сознание человечества.

Ибо только духовная наука ведет нас к тому, чтобы познать, как от тысячелетия к тысячелетию изменяется душевный склад людей, как человек становится совсем иным, и как мы, оглядываясь на древние времена, познаем, что люди третьего послееатлантического периода, то есть египетско-халдейские народы, имели совсем другой душевный склад и человеческие свойства, чем мы имеем сейчас. Это чувство своей причастности ко всему развитию человечества в целом является отголоском нашей связи с Архаями в период между засыпанием и пробуждением. Так что в период между засыпанием и пробуждением мы должны поддерживать связь с этой третьей духовной иерархией.

Итак, в чем же состоит отличие нашей жизни в период от засыпания до пробуждения, то есть ежедневной, от жизни между смертью и новым рождением? Каждый вечер при засыпании мы, можно сказать, временно оставляем свои физическое и эфирное тела. Они сохраняются. Иначе обстоит дело, если мы не возвращаемся, если мы умерли. Тогда создается видимость, что наши физическое и эфирное тела передаются силам земного становления. Мы знаем, что так только кажется, мы недавно говорили о том, что это только кажется; но для нашего восприятия физическое и эфирное тела передаются земному и небесному пространству. Но мы в этот период между смертью и новым рождением имеем дело не только как во сне с существами третьей иерархии, но также мы имеем тесный контакт с существами второй иерархии, с Властями, то есть с Духами Формы, с Силами — Духами Движения, с Господствами — Духами Мудрости, а также с существами первой иерархии: с Серафимами, Херувимами и Престолами. И подобно тому, как здесь наше человеческое существо ориентировано на мир, и в этой окружающей нас среде представлено нам все, что содержится в царствах природы, также в период между смертью и новым рождением мы не внешне, но внутренне осознаем присутствие высших иерархий. В сущности, с определенной точки зрения, различие между спящим и мертвым человеком состоит в том, что во время сна мы непосредственно связаны с существами третьей иерархии, а после смерти мы связаны с существами всех трех Иерархий, то есть с наивысшими духовными существами.

Теперь, если вы усвоите все это, вы можете дальше рассматривать, как человек вообще вчленен в целое мироздание, как человек, будучи микрокосмосом, связан со всей Вселенной, с Макрокосмосом. Рассмотрим

сначала схематически то, что я вам сказал. Итак, мы сказали: наше духовное существо после смерти находится во внутренней связи с существами третьей иерархии, второй иерархии, первой иерархии, подобно тому, как внешне человек находится в связи с животным царством, растительным царством, минеральным царством, из которых построен он сам. Но есть и другие связи. Если вы изучили все то, что делают существа третьей Иерархии — они выполняют также и другие задачи, но мы обсуждаем всегда только частично эти вещи; не правда ли существа третьей иерархии являются отдельными индивидуальными существами, каждое само по себе, и совместно действуя, они что-то производят, что-то создают, — если вы вспомните, как действуют эти существа третьей иерархии, то, как я сказал, они прежде всего осуществляют то, что происходит в исторической жизни человечества (см. рис.).

Вы можете мыслить это также следующим образом: тот не знает ничего о действительной исторической жизни человечества, кто не имеет представления о том, что происходящее в истории в действительности создается не людьми, но существами третьей иерархии. Существа третьей иерархии — Ангелы, Архангелы, Архаи — создают, собственно говоря, историю, и человек участвует в творчестве этой третьей иерархии, развивая характерным образом свое сознание как личность, свое сознание как человек, свое сознание как историческое земное существо. Итак, человек находится в этом мире благодаря тому, что эти существа создают историческую жизнь, и тем, что человек внутренне связан с исторической жизнью, он обязан этим существам. Внешняя историческая жизнь, описанная в обычной истории, в сущности есть только *Fable convenue*, это только отражение внутренней исторической жизни, ее становление исходит от существ третьей иерархии.

Теперь мы можем спросить: какую же задачу выполняют подобным же образом существа второй и первой иерархий, то есть Власти, Силы, Господства, Духи Формы, Духи Движения, Духи Мудрости. Они имеют более обширные задачи. Отвлечемся вначале от их отношения к человеку.

Лучше всего вы можете оценить их задачу, если направите свой взгляд на ваше эфирное тело. Не правда ли, если вы, исходя из вашего «я», направите свой путь внутрь, то вы придете прежде всего к вашему астральному телу. Посредством вашего астрального тела вы связаны прежде всего с исторической жизнью человечества. В исторической жизни человечества действуют существа третьей иерархии, которые создают историческую жизнь людей. Но если вы пойдете дальше, если вы достигнете эфирного тела, то обнаружите, что это эфирное тело является весьма сложным существом. Человек в своем сегодняшнем сознании не много знает об этой сложности, которая лежит в основе этого человеческого эфирного тела. Но вы получите некоторое понятие об этом эфирном теле, если вы изучите «Тайноведение»; там в последовательности эпох Сатурна, Солнца и Луны, т.е. в последовательности воплощений нашей Земли, показано, как это эфирное тело выделилось из всего Космоса, и как в этом участвовали существа высших иерархий. Если мы все это соберем в наглядную формулу, то мы сможем, с определенной точки зрения, сказать: все то в мировом становлении, с чем связано эфирное тело, подобно тому, как астральное тело связано с историческим становлением человечества, все это образуют существа второй иерархии: Власти, Силы, Господства. То есть, чтобы сделать это более наглядным, я могу сказать: существами второй Иерархии образовано все то, что действует в эфирном теле человека.

Но это также указывает на нечто другое. Когда вы утром пробуждаетесь и погружаетесь в ваше эфирное тело, вы погружаетесь, собственно говоря, в творение существ второй иерархии. И вы погружаетесь также в ваше физическое тело. То, что знает внешняя анатомия и физиология об этом физическом теле, которое в мистериях называли Храмом Человека, это всего лишь самая внешняя оболочка. Мы получим некоторое понятие об этом чудесном образовании, называемом физическим телом человека, если будем знать, что оно является творением существ первой иерархии. Когда вы утром погружаетесь в ваше физическое тело, вы погружаетесь, собственно говоря, в творение высшей иерархии. Итак, представьте себе, как, собственно говоря, в жизни распределены эти вещи: Здесь, между рождением и смертью, когда мы бодрствуем, мы погружаемся вначале в наше астральное тело, в котором действует историческая жизнь человечества. Затем мы погружаемся в наше эфирное тело, творение второй иерархии, в котором многое действует из Космоса, из эфирного тела Космоса. И мы погружаемся в наше физическое тело, которое является творением существ первой иерархии. И когда мы живем между смертью и новым рождением, мы живем не в окружении творений, но самих творцов.

Итак, вы видите, как различается жизнь между рождением и смертью и жизнь между смертью и новым рождением. Вы нисходите, когда погружаетесь в свою телесность, во все то, что является творением высших иерархий. Когда вы умираете, вы погружаетесь в сами иерархии. Вы переходите от творений к самим творцам. Так взаимосвязаны эти вещи.

И теперь, сделав такой обзор, спросим себя: что же представляет собой наша земля? То, что сообщает о нашей земле обычная геология или другие науки, это опять же всего лишь внешняя оболочка. Вы знаете, что наше физическое тело состоит из элементов минерального царства. Благодаря этому мы в бодрствующем состоянии находимся в определенной части Земли. Мы имеем общее эфирное тело с царством растений, тем самым мы связаны со вторым членом нашей земли. Мы имеем общее ас-

тральное тело с животным царством, «я» же мы имеем только для себя. Таким образом, мы находимся в связи с тремя царствами Земли, и из этих трех царств, собственно говоря, и состоит вся наша Земля. Она представляет собой в некотором смысле основание и почву, на которой мы стоим, не физически, но всем нашим человеческим существом. Но этого нельзя увидеть, это остается сверхчувственным. Но поскольку мы стоим на этой почве, ее нижним членом является минеральное царство.

Вспомните известное нам из «Тайноведения», что минерального царства при прежних воплощениях Земли не существовало; на Луне еще не было минерального царства, тем более на древнем Солнце, и еще менее того на древнем Сатурне. Вы можете прочесть об этом в «Тайноведении». Минеральное царство появилось только на Земле, четвертом воплощении нашей Земли. Я прошу вас твердо это запомнить. Это трудная вещь, но это вещь исключительной важности. В некотором смысле образованию минеральной земли должны были предшествовать три состояния. Мы называем эти три образования элементарными царствами, минеральное царство является четвертым. Мы можем следующее сказать в отношении прежних воплощений: на сатурнической стадии воплощения нашей Земли образовалось первое элементарное царство; на солнечной стадии образовалось второе элементарное царство — существа, которые образовали минеральное царство, были прежним элементарным царством; на лунной стадии образовалось третье элементарное царство. В ходе эволюции до состояния Земли образовалось минеральное царство, как четвертое царство. Его человек носит в себе.

Находиться в минеральном царстве — означает находиться в четвертом образовании. Это минеральное царство мы носим в себе; только благодаря этому мы, собственно говоря, являемся видимыми существами. Но это минеральное царство является также единственным замкнутым в нас. Только когда земной период придет к завершению, когда состоится переход в другое воплощение, человек также будет замкнут в растительном царстве, как сегодня он замкнут в минеральном царстве. Тогда он будет находиться в пятом образовании. Итак, Земля закончит свое существование и настанет эпоха Юпитера; и человек будет находиться в таком же отношении к растительному царству, в каком он сейчас находится в отношении к минеральному царству. Он будет находиться в пятом образовании. Стоять в растительном царстве — означает находиться в пятом образовании.

Затем придет новое воплощение нашей Земли, мы называем его воплощением Венеры, эпохой Венеры. Человек будет тогда стоять в животном царстве, не быть животным, но стоять в животном царстве; это, как вы знаете, нечто другое, чем быть животным. Но стоять в животном царстве означает стоять в шестом образовании. И затем завершится, я бы сказал, вся септима мирового становления. Мы называем Вулканом это воплощение Земли. Человек достигнет наивысшей ступени своего образования, он только тогда станет цельным человеком. Стоять в человеческом царстве — означает стоять в седьмом образовании. И в седьмом образовании завершается жизнь людей.

Давайте посмотрим на сегодняшнего человека. Он стоит, как мы видели, в минеральном царстве; он еще не стоит в растительном царстве. Если бы человек стоял в растительном царстве, то вся его жизнь была бы другой. Он чувствовал бы себя не личностью, но точно так же, как он чувствует себя сегодня личностью, он чувствовал бы себя человеком, он

чувствовал бы себя членом всего человечества. Если бы он стоял в растительном царстве, для него например, было бы невыносимо, чтобы он имел какую-то долю счастья, если рядом с ним некто был бы несчастным. Сегодня человек чувствует себя как бы отгороженным стеной от других людей. Так и должно быть, иначе человек никогда не смог бы развиваться как личность. Но в будущем царстве Юпитера, когда человек будет стоять в пятом образовании, он станет совсем другим; там для него будет совершенно невыносимой мысль, что один может быть счастливым, а некто другой рядом с ним может быть несчастным. Сейчас люди не чувствуют себя единым организмом: но это не есть истина, это заблуждение, майя. Но придет время, когда человек будет стоять в растительном царстве, где счастье отдельного человека будет невыносимо, если рядом с ним есть несчастные.

Эти мысли лежат в основе того спиритуализма, о котором я говорил вчера. Я сказал вам: английские спиритуалисты в будущем развернут величайшую войну против общей английской народной культуры. Цветком этой народной культуры является утилитаризм; и то, что этот утилитаризм провозглашает у Бентама, это, в сущности, основоположение, которое можно назвать максимизацией счастья. Все более этот утилитаризм овладевает мышлением. Поэтому это мышление может спиритуализоваться только усилиями спиритуальной оппозиции. Такова перспектива в будущем: спиритуально мыслящие люди должны будут преодолеть народную культуру, преодолеть ее до полного уничтожения. Поэтому я вам продемонстрировал, что Бентам, который, исходя из народной культуры, пришел к основоположению, что благо на земле состоит в наибольшем счастье для большинства людей, имеет ожесточенных противников в лице спиритуально мыслящих людей в своей собственной стране, которые говорят: это чисто дьявольская дефиниция, ибо такое определение можно дать, если только не думать ни о чем, кроме сегодняшнего дня. Если хотя бы немного подумать о будущем развитии, то станет ясно, что эта мысль совершенно невыносима: счастье для наибольшего числа людей, поскольку верно противоположное: счастье для наименьшего числа людей должно быть злом. Но зло и счастье никак не совместимы друг с другом; ибо в будущем, вследствие того, что человек почувствует себя стоящим в растительном царстве, он почувствует себя членом всего человечества, такое противопоставление будет невозможным. Так же как сегодня нельзя просто удалить у человека какой-нибудь важный орган, чтобы не погиб весь человеческий организм, так и в будущем, когда Земля будет стоять в растительном царстве, нельзя будет причинить страдания какой-то отдельной группе людей, не причинив страдание целому. В будущем мы придем к такому состоянию развития. И поскольку Бентамом дана дефиниция счастья, которая не имеет будущего, но ориентирована только на настоящее, она должна быть преодолена теми, кто стремится к спиритуальности.

Могут сказать: но почему же это должно быть противопоставлением, определение Бентамом блага, как счастья для большинства людей, и определение зла, как счастья для меньшинства людей? Такое абстрактное противопоставление недоступно рассудку, но спиритуалист мыслит не абстрактно, спиритуалист мыслит конкретно. Он не мыслит: что является противоположностью этому? — но он мыслит о реальном, которое развивается, и это большей частью не согласуется с голым человеческим мышлением.

И еще в большей мере будет отдельный человек участвовать в целом, когда он будет стоять в шестом образовании. И еще больше он почувствует себя цельным человеком, совершенно одухотворенным человеком, когда он будет стоять в седьмом образовании.

Из этого мы видим, что так как мы сейчас стоим на твердой почве земли, мы, люди, как творение, дошли только, собственно говоря, до четвертого образования. Мы имеем минеральный мир в законченном виде. Другие царства, в том виде, в каком они находятся сейчас, частично погибнут, и человек их образует в ином виде: растительное царство так, как я его описал. Животное и человеческое царства мы сегодня не будем больше описывать, но вскоре сделаем это.

Так человек, если его как творение рассматривать среди других творений, стоит в четвертом образовании. Но он проникает в другие образования, ибо мы уже видели: во сне человек находится под влиянием третьей иерархии. Эти иерархии продвинулись дальше, чем он, они сегодня уже находятся в пятом образовании, а другие существа развились еще дальше, то есть он проникает на более высокие ступени образований. Я прошу вас набраться терпения и действительно продумать эти субтильные мысли; ибо вы должны здесь делать различия, мыслите ли вы себя как творение, или вы мыслите себя независимым духовным существом, каким вы бываете, например, во сне или в период между смертью и новым рождением. Поскольку вы мыслите себя в своем физическом, эфирном, астральном теле и в «я», постольку вы мыслите себя как творение на Земле, мыслите себя в четвертом образовании; но вы проникаете в пятое, шестое и седьмое образования. Но поскольку вы не просто живете в своем теле, но также и вне своего тела, во сне или после смерти, вы проникаете в другие иерархии, и эти другие иерархии развились значительно дальше. Итак, мы можем сказать: когда мы Землю со всем, что находится на ней и внутри нее, рассматриваем как сотворенные существа, то она как сотворенное существо достигает только четвертой ступени, и мы как сотворенные существа достигаем вместе с ней только четвертой ступени. Однако благодаря тому, что мы чувствуем себя самостоятельными личностями, что мы чувствуем себя людьми, что мы чувствуем себя членами земного развития, что мы знаем, что наше эфирное тело является творением второй иерархии, наше физическое тело является творением первой иерархии, благодаря этому мы проникаем в другие сферы, в другие образующие элементы.

Но весь процесс ведь не прекращается при достижении седьмого образования. Эволюция идет дальше, и по мере того, как мы проникаем в высшие образующие формы, мы проникаем также в восьмую образующую форму, знаменитую восьмую сферу. Мы спокойно можем сказать: некоторым образом, по мере того, как мы достигаем высокоразвитых ступеней высших существ, мы достигаем, находясь в божественном царстве или духовном царстве — как вам угодно — восьмого образования. Но мы вступаем в это восьмое образование тончайшими составными частями нашего духовного существа. Это вступление в восьмое образование представляет собой величайшую тайну, однако мы можем составить себе очень слабое представление об этом вступлении в восьмое образование, если обдумаем следующее.

Мы знаем, что центральным событием на земле является Мистерия Голгофы. Если мы рассмотрим развитие Мистерии Голгофы в период от 1 до 33 года нашего летосчисления, в 747 году от основания Рима, то мы

обнаружим, что она находится в первой трети четвертого послееатлантического периода. Мы говорим о том культурном развитии человечества, когда произошла Мистерия Голгофы, как о четвертой послееатлантической культурной ступени. Мы знаем, что третья послееатлантическая культурная ступень предшествовала греко-латинской культурной эпохе. Сейчас мы находимся в пятой, ибо четвертая, на которую выпадает Мистерия Голгофы, завершилась в XV столетии по Р.Х. Теперь, мы находимся в первой трети пятого послееатлантического культурного периода. Итак, человек развивается на протяжении этих культурных периодов, однако, когда мы описываем эти культурные периоды, мы описываем, собственно говоря, нечто, в чем человек участвует не полностью. Вы все были, безусловно, воплощены в египетско-халдейском периоде, в третьем послееатлантическом периоде, затем в греко-латинском культурном периоде и в нынешнем; но вы проживаете непрерывно — если все идет хорошо, то вы доживаете примерно до восьмидесяти лет — примерно восемьдесят лет, но между этими жизнями лежат довольно большие промежутки времени, когда вы находитесь между смертью и новым рождением. Итак, от этих периодов развития Земли, последовательность которых мы описали, человек проживает только малую их часть.

Вы, конечно, можете сказать: да, человек в физическом теле испытывает только часть того, что происходит в этих культурных периодах; но он наверняка не напрасно живет в физическом теле: он испытывает мир с точки зрения физического тела, поскольку то, что он может испытать посредством физического тела, он не может испытать, находясь между смертью и новым рождением. Высоко или низко следует оценивать то, что человек испытывает в период между смертью и новым рождением, в чисто духовной области, мы не будем сегодня обсуждать, но этот опыт другой, чем тот, который человек может получить через свое тело, и это очень важно учитывать. И человек действительно не напрасно посредством своего тела может испытывать нечто в мире, он не мог бы испытать эпизоды общечеловеческого развития, если бы он не проделал определенного телесного развития. Это крайне неудачное представление, когда земному телесному развитию противостоят в аскетической форме, когда его рассматривают как нечто враждебное высшему человеку. В действительности же оно таким не является, но оно дает человеку то, чего он не мог бы достичь никаким иным путем. И человек глубоко заблуждается, когда презирает телесную жизнь, когда он рассматривает тело как нечто низшее, ибо оно является высшим, важнейшим, исполненным значения в общей жизни человека. Духовная наука менее всего разделяет тот мистицизм или то извращенное направление в христианстве — не истинное, но извращенное направление, — которое презирает то, что оно называет земным миром. Человек в период между смертью и новым рождением видит мир совсем в другой перспективе; он испытывает его так, как он может его испытывать: внутри него действуют не творения, как при наличии физического и эфирного тел, но сами творцы. Здесь он переживает иное.

Отсюда следует, что во время земной жизни нашей задачей является познавать не только чувственное, но также и сверхчувственное. Ибо историческую жизнь человечества, которая является результатом действия третьей иерархии, мы не можем познать, исходя из перспективы земной жизни. И для нашего времени, — я прошу обратить внимание на то, что я

сказал: для нашего времени, ибо в дохристианское время это было не так, — очень существенно, чтобы человек осознал: если он хочет познать существо истории, то живя здесь на Земле, в период между рождением и смертью, он должен изучить также, как Ангелы, Архангелы и Архаи действуют в исторической жизни. Познавать мир только так, как хочет его познавать естествознание, познавать мир так, как его описывает история, как будто история творится только людьми, а не существами высших иерархий, это значит познавать только самую внешнюю оболочку исторического становления. Только тот познает историю, кто сознает: он должен, некоторым образом, здесь в физическом теле наблюдать, что делают на Земле существа, которых он в период между смертью и новым рождением наблюдал совершенно иначе, — я позволю себе употребить выражение, которое можно использовать только в сравнительном смысле, — наблюдал их персонально, индивидуально в их небесных действиях. Он должен познавать их в их деятельности на Земле, в исторической жизни.

Но так было не всегда; это относится только к эпохе, в которую мы живем. И прежде всего так не было в третьем послееатлантическом периоде, до 747 года, в египетско-халдейскую эпоху. Мы знаем, что тогда вся душевная жизнь, все душевное состояние человека было совсем другим. Тогда сверхчувственная жизнь вливалась в обычную человеческую жизнь, тогда человек знал, хотя и излагал это несколько иначе, чем мы теперь трактуем это в мифологии: существа третьей иерархии действовали в его «я» и в его астральном теле. Он имел в виду существ третьей иерархии, он называл их Осирисом или Зевсом или Аполлоном или Минервой, или как-то иначе, но он знал: эти существа, которых он только так мог воспроизвести в своей фантазии, — но его поэтические образы относились к этим существам, — воздействовали на него. Также если он не хотел их видеть, он все равно видел их внутренне, ибо в те давние времена еще не было заблуждения сознания, которое есть сегодня; но было только заблуждение жизни, которое эти облики, как говорится, антропоморфозировало. Но люди знали об этих обликах.

Это тот пункт, посредством которого вся жизнь людей стала другой. Сегодня человек, находясь в обычном сознании, не знает, что здесь вмешивается в его жизнь. Человек был рожден как душевное существо в этом третьем послееатлантическом периоде, затем он снова был рожден в четвертом послееатлантическом периоде, и затем снова рожден в наше время. Он не видит, как существа третьей иерархии формируют историческую жизнь, но он должен это изучить, он действительно должен это изучить! Не в истинной, но в мифологической форме это изучал древний человек.

Но углубитесь теперь в рассмотрение такой человеческой души — она проходит больше инкарнаций, как вы знаете, но давайте вначале рассмотрим три последовательные: одну египетскую, одну греческую, и одну пятого послееатлантического культурного периода, — углубимся в рассмотрение такой человеческой души. Во время третьего, египетско-халдейского культурного периода, она испытывала то, что могла испытать благодаря тому, что вносили в жизнь существа третьей иерархии. Но постепенно это угасло. Немногое от этого еще испытывали в четвертом, в греко-латинском периоде; многие люди еще действительно это испытывали

вплоть до 333 года после Мистерии Голгофы, потом это постепенно угасло; затем люди все более и более должны были ограничиваться тем, что находится в чувственном мире, если они не могли внутренне развиваться до того, чтобы другим путем познавать духовный мир и тем самым подняться до существ третьей иерархии.

И теперь, если мы рассмотрим такую душу, которая снова вернулась, она пришла со всем тем, что она восприняла в себя в третьем послееатлантическом периоде, в египетско-халдейском культурном периоде; она пришла со всем этим, но представим себе, что такая душа противится тому, чтобы в нынешней инкарнации признать воздействие третьей Иерархии в исторической жизни человечества, и она говорит себе: что мне за дело до того, что делали Ангелы, Архангелы, Архаи; для меня история — это то, что люди делали на Земле. Такая душа не учитывает того, что во всем, что люди устраивали на Земле, во всем этом участвовала третья иерархия. Представим себе для ясности — для многих душ это было справедливым в греко-латинском периоде вплоть до 333 года. Представим себе для ясности, что такая душа явилась из египетско-халдейского, из третьего послееатлантического периода: здесь ей нет необходимости напрягаться, чтобы узнать нечто о деяниях существ третьей Иерархии, ибо они теперь сами собой влились в человеческую жизнь; эта душа носит их еще в себе. Итак, мы можем сказать: то, что выработала в себе тогда эта душа, она носит в себе. Древнему египтянину нельзя было сказать, об этой исторической жизни, что люди делают историю — он не имел о ней правильного представления, но он видел историческую жизнь. Он только рассмеялся бы, ибо он видел, что историю создают существа третьей иерархии, хотя он и представлял себе все это в чувственных образах.

Это все современные люди носят в себе, но, естественно, бессознательно; это погружено в подсознание. Теперь они верят в то, что история представляет собой нечто, что творят люди на Земле. Здесь вступает в силу своеобразный душевный настрой, который я прошу вас рассмотреть точнее. Если бы мы всмотрелись в такую душу в наше время, то мы бы сказали, что эта душа отказывается действительно вчлениваться в историческую жизнь человечества, она говорит: я не хочу ничего знать о деяниях Архаев, Архангелов, Ангелов; я доверяю только внешним свидетельствам того, что люди делали в те древние времена. Но вследствие этого такая душа не может развиваться дальше, такая душа остается в действительности на той ступени развития, на какой она стояла в египетскую эпоху; она достигает только зрелости души египетской эпохи, но не приходит к тому, чтобы познавать действительность. Ангелы, Архангелы, Архаи, развились дальше, они сделали то, что человечество должно испытать с тех пор. Такая душа говорит: я не могу полагаться на то, что сделали иерархии там наверху в духовном мире; я полагаюсь только на свои собственные способности. Но эти способности всего лишь те, которые она приобрела в древнюю египетскую эпоху.

Большое число таких душ живет в настоящее время, и подумайте о том, в каком своеобразном положении находятся такие души! До 333 года душа еще не могла находиться в таком положении, ибо тогда она еще достигала самого духовного мира; но сейчас, начиная с этого времени, некоторые души оказались в весьма своеобразном положении: они ведь не могут уклониться от действительности, в действительности же они, естественно, находятся внутри того, что сотворили Ангелы, Архангелы и Архаи; но они

отрицают это в своем сознании, они принимают в свое сознание только то, что здесь на Земле сделано людьми.

Это тот случай, когда человек как творение стоит в четвертом образовании, ибо четвертая образующая ступень включает в себя все то, что происходит в сотворенном мире. И так, все то, что с египетских времен человечество создало на Земле, принадлежит четвертому образованию, но сам человек уже перерос это, и благодаря тому, что он с 333 года вообще всем своим существом бессознательно врос в то, чего он достиг в действительности, благодаря этому он своим существом перерос даже седьмую ступень образования, он достиг восьмой образующей ступени. Так что сегодня существует возможность, чтобы души действительно достигли восьмой ступени образования, но они этого не признают, поскольку они не признают относящейся к восьмой ступени деятельности исторической жизни человечества при посредстве Ангелов, Архангелов, Архаев, но признают только четвертую ступень, так что восьмая ступень остается в них бессознательной. Это исключительно важные факты.

Итак, если исходя из такого положения души образовать мировоззрение, что в результате получится? Человек игнорирует свою собственную действительность, он не воображает себе, что он внедряется в высокое духовное царство (он действительно ему принадлежит), но он соглашается только с тем, что он принадлежит человеческому царству. Этот душевный настрой ясно выступил только в период, который я в последние дни назвал индустриальной эпохой. Только погружение человека целиком в индустриальную жизнь привело его к тому, чтобы полностью в своем мировоззрении игнорировать тот факт, что человек принадлежит духовному миру, и считаться только с внешними деяниями человека. Это нечто очень важное. Невозможно понять современность, если не знать, что сегодня существует множество людей, которые со своим мировоззрением достигли восьмой сферы, и которые игнорируют этот факт, они приносят величайший вред Земле, вступая в какую-нибудь мировую сферу, бытие которой они отрицают. Ибо когда человек отрицает, что он находится в восьмой сфере, что он достиг восьмой образующей ступени, он изолирует себя от добрых существ этой образующей ступени и попадает под влияние ариманических духов этой образующей ступени. Его мышление вместо того, чтобы стать божественным или духовным, становится ариманическим.

Говоря с духовно-научной точки зрения, нужно указать на истинные факты этого мира. И истина состоит, например, в том, что такое материалистическое восприятие истории и мировоззрения, как у Карла Маркса, жившего с 1818 по 1883 годы, является чисто ариманическим. Его тайна состоит в том, что признается только материально происходящее в существе Земли, что игнорируется присутствие духовности человека в сверхчувственных мирах, и вследствие этого игнорирования человек попадает под власть ариманических сил. Ибо как только человек отвлекает свое сознание от миров, которым он принадлежит, он попадает под влияние ариманических или люциферических сил, в данном случае — ариманических.

Итак, мы стоим сегодня перед фактом, что большое число людей придерживаются чисто ариманического мировоззрения, отстаивают это чисто ариманическое мировоззрение, и тем самым привлекают к Земле все то, что должно придти, если вместо божественного порядка над Землей распространится ариманический порядок. Философия Бенгама, о которой я вчера вам говорил, является прежде всего внешним теоретическим

выражением этого ариманического воззрения. Марксизм представляет собой такое выражение, которое является деятельным, формирующим, поэтому он имеет колоссальное влияние. И инерция буржуазной жизни ничего об этом не знает и не заботилась на протяжении десятилетий о том, что на почве социальной жизни развились элементы такого мировоззрения. Марксизм — это крайнее его выражение. Он будет действовать и в дальнейшем. То, что вначале было только знанием, стало явлением, стало действительностью. Только воззрение на эти вещи, которое снова станет волеобразующим, может помочь в этих вещах.

Такие истины являются решающими, такие истины не подходят для воскресных сенсаций; такие истины являются тем, что внутренне связано со всей современной культурной жизнью. И многое зависит от того, чтобы человек то, что живет в его мыслях, познавал в связи со всем мировым порядком. Ибо в наши дни мы вступили в тот временной цикл, в котором мы не сможем двигаться дальше без ужасных катастрофических явлений, если мы не будем видеть, как то, что происходит в самом человеке, выделяется из становления всего Космоса.

Такие истины, если они найдены в результате поисков истины, — я вас уверяю в этом, — такие истины прежде всего приводят в смятение. Когда имеют чувство того, как действуют в мире великие истины, то имеют также чувство смятения от этих великих истин. Удобным вживание в жизнь этих истин не назовешь. Только те, кто мыслят поверхностно, могут думать, что это не приводит в смятение, если сказать: люди, о которых большинство людей думают, — а это так и есть, — что они честно стремятся к истине, насквозь пронизаны ариманическим духом! Это может разбить сердце, мои дорогие друзья! Поэтому, когда встречаются такие истины, от них стараются отделаться. Но эти истины не предназначены для того, чтобы они в одно ухо влетали, а из другого вылетали. Они не предназначены также для того, чтобы находить их при своей одинокой медитации и воспринимать их как сенсацию. Для этого эти истины не годятся. Нужно уметь с ними справляться, нужно уметь находить, как то, что мы знаем как развитие мира, что находится вокруг нас, также суждения людей, располагают к тому, чтобы так было.

Тот, кто подобно мне видел, как много сегодня людей, — в этом люди могут убеждаться посредством внешних фактов, — которые живут марксизмом или подобными ему воззрениями, тот чувствует необходимость познакомиться с этими вещами поближе. Тогда зачастую ему говорят: не впадаешь ли ты в иллюзию? Не обязательно сомневаться во всем духовном мире, само собой разумеется, нет, но в отношении таких конкретных истин часто говорят: быть может, ты все же впал в какую-нибудь иллюзию! Глубокое чувство ответственности в отношении истины, вот что нужно развить именно в отношении духовных истин. Тогда мы будем копать все глубже и глубже. Но есть в действительности не мало, но очень, очень много подтверждений того, что я вам сейчас привел, подтверждение ариманического характера марксизма или подобных мировоззрений.

Некоторое время тому назад я высказал вам определенное требование. Я говорил о том, что время, как мы его испытываем, является, собственно говоря, заблуждением, что время в действительности представляет собой нечто совсем другое, чем испытывает его человек, поскольку человек воспринимает время не перспективно, — так я вам говорил. Пространство

человек уже воспринимает перспективно; отдаленные деревья видятся ему меньшими, чем ближние деревья. В действительности же нужно также перспективно воспринимать время. Отдаленные во времени события нужно видеть иначе, чем ближайшие во времени. Но это является только основой того, чем в действительности является время, и все исследователи во все времена сходились в одном: время — это важнейшее средство человеческих заблуждений. Нам кажется, что, например, существа высших иерархий так движутся во времени, как течет во времени наша собственная душевная жизнь; но на самом деле это не так. В действительности же существа высших иерархий находятся в утекающем времени, но они действуют из утекающего времени подобно тому, как в пространстве можно воздействовать с какого-нибудь отдаленного места на существо, находящееся где-то вблизи, посредством светового сигнала или как-то иначе. Время — это не то, что видится человеку, время — это также не то, что думают о нем такие философы, как Кант, но время в действительности — это нечто совсем другое. И то, что видится человеку как действительность, на самом деле является майей, великим заблуждением. И прежде всего всегда присутствует то, о чем мы думаем, когда живем во времени как в заблуждении, что оно прошло. Но оно остается; время действительно становится чем-то подобным пространству. И если правильно смотреть, то давно прошедшие события нужно рассматривать так, как отдаленные предметы в пространстве. Время — это заблуждение.

И духовная наука знает также, что источником других великих заблуждений в человеческом мировоззрении является то, что человек находится в заблуждении относительно времени. Если бы многие из вас были физиками, я бы мог обо всем этом говорить с чисто физической точки зрения. Я мог бы вам посредством физических формул показать, что то, что физики вводят в свои формулы как t , это время является просто числом, то есть чем-то незнакомым, не действительностью, но чистой видимостью. В действительности же всегда есть только скорость, но физик именно ее рассматривает как следствие времени. Но поскольку вы не являетесь физиками и, вероятно, не расположены к пониманию этих вещей, я опускаю их изложение.

Время — это заблуждение, это очень весомая истина, поскольку время, как заблуждение, лежит в основе многих других заблуждений жизни. Так, например, если к исторической жизни мы неправильно применим время, то многие вещи будем видеть в ложном свете. Люди мыслят примерно так: в первые три христианских столетия произошли определенные события, которые теперь можно считать давно прошедшими. В действительности же они должны мыслить так: Архангел или существо из иерархии Архаев, которое тогда управляло событием, еще присутствует; но оно действует дальше другим образом. Прошлое бытие — это только заблуждение. Многое зависит от того, чтобы в отношении духовной действительности познавать именно перспективный характер времени, сознавая, что в отношении событий в их временном течении можно также заблуждаться, — не сознавая этого, — подобно тому, как мы будем заблуждаться относительно событий в пространстве, если не будем учитывать перспективу. Представьте себе, как велико может быть заблуждение, если вы не будете учитывать перспективу, если вы отдаленное в пространстве будете считать в такой же мере действующим на вас, как и ближайшее. Вы смотрите на отдаленную гору. От воздуха, который вас окружает, существенно зависит ваше здоровье; от воздуха, окружающего

отдаленную гору — нет, и если вы хотите, чтобы он действовал на вас оздоравливающим образом, вы должны отправиться туда. Действительность существенно связана с перспективой, если мы говорим о действительности в жизни. Так же обстоит дело с понятием времени. Мы правильным образом живем в настоящем времени, если не думаем, что отдаленные события прошлого могут иметь для нас такой же вес, как и ближайшие события. Если мы всматриваемся в третий послеатлантический период, в египетско-халдейскую эпоху, и обращаем внимание только на то, что сообщают нам документы, и так регистрируем события, как их регистрирует Fable convention, которую сегодня называют историей, то мы делаем перспективную ошибку. Ибо для нашей сегодняшней жизни вообще не имеет никакого значения то, что люди исполняли в египетское время, как свои внешние деяния, но значение имеет только то, что делали Ангелы, Архангелы и Архаи; но это проявляется только при рассмотрении, учитывающем перспективу. Поэтому существует основоположение, и не только сегодня, когда мы все эти вещи должны заново открыть на почве антропософии, но это основоположение было во все времена и для всех духовных исследователей, что время как таковое является заблуждением, и никогда серьезные знатоки действительности не рассматривали время как нечто истинное.

И теперь произошло нечто своеобразное, этот Карл Маркс, о котором я говорил, которому присягают сегодня миллионы, хотя более или менее полусознательно, более или менее в формулах, (но это не так важно; тот, кому знакомы эти вещи, тот знает, что тысячи людей присягают ему, или если они и не присягают ему внешне сознательно, то делают они это подсознательно) этот Карл Маркс попытался ответить на вопрос: чем является истинная продукция человечества? Чем в действительности является то, что произвело человечество? Его ответ на этот вопрос звучит весьма оригинально; ибо он ответил на вопрос так, как еще никогда никто не отвечал; то, что является результатом деятельности людей, всегда рассматривалось как-то иначе, чем это рассматривал Карл Маркс. Плоды человеческой деятельности рассматривали, например, с точки зрения, можно ли их использовать дальше, или какие усилия разума потребовались, чтобы сделать то или иное открытие. Однажды я вам пытался это пояснить, сказав: человеческая работа должна рассматриваться также качественно, нужно целиком обращать внимание на конкретное. Рассмотрим искусственный Готтхартский туннель. Ни один человек не может сегодня построить что-либо подобное Готтхартскому туннелю, если он не владеет дифференциальным и интегральным исчислением, а дифференциальное и интегральное исчисление является изобретением Лейбница, или англичане считают его изобретением Ньютона — оба борются за честь быть первооткрывателями. То есть можно считать, что Ньютон и Лейбниц участвовали в построении Готтхартского туннеля. В самом деле, без них его не смогли бы построить! Но работу Ньютона и Лейбница нужно оценивать совсем по-другому, чем труд человека, который клал один камень на другой в Готтхартском туннеле. Это одна точка зрения, с которой можно оценивать человеческий труд, работу человека. Учение о ценности человеческой работы, человеческой жизни принимало различные формы. Труд, жизненные блага рассматривали с разных точек зрения, но никогда так, как это сделал Маркс. Карл Маркс включил единственный элемент в свое учение о стоимости. Для него все то, что представляет ценность в человеческой

жизни, только потому имеет ценность, что оно является конденсированным временем, а именно, конденсированным рабочим временем. Можно ли нечто изготовить за три часа, за шесть, за двенадцать часов, это служит мерой ценности его для народного хозяйства, для мирового хозяйства. На этом основана большая часть теории Маркса, которая сегодня настолько в ходу, что если какой-нибудь человек с более высокой точки зрения говорит о работе, то встает рабочий, правоверный социалист, и говорит: прошу Вас, прочтите Карла Маркса, — естественно, он не имеет книги при себе, — страницу 374, там Вы найдете то или иное.

Чтобы судить о жизни, нужно действительно знать жизнь, иначе мы будем повсюду только удивляться, что там или здесь происходит то или иное. То, что происходит, исходит из импульсов человеческой души. Но если мало заботиться о том, что происходит на основе человеческой души, о чем так мало заботились в последние десятилетия люди на Земле, то не следует удивляться тому, что события в целом приобретают катастрофический характер. Но то, что я вывел, я вывел из одного особого основания. Это впервые наблюдается такое оригинальное явление, что то, что является только источником заблуждения, становится масштабом всех народнохозяйственных ценностей: время в форме рабочего времени.

Рассмотрите это с точки зрения более высокой перспективы. Действительно, благоразумный человек всегда сознает: время — это заблуждение. Но является некто, кто говорит: но то, что в мире представляет ценность, имеет ценность, постольку поскольку заключает в себе конденсированное рабочее время. Или это можно выразить другими словами: итак, ваша действительность является иллюзией, и только то, что является конденсированным временем, имеет действительную ценность. Заблуждение исходит именно от тех, которые хотят быть совершенно материалистичными, которые хотят целиком стоять только на почве действительности, превращая форму времени в действительность, проглядывая при этом саму действительность.

Это только один пример. Я мог бы продемонстрировать вам множество вещей, которые обнадеживают, если не заботиться об истине, и которые подобно грому врываются в душу, если принимаешь близко к сердцу жизнь человечества. Но если рассмотреть вещи конкретно, если рассмотреть такое явление, как Карл Маркс, о котором известно, что его дух действовал ариманически, и спросить его: как поступишь ты в отдельном случае? — и тогда открывается ариманическое, и тогда чувствуют: ты должен признать такую истину.

Я хотел вам привести только один пример. Ведь, в принципе, не легко это признать и сказать себе: все то, что анахронически действует сегодня в мире, действует так потому, что люди выпали из духовного мира, который вследствие этого стал для них восьмой сферой, и что они воспринимают мир с точки зрения творения. Если вы согласитесь с гим, то вы ощутите в полной мере вес того, что я вам всякий раз не устаю подчеркивать: сегодня дело вовсе не в том, чтобы человек содержательно говорил нечто прекрасное, нечто, с чем можно согласиться, но в том, что из того, что сказано или сделано, становится в действительности. Я должен все снова и снова объяснять, я все снова делаю попытки, — вы знаете, что я говорю это не из какого-нибудь нелепого тщеславия, — обратить внимание на то, что дело не в том, чтобы иметь то или иное мыслительное содержание, но в том, чтобы видеть, как оно действует. Вы можете иметь самые прекрасные

мысли. Но если вы не имеете никакого представления о том, как в мире действуют эти мысли, то они могут вызвать действие, противоположное ожидаемому. В течение последних лет я пытался прояснить эти вещи на различных примерах. Так, например, в начале XX столетия я прочел одну лекцию, в которой сказал — многое из того, что мною было тогда сказано, я сформулирую в нескольких словах, поскольку я хочу это только проиллюстрировать: сегодня есть люди, их больше, чем кажется, которые придерживаются пацифистских программ, они с точки зрения своего пацифизма очень красиво говорят о руководстве человечеством. Еще никогда, собственно говоря, пацифизм не получал такого распространения, как в это время — я имею в виду начало века. И это является, сказал я, явным признаком того, что человечество стоит на пороге великой войны. Ибо так нереально мыслить о человеческих взаимосвязях, как мыслят в ходе этого кризиса, настолько держаться содержания мыслей, и так мало осознавать реально действенное, живущее в душе, и то, что можно познать, только рассматривая мировую перспективу в целом, такого раньше не было. Это возможно только в эпоху, когда повсеместно распространяются вещи, о которых мы здесь говорили.

Как могло случиться, что именно для многих людей определяющим явилось совершенно недействительное, то, что является не большим, чем мыслительное содержание, которое никогда не может соотноситься с тем, что происходит в реальности, это содержание мыслей Вудро Вильсона, оно является не чем иным, кроме как египетско-халдейским мыслительным содержанием, которое не заботится о том, что является духовной действительностью в истории, но только нагромождением абстрактных мыслей, как это могло случиться? Это все определяется своеобразием нашей эпохи. Будущие историки свяжут с именем Вудро Вильсона все то, что произвело наше время нереального, противоположного действительным мыслям.

Это то, что должно быть решающим в нашей мировоззренческой жизни, и что нельзя рассматривать с точки зрения текущего момента, но нужно рассматривать точки зрения всей космологии. Тот, кто отвечает на такие вопросы с точки зрения целостного мировоззрения, тот судит о таких людях, как Вудро Вильсон, не на основании симпатий или антипатий, но он судит так же объективно, как можно объективно судить о каком-нибудь предмете. Но это является анахронизмом, что сегодня многие люди не могут найти к этому доступа, поскольку находят неудобным смотреть в лицо этим вещам. Невозможно смотреть в лицо вещам, если не провести более глубокое исследование этих вещей. О таких душах, которые сегодня утратили отношение к исторической жизни, нужно сказать: есть души, которые игнорируют то, что происходит в действительной истории благодаря деятельности третьей Иерархии, и которые поэтому, когда говорят, имеют дело не с действительными импульсами, но, в принципе, только со словесной шелухой.

Это является основным требованием времени, чтобы быть знакомым с этим и видеть, что имея самые прекрасные понятия, которые могут захватить человеческий рассудок, прекрасные понятия, которых может быть достаточно для исследования окружающей нас природы, мы можем ничего не понять в истории. Ибо история разыгрывается не так, как природные явления; история разыгрывается как деяния духовных существ. Это то, что нужно связать с другими мировоззрениями. Человек исходил из теократии,

как я вам описал это вчера, поскольку он вспоминал себя в эпоху теократии, когда он был вчленен в теократический порядок; затем пришла метафизическая эпоха, которая, в сущности, образовала чиновничье управление всем миром; затем настало чисто материалистическое время, индустриальная эпоха. Она полностью погрузится в нереальное относительно духовного, если не создать ей противовес посредством возвращения к реальному, к действительному, которое можно рассмотреть только, если подняться к тому, что в настоящем временном цикле скрыто от людей в их обычной жизни. Мы должны снова научиться говорить о сверхчувственных вещах, если хотим говорить об истории. В XIX столетии много говорили об исторических идеях, — теперь каждый знает, что посредством идей не срубишь дерева; но в то, что историческая жизнь человечества направляется идеями, в это верили, например, последователи Ранке и подобные ему историки. Нужно увидеть, что эта эпоха, чисто метафизическая эпоха, также должна быть преодолена, иначе разрастется то мировоззрение, которое ограничено рассмотрением чувственного. Человечество должно работать в направлении спиритуального. Но оно сможет это сделать только в том случае, если оно вначале, по меньшей мере в области истории, перейдет от рассмотрения кажущейся истории к временной последовательности, вплоть до реальных явлений, которые стоят за чувственной действительностью, и особенно постижимы, я бы сказал, именно в области истории. Но тогда не будут больше черпать свои социальные и прочие программы из идей, которые ориентированы чисто на внешнюю жизнь, тогда свои социальные программы снова будут черпать из откровений духовного мира. Из этих откровений духовного мира взяты те программы, которые создают сегодня люди, но они очень и очень различны.

Но об этом мы будем говорить в следующий раз. В следующую пятницу я продолжу эти рассуждения; они не могут так скоро завершиться.

ЛЕКЦИЯ ЧЕТВЕРТАЯ

Дорнах, 13 сентября 1918 г.

Я продолжу в более афористичной форме излагать вам тему, которой мы занимаемся в последние недели, и которую я обозначил для вас, сказав, что величайшие трудности в вопросах мировоззрения лежат сейчас — я всегда подчеркиваю это «сейчас» — в том, что, исходя из современных воззрений, человеку трудно перекинуть мост между тем, что называют идеализмом, и тем, что можно обозначить как воззрение на природный порядок вещей. Как только современный человек пытается проложить такой мост, как только он пытается прояснить для себя, например, моральные идеи, — если мы из всей совокупности идей выделим одну группу, желая выработать не внешнее, но внутренне-реальное отношение к воззрениям, к понятиям, минуя ход каузального природного порядка, — он впадает в своеобразный мировоззренческий дуализм, если выражаться в смысле духовной науки. Это мы всегда подчеркивали. Человек пытается построить такой мост, но это ему не удается.

Нам будет легче рассмотреть то, что здесь имеется в виду, если мы этот дуализм нового времени сравним с чем-то подобным, существовавшим в древнем мире — я имею в виду дохристианский период, поскольку мы говорим о дохристианской эпохе. Наш сегодняшний дуализм подобен тому, что для древнего человечества может быть названо фатализмом. Вплоть до II, III столетий до Р. Х., и в дальнейшем еще в большей степени — это все более становилось анахронизмом — усилилось стремление к фатализму. И в

принципе, фатализм утверждался также на основе греческого мировоззрения. В новое время всякий фатализм стал анахронизмом, то есть он больше не присущ современности. И если древние люди, можно сказать, соблазнялись фатализмом, то люди Нового времени, особенно современные люди, соблазняются дуализмом.

Теперь давайте уясним себе, на чем это основано, что древние люди так легко впадали в фатализм. Мы ведь знаем, что душевный склад людей радикально изменился в ходе развития, и это будет предрассудком, если рассматривать только постепенное развитие, как это делает общепринятый дарвинизм. С душевным складом людей произошли радикальные перемены, и в этом отношении история является в наибольшей степени *Fable convenue*. Душевный склад древних людей был таков, что перед ними природа никогда не выступала в таком виде, в каком она выступает перед сегодняшними людьми, и, напротив, также духовное не выступало в такой понятийной форме, в форме представлений, в которой оно выступает перед современным человеком. Все представления о природе были у древнего человека такими, что он представлял себе природу связанной с духом, и само духовное он представлял себе так, что для этих представлений он брал образы из природы. Если взять древнее учение о богах, то оно в виде мифов целиком пропитано представлениями, взятыми из чувственной природы. Когда говорили о природе, то говорили о ней не так сухо и абстрактно, как мы сегодня говорим, но говорили об элементарной духовности, о существах, которые действуют в природных явлениях.

Это было основано не на детском способе выражения, но было основано на действительном воззрении, на действительном душевном складе. Древний человек видел природу не так, как мы ее видим под влиянием сегодняшней науки, также не будучи учеными; он видел свою духовность не так абстрактно, не просто в виде совокупности представлений, как это сегодня видим мы. Вследствие этого слияния природы и духа сам человек впадал в фатализм; ибо коль скоро природные явления для человека были пропитаны, как я вам говорил, деяниями духов, то, само собой разумеется, вся жизнь была предопределена внешним образом, равно как и человеческие деяния тоже были предопределены. Это был образ, но древний человек не имел другого образа; этот же необходимо вел к заблуждению фатализма.

С течением времени появился другой душевный склад. Изменения этого душевного склада мы уже характеризовали с самых разных точек зрения; давайте сегодня рассмотрим его с совершенно особой точки зрения. Давайте сегодня поставим вопрос, ответить на который мы сможем только на основе всего того, что мы провели перед нашей душой в ходе последних докладов: что, собственно говоря, является существенным из того, что человек видит, когда он наблюдает природный порядок, и что является существенным из того, что человек внутренне обдумывает, когда он сегодня говорит о духе?

Вы ведь знаете, что человек, также если он не является теоретиком — о теоретиках мы не будем говорить, — чисто инстинктивно, если он сегодня наблюдает природный порядок, приходит к действию веществ и сил. Я говорю сейчас не о естественнонаучных теориях относительно веществ и сил, но я говорю о том, как сегодня обычный, средний человек представляет себе природу, когда он в своих представлениях о природе приходит к тому, чтобы в отношении природных явлений в основу своего воззрения

совершенно инстинктивно положить вещественные и силовые процессы. Тогда человек приходит — если исследовать эти вещи, если их объективно исследовать, то мы с этим согласимся — к иллюзии. Ибо, собственно говоря, все то, что может быть в этой связи сказано о веществе и силе, все это есть иллюзия. Это основано не только на ошибочном ходе мыслей, это просто основано на сегодняшней душевной конституции, на сегодняшнем душевном складе. Мы уже больше не говорим, как индийские мировоззрения, о майе и иллюзии, поскольку мы это обстоятельство не наблюдаем в обычной жизни. Мы не наблюдаем это обстоятельство, и поэтому, когда мы представляем себе природу, мы всегда живем в иллюзии. Это одна сторона.

Другая же такова: как обстоит дело с сегодняшним духовным воззрением? Это сегодняшнее воззрение весьма и весьма парит в абстракциях. Вы лучше всего можете это проследить, если возьмете ту или иную философию. В данном случае совершенно безразлично, какую философию взять. Вы можете взять полузапутанную, развертывающуюся в игре слов философию Эвкина, вы можете взять опирающуюся на более солидную основу философию Либмана, вы можете взять философию Шопенгауера, обращаясь более к популярному сознанию, и т. д.: повсюду в философиях и мировоззрениях говорится о духе; если эта философия не чисто позитивистская, как у Конта, с которой мы недавно познакомились, если она не материалистическая, то философы везде говорят о духе. Но что это такое, о чем говорят философии, и что, основываясь на сегодняшней душевной конституции, понимается под духом? Точно так же, как человек как бы протягивает сеть через природные явления, когда он принимает вещественный и силовой порядок, превращая воззрение на природу в иллюзию, так и все то, что сегодня говорится в общепринятых воззрениях о духе, в принципе, является галлюцинацией, и общепринятые философии являются, собственно, только суммой таких незаметных галлюцинаций. В принципе, человек сегодня так конституирован, что он со своей душой, когда он наблюдает природу, парит между иллюзиями, а когда он созерцает дух, он парит между галлюцинациями. То, что философы грезят о духе, поскольку они чисто из понятий хотят конструировать свои воззрения о духе, это является, в сущности, только совокупностью тонких галлюцинаций, хотя и тонких, но все же галлюцинаций. Это образования, которые всплывают изнутри человека по причинам, о которых сегодня мы не будем говорить, и которые как таковые не имеют никакого непосредственного отношения к действительности.

Я часто обращал ваше внимание на такие явления в мире фактов, которые ясно показывают, что все то, что человек может себе представить, не обязательно имеет много общего с действительностью. Чтобы закрепить это, я указывал на то, что, например, некоторые философы в своей наивности говорят о том, что человека нужно мыслить состоящим из тела и души, и придерживаются мнения, что они говорят непредвзято. Но в действительности — я уже обращал ваше внимание на это — что представляет собой вся философия Вундта или подобная ей философия? Это только последовательный вывод из того, что решил Всемирный Собор в Константинополе в 869 году: что нельзя говорить — примерно так звучало тогда решение Собора, — если речь идет о человеке, о теле, душе и духе, но что духовное является только свойством душевного, и что можно говорить

только о теле и душе. И трихотомия тело, душа и дух в продолжение всего Средневековья расценивалась как еретическое воззрение. Теологические философы содрогались, когда они, следуя действительности, были принуждены о теле, душе и духе говорить только намеками, ибо это также было еретическое воззрение. Это воззрение исповедуют философы еще сегодня. Они излагают только то, что догматизировал этот Собор в Константинополе, и они думают, что они говорят непредвзято, они думают, что они излагают то, что следует чисто из их воззрения, излагают результаты собственных исследований, тогда как в действительности они являются только проводниками решения Собора. Нужно вещи рассматривать без иллюзии; нужно смотреть на действительность. Наши юные студенты повсюду в философиях изучают то, что решил Собор в Константинополе в 869 году.

Я вовсе не собираюсь доказывать, что то, что изучают сегодня, является прямым следствием и действием того решения Собора; но то, что тогда было догматизировано на Восьмом Соборе в Константинополе как догма, было мыслительным следствием глубоких явлений, которые были скрыты за поверхностью вещей, и которые сегодня еще продолжают действовать. И все то, что хотят догматизировать — безразлично, делали ли это brave философы, выступавшие на Соборе в Константинополе, или brave философы сегодняшних университетов, — все эти понятийные призраки, в принципе, являются не чем иным, кроме как понятийными галлюцинациями, которые восходят в человеке и которые слишком тонки, я бы сказал, чтобы постигать реальное содержание, стоящую за ними действительность. Поскольку сегодняшний человек в силу своей душевной конституции некоторым образом качается между галлюцинациями своего понятийного мира и иллюзиями своего природного воззрения, постольку для него существует опасность дуализма. И ему всегда будет грозить опасность, что все, что он выдумывает как идеи, как идеалы, он сможет внести только в галлюцинаторную сферу понятий, которая достигает действительности; но то, что он выдумывает относительно природы, он может внести только в иллюзорную сферу природного воззрения, которая также не сопрягается с истинной действительностью. Человек никогда не достигает того, чтобы то, что он называет истиной — просто слово, — найти непосредственно, я имею в виду, удобным путем. От того, что в жизни ему приносит раздвоение, сомнение, скептицизм, он должен пробиться к истине. В сегодняшнем цикле развития человек вынужден, исходя от колебаний между галлюцинациями философии и иллюзиями естествознания, возвышаться до истинной действительности, к тому, что является действительным.

Можно задать вопрос (естественно, я говорю более или менее афористично, только целое может прояснить все взаимосвязи): каковы могут быть основания для того, чтобы древний человек в вопросах мировоззрения более впадал в фатализм, а новый человек более в дуализм? Таким опасностям подвергаются тогда, когда предаются голой игре понятиями, сегодня можно сказать: голой диалектике.

На это вы можете, конечно возразить: сегодняшний человек при своем чувстве действительности совсем не расположен к голой игре понятиями. Вы на этот счет очень заблуждаетесь! Будущая эпоха, которая более объективно будет оценивать нашу, отметит, что никогда человечество не было так склонно к теоретизированию, к голой игре понятиями, как в наше

время. Но если отвернуться от действительности и начать манипулировать понятиями, разделять их, связывать в тот момент, когда мы уходим от действительности, в этот момент возникает опасность впасть либо в фатализм, либо в дуализм. Но самое важное, что особенно нужно привить современному человеку, это рассматриваемое здесь с разных точек зрения чувство действительности.

Но именно в отношении духовных вещей не так-то уж легко воспитать это чувство действительности, ибо именно в отношении духовных вещей впадают более, чем замечают это сами, в голую игру понятиями, в голую диалектику. И то, что проявляется как внешняя иллюзия, как только переносится в морально-духовную жизнь человека, еще больше способствует созданию иллюзии. В отношении определенных вещей человек всегда пытается теоретизировать. Он пытается теоретизировать относительно добра и зла, о свободе или необходимости; о наиважнейших вопросах жизни, можно сказать, человек ужасно склонен к теоретизированию, то есть охотно предается голой игре понятиями. И то, что сегодня то там, то здесь мы встречаем в дискуссиях на мировоззренческие темы, как правило, происходит, собственно говоря, только в рамках диалектики понятий. Люди обманывают себя даже в том, что им кажется, что они манипулируют понятиями, но в действительности они имеют не понятия, но наряду с понятиями они имеют еще симпатии и антипатии для определенных понятий, и соответственно своим симпатиям и антипатиям люди образуют те или иные взаимосвязи понятий и т.п. Но на этом я хотел бы немного остановиться. В большинстве дискуссий, касающихся мировоззрений, которые всего лишь являются игрой понятий, совершенно отвлекаются от действительности.

Чтобы прояснить то, что я здесь имею в виду, давайте исходить от часто встречающегося в жизни факта: от ненависти. Такую вещь, как присутствие ненависти в человеческой природе, нужно объяснить. Часто те или иные вещи пытаются объяснить голой игрой понятиями. Ненависть ведь выступает как душевное явление, как психологическая реальность. Но тот, кто углубится в эти вещи, очень скоро найдет, что все краски явления ненависти, собственно говоря, не покрываются понятиями, которыми пытаются ее объяснить. Такие вещи как ненависть можно понять, только если попытаться от мира иллюзий перейти к миру истинной действительности. Ненависть есть нечто, что разыгрывается в человеческой душе, имея глубокие основы в мире действительности. Встает вопрос: эта ненависть, является ли она в мире действительности тем же самым, что и ее проявление в человеческой душе? Если она в мире действительности представляет собой нечто иное, чем проявление ее в человеческой душе, то мы вскоре увидим, насколько мы далеки от духовного воззрения, если мы просто познаем ненависть в человеческой душе. Если мы, пользуясь духовно-научными методами, отыщем ненависть в Космосе, — теперь не в отдельном человеке, в отдельном человеке эта ненависть разыгрывается в душе, — если мы отыщем ее в Космосе, то это будет чем-то совсем иным. То, что в человеческой душе проявляется как ненависть, мы находим также в Космосе. Нужно только за этим не пытаться искать такие природные силы, какие ищет сегодняшняя научная иллюзия, но нужно в действительности смотреть на то, что стоит за природой, тогда мы и в Космосе найдем то, что соответствует ненависти. Но в Космосе эта ненависть суть нечто совсем другое, чем в человеческой душе. В Космосе ненависть представляет собой

силу, без которой никогда не могла бы состояться индивидуализация. Никогда не могли бы возникнуть отдельные существа, также не могли бы возникнуть отдельные человеческие существа, если бы в Космосе не было сил ненависти. Я говорю не об иллюзорном отталкивании атомов, но я говорю о некоей реальности. В Космосе возникает ненависть, но в Космосе ненависть не подлежит моральной оценке, как если мы ее оцениваем в человеческой душе. В Космосе ненависть — это сила, которая лежит в основе всякой индивидуализации. Весь мир слился бы в одно огромное единство, как его охотно представляют туманные пантеисты, не было бы отдельных существ, он не был бы расчленен, если бы во всем Космосе не господствовало то, что люди вначале не видят в Космосе, но что разыгрывается в душе человека в особой форме, которую познают как ненависть.

Однако встает вопрос: как соотносится человеческое с этим космическим? С одной определенной стороны я вам уже указывал на это; сегодня давайте добавим к этому еще некоторые афористические рассуждения. Когда рассудительные филологи — сегодня также и филологи, во-первых, слишком абстрагируют, во-вторых, стали филистерами, — но когда рассудительные филологи изучают языки, найденные у так называемых диких народностей Америки, когда «цивилизаторы», я говорю это в кавычках, проникли в Америку, то есть когда эти цивилизаторы открыли диких американцев, там нашли эти рассудительные филологи, что весьма примечательно, что эти дикие люди имели логически хорошо сформированные языки! Нашли огромное количество таких языков, которые, как заверяют филологи, и как есть на самом деле, в образовании и членении языка подобны финскому, испанскому и итальянскому. Такие вещи находят у аборигенов Гренландии. Итак, нет никакого сомнения: того интеллекта, которым так гордится современный человек, эти дикари не имели. Но этот современный интеллект также не слишком многого достигает, когда он занимается созданием языков, в чем в достаточной мере можно убедиться. Тогда, в самом деле, в человеческой душе, которая была в значительной мере еще дикой, которая еще не обладала современным интеллектом, действовал объективный разум, тот объективный разум, который я недавно вам показал действующим при создании языка. Этот действующий в человеке разум застал его еще не слишком индивидуализированным, каким застаёт человека сегодняшний мировой разум; он застал человека еще мало индивидуализированным, менее обособленным, и действовал в нем более как космический разум. Так он влился в развитие человечества. Человек в те древние времена не был таким диким существом, каким представляют его антропологи, создавая о нем иллюзорные представления, но он был членом целостного организма — естественно, мы образно говорим об этом — и лишь постепенно индивидуализировался. Однако человек был членом, и в большей степени выражал еще космический разум или, можно сказать, в нем в большей степени выражал себя космический разум.

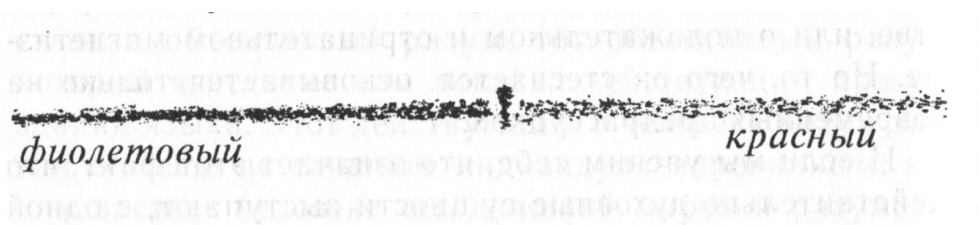
Здесь вы видите действительное указание на то, как космическое разыгрывается в человеческой душе. И теперь вы можете перенести все сказанное на такое специальное явление, как космическая ненависть, которую мы обнаруживаем и в человеческой душе. И вы знаете, что в духовной области, как и в природной области, мы можем говорить об определенном роде полярностях. Как произошло то, что космический разум влился в язык? Сегодня человеческая душа не способна больше к языковому

творчеству, но она была к нему способна; то, что сегодня выступает в языке, это только остаток. Как в человеческие души проник тот космический разум, как он стал индивидуальным? Если мы будем искать ответ на этот вопрос, то придем ко всему тому, что мы называем ариманическим. И как из космического вошло в человеческую душу то, что мы называем ненавистью? Здесь мы приходим к люциферическому, полярно противоположному ариманическому. Сегодняшний человек стыдится говорить об Аримане и Люцифере, но он не стыдится говорить о положительном и отрицательном электричестве, или о положительном и отрицательном магнетизме. Но то, чего он стесняется, основывается только на современных предрассудках.

И если мы уясним себе, что означает этот факт, что действительно духовные сущности выступают, с одной стороны, как люциферические в таком образовании как ненависть, или как ариманические в таких вещах как язык или мышление, то мы должны также, с другой стороны, уяснить себе то, насколько эти вещи важны в общих мировых взаимосвязях, какое место они в них занимают. Если я ненависть рассматриваю так, что я говорю, что на ней основаны великие начальные события, то, что может индивидуализироваться, обособиться, что не все сливается в один общий первобытный туман, то я указываю этим на феномен, на факт ненависти в далеком прошлом, в том прошлом, когда человек еще не выделился в своей нынешней форме; я указываю на очень и очень отдаленное прошлое. То есть я даю вам представление о ненависти, которое соответствует далекому, далекому прошлому, когда человек еще не выделился из общего мирового порядка. Мы можем говорить о различных природных царствах, о которых мы знаем — вам достаточно только прочесть мое «Тайноведение», — как они строились: минеральное, растительное, животное, человеческое царства. Мы можем говорить об этих природных царствах. Когда мы говорим о них не с точки зрения иллюзии, но с точки зрения их действительности, во всех них живет внутри сила ненависти, но такой ненависти, как я ее описал вам как космическую ненависть.

Теперь мы достигли в эволюции той точки, когда в человеческой душе разыгрывается то, что вообще является космическим фактом; оно разыгрывается в душе благодаря действию люциферических, ариманических сил: теперь это находится внутри человеческой души, оно изъято из космического, взятого в том виде, как это космическое образовалось из прошлого до нашего времени.

Итак, мы знаем, — если мы схематически изобразим космическое прошлое до сегодняшнего момента времени (фиолетовое) (после того как мы так много говорили о так называемом законе сохранения силы или вещества, которого ведь не существует!), что в некотором смысле то, что с точки зрения природы реальным является в настоящее время, прекращает свое существование вплоть до вещества. Мы знаем: то, что сегодня является

духовно видимым настоящим, является зародышем для вещественного будущего (красное). Духовно наблюдая эти вещи, мы можем сказать: все то, что на данный момент принадлежит прошлому, истекает из духовного. Это пришло к завершению. Будущее также истекает из духовного. Но оно никогда бы не зафиксировалось в природный порядок, если бы действовал закон сохранения силы и вещества. Но это представление, что существует закон сохранения вещества и энергии — сильнейший из всех предрассудков, существовавших когда-либо. Духовное, которое заявляет о себе сегодня в голом мышлении, также является зародышем будущего природного порядка, подобно маленькому семени растения, образовавшемуся в нынешнем году, являющемуся зародышем растения будущего года.

Поэтому и сам человек двойственным образом стоит в мировом порядке. И нужно указать на эту двойственность человека, если мы хотим понять взаимосвязи в целом, если мы хотим найти переход от космической ненависти к индивидуально-душевной ненависти, которая проявляется в природе человека.

Вы знаете, что если мы человека рассматриваем так, как он сегодня стоит перед нами, то мы можем сказать: его существом являются представления, чувства и воля. Он расчленяется на представляющее, чувствующее, волящее существо, которое образует единство. Но все прекрасные высказывания философии останутся бесплодными, если, с другой стороны, мы не научимся строго различать определенные вещи. Даже самые проникательные современные психологи обращают внимание на то, что о воле, собственно говоря, мы не знаем ничего достоверного. Я уже говорил вам о существе воли; сегодня же достаточно указать на то, что современная психология также должна сказать, что она не знает о воле ничего достоверного. Воля, по своей сущности, в бодрственной жизни человека тоже спит. Можно сказать также, что человек со своей душой не спускается в область воли. Человек думает — я показал это на конкретных фактах при обсуждении Августина, — что он находится внутри своего существа, когда он образует представления; но он не может этого сказать в отношении воли. Как какое-нибудь волевое намерение связывается со сложным механизмом движения руки или движением ног при ходьбе, об этом в бодрственной жизни человек знает так же мало, как во сне о своем теле или об окружающем мире. В отношении воли современный человек, собственно говоря, спит. Если, используя методы духовной науки, от голых представлений перейти к воле, то, исходя из фактов, однако из духовных фактов, мы научаемся понимать, как это произошло, что человек спит в отношении своей воли.

С нашим мышлением, с нашим человеческим интеллектом дело обстоит бы совсем плохо, если бы не было еще других обстоятельств, которые я уже упоминал, и о которых я еще далее буду говорить. С нашим мышлением дело обстоит бы совсем плохо, ибо наше мышление всегда остается в отношении нашего человеческого существа в детском состоянии. Наше мышление в течение нашей жизни между рождением и смертью приобретает некоторые знания относительно настоящего; о прошлом и будущем мира оно не знает ничего или строит некоторые гипотезы, которые тотчас рассыпаются, стоит только рассмотреть их более серьезно. Но это мышление является также зародышем будущего. И как семя растения сегодня не является чем-то, имеющим значение для действительности растительного мира, но в лучшем случае оно разовьется только в

следующем году, также и сегодняшнее мышление не имеет ценности для действительности. Оно находится в таком же отношении к имеющему действительную ценность, как маленький ребенок в отношении взрослого человека. Мышление, собственно говоря, целиком предназначено для будущего; и оно в будущем приобретет реальное значение, подобно тому, как из семени впоследствии развивается целое растение. Собственно содержание, субстанция мышления, имеет сегодня ценность только как зародыш. Но если мы, используя методы духовной науки, погрузимся в волю и попытаемся познать субъект нашей собственной воли, — воля это ведь только деятельность, — тогда воля окажется чем-то, что несет в себе сознание о далеком прошлом, космическом прошлом. Вы никогда не сможете посредством интеллекта понять что-либо в эволюции мира, если посредством имажинации, инспирации и интуиции не погрузитесь в волю; ибо только в человеческой воле, которая в то же время строит весь человеческий организм, заключен субъект, который подобно тому, как вы имеете память в отношении вашей обычной жизни, имеет память о космическом прошлом.

В этом состоит различие между человеческим интеллектом и человеческой волей, что человеческий интеллект развивает память только для персональной, индивидуальной жизни, но воля, к которой человек не имеет доступа посредством своего интеллекта, имеет память о космическом прошлом. Человек носит в себе память о космическом прошлом, но без духовно-научного исследования интеллект не имеет к этому доступа. Итак, можно казать: на одной стороне стоит человек как волящее существо, несущее в себе, если можно назвать это памятью, — мы говорим только образно, — память о космическом прошлом. И как интеллектуальное существо он несет в себе только настоящее, поскольку интеллект является только зародышем будущего, но еще не нечто настоящее. Как семя растения — я должен это повторить — еще не несет в себе ничего настоящего, но нечто будущее, таким же образом интеллект так относится к воле, как маленькое семя растения к целому растению. Но поскольку мы волящее существо, мы стоим, как космический человек, благодаря индивидуализации целиком на почве прошлого; поскольку же мы являемся индивидуальностями, мы находимся в настоящем и готовимся к тому, чтобы прорасти в будущее.

Итак, собственно говоря, волю в отношении интеллекта можно сравнить со стариком в отношении ребенка. Как старик относится к ребенку, так же, естественно, с соответствующим временным масштабом наш волящий человек относится к нашему мыслящему человеку.

Каким образом осуществляется сглаживание? Но в нашем мыслящем человеке действует также то, что я часто называл ариманическим, космическим разумом. Если бы имели дело только с человеческим, без воздействия на человека Аримана, то в настоящее время с нашим интеллектом дело обстояло бы совсем иначе. Римско-католическая церковь была бы очень довольна человечеством, которое имело бы интеллект только в той мере, который сегодня прорастает из человеческой природы. Ибо этот интеллект в отношении к тому, к чему человек предрасположен в общем Космосе, является ребенком, а нашу волю можно сравнить со стариком.

В нашем мышлении — и это мышление в эволюции невозможно себе представить без соучастия, например, языкового элемента — действует ариманическое. В нашей воле действует люциферическое. Ариманическое, пронизывающее нас, поскольку наш интеллект на современной ступени

эволюции еще очень слаб и является еще ребенком, возносит его на значительную высоту. Но есть обратная сторона этого: мы имеем интеллект, который, собственно говоря, прорастает не из нас; мы имеем примерно такой интеллект, который можно сравнить не с таким растением, которое прорастает из почвы и затем развивает семя, но с таким растением, которое растет на другом растении, которое производит не семя, но другое растение, а именно, весьма совершенное растение.

Наш интеллект ариманически организован, ариманически структурирован. Поэтому наш интеллект представляет для людей нечто ослепляющее. Само собой разумеется, если мы являемся духовно-научными исследователями, мы не придерживаемся точки зрения, что этим интеллектом, поскольку он ариманический, нельзя пользоваться; но нужно только рассматривать вещи, будучи свободными от иллюзий, нужно только ясно сознавать, что человеческий интеллект — это свет, который ярче светит, чем светил бы тот свет, который как интеллект изливался бы сегодня из человеческой природы. Интеллектуальный принцип представляет для человеческой природы нечто ослепляющее, смещающее для него вещи в такую сферу, в которой он слепнет. И подобно тому, как сильный слепящий свет падает на вещи, так дело обстоит и когда человек своим интеллектом освещает вещи. Вследствие этого он, собственно говоря, делает их иллюзорными.

И подобно тому, как в наш интеллект вмешивается ариманическое, так в нашей воле, поскольку она спит, разыгрывается люциферическое. Как наш зародышевый интеллект просветляется ариманическим принципом, так люциферическое усыпляет, убаюкивает волею субъект, который, собственно говоря, несет в себе все прошлое, так что человек ничего больше не знает об этом прошлом.

Это несколько глубже затрагивает основу дуализма в человеке, того дуализма, который должен быть преодолен, но который не может быть преодолен, если не обратиться к самим фактам, к фактам духовной жизни, если не знать того, что с нашим интеллектом в мире дело обстоит иначе, чем с нашей волей. С нашим интеллектом и нашей волей дело обстоит так, как если бы ребенка поставить рядом со стариком и искусственно вводить себя в заблуждение, абстрактно представляя себе человека, как будто он есть голая абстракция, и сказать: ребенок — это человек, и старик — тоже человек. Такие понятия свойственны сегодняшним людям, поскольку они вечно все путают одно с другим. Так сегодня представляют всевозможные доказательства единства души и думают, что душа как таковая находится в одинаковых отношениях как к интеллектуальному мышлению, так и к воле, тогда как, если учесть сказанное мной, если мы хотим действительно, фактически понять человека, нужно делать различия. То, что мы посредством голого интеллекта мыслим себе как мировоззрение, никогда не может подступиться к действительности, всегда остается галлюцинацией, поскольку исходит от нашего интеллекта, пронизанного духовным существом, которое не принадлежит этому миру: ариманическим существом, которое не принадлежит тому миру, который мы видим своими глазами. То же относится, с другой стороны, к воле, которая пронизана люциферическим существом.

Люди всегда чувствовали эти вещи, и в той или иной форме выражали это. Мало, например, обращают внимания на то, что уже в Ветхом Завете содержится по меньшей мере намек на эту полярную противоположность

ариманического и люциферического. Я сказал, что на это мало обращают внимания, поскольку люди при чтении Библии прекрасно читают одну главу за другой, и не различают такие противоположности, как между книгами Моисея и книгой Иова. Но в этой противоположности книг Моисея и книги Иова уже лежит ощущение полярной противоположности между ариманическим и люциферическим. Моисей ставит вопрос о зле, присущем человеческой природе, то есть о том, — как я показал выше, — как космическая ненависть порождает ненависть в человеке. Моисей ставит вопрос о зле. И он представляет грандиозную картину грехопадения. Мы знаем, что за этим грехопадением скрывается то, что мы называем вступлением люциферического в человеческую природу. Затем с этим связываются определенные последствия, и из воззрения Моисея следует, что, собственно говоря, от этого человеческого грехопадения — дочеловеческого грехопадения, если так вам больше нравится — произошли все беды, а также смерть. Так что согласно воззрению Моисея: несчастье и смерть являются следствиями грехопадения.

Радикально противоположное воззрение мы находим в книге Иова. Во-первых, мы видим уже здесь не Змея, но чисто духовное существо, ариманическое существо, которое приближается к самому божественному существу. И здесь идет речь не о таком человеке, как Адам, который впал в грех, но об Иове, который был «праведником». И каким образом это существо, которое подступает к Богу, хочет достичь того, чтобы Иов впал в грех? Оно хочет этого достичь тем, что приносит ему несчастье! Это в точности противоположное: это существо хочет принести Иову несчастье, чтобы он впал в грех. Несчастье уже есть, и от несчастья должен произойти грех. У Моисея несчастье является следствием греха, в книге Иова грех является следствием несчастья: эту противоположность чувствовали. Уже тогда ощущали своего рода дуализм. Здесь мы имеем дело с радикальной противоположностью между воззрением более языческой книги Иова, и чисто иудаистскими книгами Моисея. Но, как было сказано, эти книги читают просто друг за другом, не обращая внимания на такие вещи.

Сегодня для человечества совершенно необходимо, чтобы человек не соблазнился тем слабоумным «самопознанием», которое часто определяют как нечто очень ценное, но чтобы человек действительно учился себя познавать, чтобы он также учился фактически различать интеллект и волю, как он учится различать водород и кислород; иначе ему будет только казаться, что он преодолевает описанный дуализм.

То, что происходит в определенном возрасте, всегда подготавливается длительное время. И изучать следует, собственно говоря, только то, что особенно характерно выступает в определенном возрасте. И поскольку мы действительно хотим преодолеть современный дуализм, давайте еще раз взглянем прежде всего, с одной стороны, на галлюцинаторную деятельность интеллекта, с другой стороны, на иллюзию природных явлений; и то, и другое связано с тем, что я описал выше. Вследствие этого с человеком произошло в некотором отношении расщепление душевной жизни. В нем действуют, я бы сказал, два потока, тогда как он должен стремиться к тому, чтобы поток был один.

Один из потоков действует сегодня особенно соблазнительно: это тот поток, который исходит из отношений, в которых душа находится к природному порядку. Сегодняшний человек, который видит в нем равноценную действительность для всех вещей, — анатом, чтобы не ходить

далеко за примером, или физиолог, — берет сегодня человеческое тело и различает чисто внешне, не внутренне, отдельные члены этого тела. Он кладет, можно сказать, сердце рядом с печенью и различает их между собой чисто внешне, без оглядки на временную перспективу, о которой я недавно говорил; тогда как в действительности о природе сердца, как и о природе печени можно сделать правильное заключение, только учитывая временную перспективу; если, например, выработать такой духовнонаучный подход к эмбриологии, чтобы научиться делать различия во времени закладки эмбриональных органов, в закладке сердца и далее, чтобы не представлять все равномерно построенным из клеток, что, с одной стороны, верно, но с другой стороны, полная чепуха. Ибо, как вы знаете, нечто может быть в одно и то же время правильным и чепухой.

Но так, как сегодняшние научные течения пытаются объяснить природный порядок, они не учитывают то, что разделено во времени, они ставят эти вещи рядом и тем самым приходят к абстракции. Особенно велик соблазн просто одно сопоставлять с другим: причина — следствие, причина — следствие, причина — следствие — абстрактное иллюзорное каузальное упорядочивание! Мы знаем из объяснений, которые я давал вам в прошлом году, а также уже в этом году, что так нельзя рассматривать природу, что природу можно только тогда объяснить, если видеть в ней, в первую очередь, отражение духа. Тогда мы придем к истинному учению о метаморфозе, истинному гётеанизму. Тогда голова человека представится наблюдателю как образование, в котором отображается далекое прошлое; тогда наблюдателю представится организм конечностей как нечто, указывающее в далекое будущее. Но то, что представлено здесь в виде отдельных явлений, не только связано между собой как причина и следствие, но представляет собой имагинацию, выражение того, что за этим стоит. Мы никогда не познаем человеческую голову, если мы ее будем постигать только так, как будто она вырастает из всего остального организма, тогда как в действительности она образовалась из всего Космоса, и образовалась из Космоса иным способом, чем, например, конечности. У физика вызвало бы смех, если бы кто-то стал утверждать, что магнитная стрелка потому показывает на север, что она внутри себя имеет силу показывать на север; но это объясняется тем, что Космос, то есть земной магнетизм, дает направление для магнитной стрелки. Однако в человеке или вообще в организме все должно прямо вырастать из него самого!

Как магнитная стрелка из космических оснований, с одной стороны, показывает на север, а, с другой стороны, показывает на юг, точно так же, — но теперь из космически-временных оснований, — человек своей головой указывает на далекое прошлое, когда сама Земля претерпела метаморфозу, а своим организмом конечностей указывает на отдаленное будущее. Он космически ориентирован во времени. И это было бы образованием учения о метаморфозе, это есть действительный гётеанизм: восхождение от голого иллюзорного каузального порядка к постижению природы посредством имагинации. Когда то, что находится перед нами, мы познаем как образ чего-то другого, то мы возвышаемся над голой иллюзией.

Но не следует оставаться при голой природе. Требуется коррелят, требуется дополнение. Тот, кто так говорит о природе, снова был бы фантастом, если бы он просто так воспринимал природу, и если бы он, с другой стороны, не пытался объяснить: то, что новая философия противопоставляет природе как дух, есть галлюцинация, при ней также

нельзя оставаться. По мере того, как то, что живет сегодня, постепенно развивалось, человечество проходило различные стадии, чтобы раз за разом упражняясь, продвигаться к тому, чтобы человеческая душа заняла определенную позицию в постижении духа. И здесь нужно различать три ступени. Как можно сказать, что постижение природы сегодня представляет собой еще нечто весьма спутанное, и нужно стремиться к ступеням познания, которые описаны в моей книге «Как достигнуть познания высших миров» как имагинация, инспирация и интуиция, так можно сказать, что душевное человека интеллектуально образуется через три ступени к действительной позиции в духе, к действительному постижению в духе.

Это три ступени: смутное предчувствие, переживание духа, что, естественно, имеет несколько галлюцинаторный характер, поскольку воспринимает дух в настоящем и не сознает, что он является зародышем будущего; это предчувствие, переживание духа в грезах. Вторая ступень — это пророческое видение, когда примерно в смысле древних иудейских пророков действительно видят будущее, то есть когда испытывают нечто из того, что в духе несет зародыш для будущего. И третья ступень, которая еще менее понятна, но которая несет в себе нечто более глубокое, это апокалиптическое видение мира. Но все они являются предварительными ступенями для духовнонаучного видения, которое, с другой стороны, должно быть связано — поскольку иначе оно, образно говоря, парило бы в воздухе — с образным видением природы. Образное видение природы поднимает нас над иллюзией естествознания. Реальное отношение к тому, что мы получаем посредством смутного предчувствия будущего, посредством пророческого видения, апокалиптического видения, выводит нас из галлюцинаторного созерцания духовной жизни.

Мы безусловно не должны — это является задачей людей в настоящее время — воспринимать дух так, как его воспринимают новые философии. Мы не должны природу воспринимать так, как ее воспринимает наивное естествознание или современное теоретическое естествознание. Но мы должны освободиться от ослепления, когда смотрим на природу, и сознавать, что природа — это просто образ чего-то другого, и мы должны сознавать, что дух, как его сегодня представляют себе философы, это просто теневой образ. Тогда можно будет перекинуть мост между обычным духовным воззрением и обычным воззрением на природу.

И нужно учесть еще третье. Невозможно посредством голых дискуссий преодолеть нечто подобное дуализму, но это можно сделать, только если обратить внимание на факты, на всю совокупность фактов, и к двойственности добавить третье. Поэтому символом, выражающим это, должна быть троичность. Естественно, нам сегодня ясно, что понятия выражают нечто, парящее там вверху. Но понятия нужно иметь; их не следует переоценивать, тогда они не принесут никакого вреда. Мы говорим здесь о нормальном человеческом, о люциферическом и об ариманическом, и представляем это: оно должно находиться в центре нашего здания. Одно из воззрений, которое построено на троичности, это смутные ощущения Огюста Конта, который провозгласил троичность, о которой я вам недавно говорил. Антропософски ориентированная духовная наука должна содержать в себе эту истинную троичность, объединяющую духовное воззрение и природное воззрение, и которая благодаря этому действительно преодолевает дуализм. Поэтому невозможно придти к истинно антропософской духовной науке без серьезного подхода ко всем светлым и теневым сторонам сегодняшнего естествознания и сегодняшнего духовного

исследования. К этим вещам нужно относиться серьезно. Голое собирание всего в одну кучу и теоретизирование над этой кучей несовместимо с серьезностью нашего времени.

Жизнь не представляет собой кашеобразную массу, но она протекает дифференцировано и индивидуализировано. То, что устремляется в будущее, должно быть заранее дифференцировано. Сегодня все еще бытует нездоровая практика, все — я позволю себе тривиально выразиться — стричь под одну гребенку. Если кто-то имеет сегодня политическую теорию, то все остальное он подгоняет под эту политическую теорию, мировоззрение и все прочее. Если кто-то имеет философское мировоззрение, то он применяет его также как политику и т. д., все стрижет под одну гребенку, и именно под свою любимую гребенку. Так обстоят дела в наше время. Жизнь протекает дифференцировано. Свободным от иллюзий может быть только тот человек, который знает, как дифференцировано протекает жизнь. Будущее стремится не к кашеобразному состоянию жизни, но к сильной дифференциации: на духовную жизнь — как науку, некоторую внутреннюю жизнь, о которой сегодня еще мало кто имеет представление, и которую, соответственно древнему обычаю, можно назвать религиозной, — и на политическую жизнь. Если же перемешивают между собой все эти вещи, пытаясь одно регулировать по правилам других, то совершают ошибки, которые я охарактеризовал здесь в прошлом году, или два года назад. Ибо эти вещи развиваются в отдельных потоках: с одной стороны, социальная жизнь в направлении социализма; с другой стороны, религиозная жизнь в направлении свободы мышления; и научная жизнь в направлении пневматологии, в направлении духовного познания. Только в живом взаимодействии трех потоков будущее может внести в человеческое развитие целебные силы, не рай на Земле, но целебные силы. Но было бы плохо, если бы мы, например, внешнюю жизнь представляли себе пневматологически, желая основывать религиозные секты, желая ее наполнить пневматологической жизнью, то есть проводить политику с позиции пневматологии. Это ничего бы не дало. Также ничего бы не дало, если бы в прежнем смысле политику осуществляли в религиозных сообществах. Как руки не могут исполнять того, что должна делать голова, а также не могут исполнять это ноги, так и пневматология не может осуществлять то, что должен делать социализм, или религия не может осуществлять то, что должны делать социализм или пневматология. Нужно прийти к дифференциации определенных вещей, но не чисто теоретически, но к дифференциации определенных вещей в самой жизни. И это то, чем я хочу сегодня завершить эти рассуждения, которые я продолжу завтра. Они будут носить, как было сказано, афористический характер, но они должны добавить нечто новое к основоположениям, которые мы сейчас обсуждали.

В заключение доклада Рудольф Штейнер сделал еще следующее замечание, очевидно в ответ на анонимное письмо:

В дополнение и только в качестве дополнения я хочу сказать одно: я не предаюсь никаким иллюзиям. Вы знаете, — по меньшей мере те, которые действительно немного понимают, должны это знать, — что у меня нет ни задатков к мании преследования, ни к каким-нибудь жизненным иллюзиям, ибо все это основательно искореняет духовную науку. Но я должен иногда делать те или иные замечания. Чтобы члены Общества, которое называет себя антропософским, не полностью уснули, я должен иногда делать те или иные замечания, и я не хотел бы, чтобы предавались иллюзиям. Но,

оглядываясь на то, что произошло в эти дни, я хотел бы сказать следующее: в самом деле, движение, которое я называю антропософским, в последнее время подверглось нападкам с разных сторон, и особенно со стороны, которая теперь уже отчетливо видна. Отдельные нападки почти не заслуживают внимания, ибо они идут со стороны людей, которые большей частью выступают как дилетанты. Но есть факты серьезных нападков, особенно со стороны церкви. И за этим стоит определенная воля, которая важнее, чем то, что может быть сказано в частности, и с которой очень серьезно нужно считаться. Итак, оглядываясь на то, что произошло в последние дни, я хотел бы сказать следующее. Такие вещи, которые я здесь имею в виду, должны, само собой разумеется, так восприниматься в человеческой жизни, чтобы они, так как они дошли до меня, в дальнейшем не принимались во внимание. Кого они касаются, тот знает, о чем идет речь. Но я одно хотел бы подчеркнуть. Тот, кто мне нечто сообщает, кто хочет со мной что-либо обсудить, пусть делает это совершенно открыто, и пусть он не думает, что если он выступает тайно, то преподносит мне нечто нужное! Я не предаюсь, как я уже сказал, никаким иллюзиям, и если кто-то так думает то сильно ошибается. Также если речь идет о том, что здесь в этом здании есть люди, которые двурушничают, которые, если можно так сказать, предаются определенной двусмысленности, то не нужно сообщать мне что-либо, не выступая с открытым забралом. Ибо я не в состоянии сказать каждому, что я думаю. Я знаю о людях, также о тех, которые находятся в этом здании, больше, чем я могу сказать: не следует думать, что есть необходимость тайно обращать мое внимание на такие вещи, которые, быть может, приносят здесь вред. Ибо невозможно, находясь в общественной жизни, которая должна здесь разыгрываться, если иметь в виду нечто реальное, такое, как это здание, всегда вести себя соответственно тому, что как действительное знание исходит из глубоких основ. Итак, если хотят нечто сказать, нужно делать это открыто, иначе создается впечатление, что я предаюсь иллюзии и что я заблуждаюсь относительно людей, с которыми имею дело. Я не предаюсь иллюзиям, я хорошо знаю, что существует двуличие.

ЛЕКЦИЯ ПЯТАЯ

Дорнах, 14 сентября 1918 г.

Мне известны современные мистики, которые пытаются рассуждать о существе человека следующим образом. Я приведу результат, к которому они надеются прийти. Они говорят примерно так: когда рассматривают человека таким, каким он странствует по земле, все его бытие представляется загадкой. Он со своим душевным бытием далеко возвышается над тем, что он в состоянии представить во всем своем человеческом бытии, раскрыть себя в некотором смысле в изживании взаимоотношений с другими людьми. Поэтому нужно принять, — такого мнения придерживаются эти мистики, — что человек в своем существе представляет собой нечто совсем иное, отличное от того, чем он кажется здесь в своих земных превращениях. Он должен быть грандиозным космическим существом, которое по своей природе гораздо величественней, чем то, что он представляет здесь на земле; по какой-то причине он лишился жизни в Космосе и должен быть привязанным к этому земному бытию, — буквально так говорят, например, мистические приверженцы

этого направления, — чтобы здесь научиться смирению, чтобы здесь научиться быть скромным, чтобы здесь почувствовать себя малым, в то время как он в действительности является величественным, могучим космическим существом, но которое по какой-то причине оказалось недостойным вести такую космическую жизнь.

Я знаю, что многие люди просто посмеются над такой идеей. Но тот, кто глубоко понимает жизнь, знает, что и такая мистическая идея, в конце концов, порождена величайшей трудностью разрешения загадок жизни, и эти трудности все более и более обременяют душу человека, которая стремится углубиться в истинную действительность. Само собой разумеется, я не хочу сказать ничего плохого в отношении этой идеи, характерной для одного сегодняшнего мистического направления. Я только хочу привести ее как пример понятия, которое также может найти место в душе человека. С таким же успехом можно привести дюжину других, более или менее философских или мистических абстрактных решений загадки человека.

Если попытаться придти к тому, что лежит в основе того, что самые различные люди так по разному, иногда совершенно несостоятельным образом, пытались выяснить, как, собственно говоря, обстоит дело с человеком в его земном бытии, то можно придти к различным решениям. Прежде всего приходят к тому, что именно в отношении великих реальных вопросов бытия люди не хотят придерживаться того, чего они в малом придерживаются в любой повседневной ситуации: тогда человек сознает, что он не должен своими желаниями замутнять истину, и что его желание видеть истину такой-то и такой-то не может служить мерой объективности истины. В обычной жизни, в малом, человек не задумываясь следует этому правилу; в большом же мы видим невозможность человека придти к согласному с действительностью мировоззрению именно потому, что человек не может избавиться от желаний, когда речь идет о постижении истины. И в большинстве случаев большую роль играют именно те желания, которые можно назвать бессознательными желаниями, о которых человек не подозревает, что они находятся в его душе. Но такие желания присутствуют в его душе; они остаются подсознательными и бессознательными. И именно это было задачей духовно-научного обучения, привести к осознанию эти бессознательные желания, чтобы освободиться от иллюзорной жизни и вступить в сферу истины.

Такие неосознанные желания в особенности тогда играют свою роль, когда внутри человека должны проявиться высшие жизненные истины, касающиеся существа самой человеческой жизни, скажем мы, обычной человеческой жизни, как она протекает в физическом мире между рождением и смертью. Действительное, предметное, согласное с действительностью рассмотрение всегда должно иметь в виду все течение жизни, если оно хочет ее понять. И теперь представьте себе, что такое согласное с действительностью рассмотрение жизни дает результат, которого человек, хотя и подсознательно, никак бы не желал: тогда человек сделает все, чтобы посредством ложной логики пройти мимо неудобного результата.

Не правда ли, когда рассматривают земную жизнь, задачей ведь не является то, чтобы истина соответствовала человеческим желаниям, хотя бы и бессознательным. Чаше же всего бывает так, что истина, касающаяся человеческой жизни, является весьма и весьма неприятной.

Духовнонаучное рассмотрение показывает, что так и есть в действительности. Конечно, можно найти более высокую точку зрения, с которой, может быть, все это будет выглядеть иначе. Но для жизни, которую человек хотел бы вести на земле, при внимательном рассмотрении дело представляется так, что именно истина относительно человека такова, что большинство жизненных удобств вызывают легкую жуть — хотя и подсознательную жуть, но вы понимаете, что я имею в виду, — легкую бессознательную, иногда коренящуюся глубоко в подсознании жуть. Но нужно далее рассмотреть всю человеческую жизнь.

Мы знаем, что вся эта человеческая жизнь, если ее рассматривать точно и объективно, распадается на различные периоды. Об этих периодах вы можете прочесть в моей книге «Воспитание ребенка с точки зрения духовной науки». Мы знаем, что человека можно понять, только если рассматривать его жизнь вначале от рождения до смены зубов, затем от смены зубов до половой зрелости, от половой зрелости до начала второго десятилетия, скажем мы, до середины 21 года жизни. Можно жизнь человека так понимать, как нечто мы пытаемся понять с естественнонаучной точки зрения, если мы обратим внимание на периодичность человеческой жизни с семилетним циклом.

В каждом из этих периодов в человеческой жизни происходит нечто важное. Из того, что мы говорили вчера, вы знаете, что человек так ориентирован в жизни относительно Космоса — вчера я вам напомнил образ магнитной стрелки, — что, например, форма его головы указывает в далекое прошлое, а формы его конечностей указывают в далекое будущее подобно тому, как один полюс магнитной стрелки указывает на север, а другой полюс указывает на юг.

Эта ориентация в отношении Космоса различна для каждого отдельного главного периода человеческой жизни. В каждом отдельном периоде другие силы внедряются в человеческую организацию. В первое семилетие нашей жизни в нас господствует нечто иное, чем во второе семилетие. Все то, что примерно на седьмом году жизни выражается в том, что как плотина, можно сказать, запруживает весь рост, поскольку вырастают постоянные зубы, то, что запруживается при росте постоянных зубов, все это производится силами Космоса в первые семь лет жизни. И снова о том, что человека задерживает в его формировании. Задержка в том, что когда он достигает половой зрелости, то, чем он, можно сказать, тингируется, образуется благодаря тому, что определенные развивающие силы, которые имеют свою основу в Космосе, формируются во вторую жизненную эпоху.

Дело обстоит так, что можно сказать: в целом человеке различные члены находятся во взаимодействии. Ребенок в период до смены зубов развивает определенную психическую деятельность; и эта психическая деятельность исключительно важна именно в эти первые годы жизни. Я только напомню вам действительно мудрое изречение Жана Поля, который сказал, что в начале своей жизни он от своей няни, без сомнения, научился для жизни большему, чем от всех своих профессоров в академические годы. В этом высказывании содержится нечто очень мудрое, очень правильное. Нужно только правильно оценить эти вещи. Мы многому научаемся в это первое семилетие нашей жизни, но выученное остается в некотором смысле интеллектуальным, и находится внизу, в смутных глубинах душевной жизни, которая пока еще почти подобна телесной жизни. Но если вы

прочтете мою книгу «Духовное водительство человека и человечества», то вы увидите, что эта жизнь, которую ребенок разворачивает в первые семь лет своей жизни, может оцениваться иначе, чем это делают обычно. В эти первые семь лет действительно господствует немалая мудрость в человеческом организме. Когда ребенок, — употребляя буржуазное выражение — «впервые увидел свет», его мозг еще слабо дифференцирован. Он дифференцируется только с течением времени, и то, что выступает как структура мозга, действительно соответствует, если это изучить, влиянию глубокой мудрости, как и все, что мы делаем в последующей жизни, конструируем ли машины или занимаемся научными исследованиями, мы делаем, опираясь на мудрость. Естественно, мы не можем позже сознательным образом делать то, что мы делали бессознательно, когда, так сказать, мы только увидели свет мира. Тогда в нас господствовал космический разум, тот космический разум, о котором мы также должны говорить, когда мы обсуждаем развитие речи. Поистине, высший космический разум господствует в человеке в первое семилетие его жизни.

Этот космический разум во втором семилетии жизни направлен на то, чтобы человека тингировать тем, что ведет к половой жизни; но эта космическая интеллектуальность господствует уже в меньшей мере. Можно сказать: то, что здесь остается, что не нашло своего применения внутри, все это поднимается в голову. И то, что здесь получает голова, это, собственно говоря, нечто, что скопилось внутри человека, в бессознательной душевной жизни. Теперь двинемся дальше по семилетним периодам.

Сегодня обычно не изучают целиком человеческую жизнь, так называемую нормальную человеческую жизнь; ибо для того, чтобы изучать эту нормальную человеческую жизнь, требуется определенная преданность, во-первых, самому истинному человеку, с другой стороны, великим космическим закономерностям. И как не курьезно это звучит, то, что господствует в человеке в первые детские годы, в первое семилетие человеческой жизни, невозможно понять, ни будучи, само собой разумеется, ребенком, ни юношей или девушкой, ни будучи уже образованным человеком в двадцатилетнем возрасте. Это невозможно понять. Можно придти к некоторому пониманию того, что разыгрывается в детские годы, если искать это понимание внутри человека, в его внутреннем опыте, когда он достигает возраста от 56 до 63 лет. Только глубокая старость дает нам возможность взглянуть на то, что господствует в первые семь лет жизни ребенка. Это не совсем удобно; ибо человек хочет сегодня, едва перешагнув подростковый возраст, быть полноценным человеком. И сегодня кажется неудобным согласиться, что есть нечто в мире, даже в себе самом, для понимания чего требуется достигнуть пятидесятилетнего возраста. И если речь идет о понимании, о внутреннем человеческом понимании, которого человек может достигнуть, то все, что образуется в годы полового созревания, то есть в возрасте от 7 до 14 лет, можно до некоторой степени научиться понимать, только достигнув возраста от 49 до 56 лет, то есть на пятом десятке жизни.

Было бы хорошо, если бы считались с такими истинами, ибо посредством таких истин можно научиться также понимать жизнь, тогда как другие истины, которые обычно устанавливаются в отношении человека, таковы, какими их желают видеть. Но только при этом не замечают, что при этом присутствуют бессознательные желания. И то, что в нас разыгрывается в возрасте от половой зрелости до 21 года жизни, об этом получают некоторое представление, только достигнув возраста от 42 до 49 лет, и о том,

что разыгрывается между 20 и 28 годами жизни, мы можем получить некоторое понятие, только достигнув возраста от 35 до 42 лет. То, что я сказал в отношении этих вещей, основано на действительном жизненном наблюдении, которое нужно делать, чтобы вработаться в духовнонаучные наблюдения, а не заниматься тем ребячеством, которое часто называют самопознанием, но заниматься истинным самопознанием, то есть познанием человека. И именно в возрасте от 28 до 53 лет можно испытать нечто, что может быть одновременно испытано и понято; здесь достигается некоторое равновесие между пониманием и мышлением. В первой половине жизни можно обдумывать, представлять себе различные вещи; но чтобы с полным пониманием испытать то, что представлялось в первой половине жизни, нужно подождать второй половины.

Это очень неудобная истина, но такова жизнь. Я даже могу представить себе людей, которые скажут: да, но если человек во всей своей внутренней закономерности так ограничен, то где же свободная воля человека? Где его свобода? Где сознание принадлежности к человечеству? Конечно, я могу также представить себе, что некто чувствует себя несвободным оттого, что он не может одновременно находиться в Европе и в Америке, некто чувствует себя несвободным, поскольку он не может достать луну с неба. Но факты строятся не согласно человеческим желаниям, но и там, где речь идет о том, чтобы человек пришел к объяснению самого себя, необходимо иметь в виду также факты. Эти факты таковы: мы живем не просто так такой модифицированной, метаморфозированной жизнью, мы живем этой жизнью так, что каждый жизненный период имеет свой смысл и свое значение в отношении к другим периодам. И к тому же мы живем, как было сказано, нормальной жизнью, если это нам позволено, лет до шестидесяти, — о ранней смерти будем с этой точки зрения говорить завтра, — и некоторым образом только во второй половине жизни нам становится понятным то, что с нами происходило в первой половине жизни.

Человек мог бы гораздо уверенней и правильней ориентироваться в мире, если бы имело место такое познание жизни. Ибо тогда все строилось бы на надежной жизненной почве, тогда как сегодня, поскольку ориентируются не на объективное, но на свои желания, зачастую просто придерживаются следующего: конечно, до тридцати лет ведь нужно чему-то учиться, но после этого мы имеем уже готового человека, теперь он становится зрелым для жизни. Но вследствие этого целиком упускают из виду внутренние жизненные взаимосвязи. Познать жизнь, это действительно является внутренней задачей. И именно, если речь идет об этой интимной задаче, не следует упускать из виду, что желания должны молчать, и что приниматься во внимание должна только объективность.

Теперь отметим определенное сглаживание в ходе человеческой эволюции. В прежние времена дело обстояло совсем иначе, об этом я уже говорил: вспомните что я рассказывал о человеческом развитии от атлантической эпохи до наших дней, о постоянном омоложении человечества. Определенное сглаживание произошло потому, что в ходе эволюции стало выявляться, что один элемент родственен другому. Если бы этого не было, тогда в жизни происходило бы следующее: тот, кто достиг двадцатилетнего возраста, относительно некоторых вещей, которые относятся к истине в человеке, живое постижение которой возможно только по достижении сорокалетнего возраста, как я охарактеризовал выше, должен верить сорокалетнему. Хотя и не целиком, но в ходе развития

человечества сами понятия и представления стали такими, что в одном возрасте можно получить ощущение уверенности в отношении другого. Когда имеют достаточную готовность, чтобы выслушивать сорокалетних и пятидесятилетних, когда они говорят о своем жизненном опыте, предполагается, само собой разумеется, что молодые позволяют поделиться с ними этим опытом, то сегодня полагаются не на голый авторитет, это уже обусловлено развитием; но когда мыслят — молодой человек может только мыслить, — то в характере, который приобретают мысли, содержится больше того, что просто апеллирует к вере, в них уже заложена определенная возможность также видения. Вообще можно сказать: в молодости человек мыслит, в старости постигает. Но в этом уже заложено нечто, что может дать больше, чем убежденность веры, голое доверие к авторитету. Это создает некоторое сглаживание.

Но воспримите то, что я сказал, как жизненную истину. Если вы примете это как жизненную истину, то она прольет свет на жизненную практику. Представьте себе, что то, что я сказал, могло бы воплотиться в жизни, если бы так стали мыслить, чувствовать и воспринимать люди, как это выразилось бы в отношениях людей! Как это способствовало бы установлению связей от души к душе! Молодой человек находится в особом отношении к старому, если он знает: он может испытать нечто, что в отношении того, что можно просто помыслить, является постижением помысленного. Тогда, если бы встали на такую жизненную позицию, совсем по другому интересовались бы сообщениями, которые может сделать человек, находящийся в другом возрасте. И тогда будут сохранять также интерес, даже достигнув глубокой старости, к тому, о чем галдят вокруг молодые люди, даже дети. Вспомните, как я часто говорил: мудрейший может научиться от маленьких детей! — Конечно, именно мудрейший охотно и с любовью будет учиться от маленьких детей. Хотя он не многому может от них научиться в отношении морали и прочих жизненных воззрений, но именно у детей он может почерпнуть бесконечно много мудрости относительно космических явлений, которые в маленьком ребенке изживаются еще совсем иначе, чем в более позднем возрасте. Интерес, распространяющийся от души к душе, существенно возрастает, когда эти вещи не остаются голыми теориями, но когда они становятся жизненной мудростью.

Своеобразие духовной науки уже состоит в том, что она укрепляет, усиливает, возвышает связи любви, которые, в сущности, основаны на взаимных интересах, испытываемых людьми друг к другу. Обычная рассудочная мудрость может высушить человека, он станет таким сухим, как некоторые ученые. Духовная наука, действительно взятая в своей субстанции, не допускает высыхания человека, но при всех обстоятельствах побуждает его к любви, она укрепляет и возвышает взаимные интересы между людьми.

Сегодня я преподнес вам небольшое количество таких вещей, которые являются неприятными для жизни, но которые истинны, которые являются фактами, поскольку в духовной науке нельзя продвинуться дальше, если не привыкнуть смело смотреть также на неприятные факты.

Другой факт — как следует уже из вчерашних рассуждений — состоит в том, что интеллект, которого мы можем достигнуть в нынешнем цикле развития человечества, пригоден только для того, чтобы пробудить понимание одной определенной эпохи. Я не завидую людям, которые с

легким сердцем сегодня берутся за переводы Эсхила, Гомера, даже псалмов и т. д., поистине я им не завидую! То, что в наше время могут верить, что такие филистерские враки, как перевод греческих драм господином Вилаговичем, действительно что-то передает от Эсхила или других, это является печальным знаком нашего времени. Когда невозможно нечто наблюдать в большом, часто также теряют терпение изучать в малом. Было бы очень полезным попытаться делать в качестве упражнений наблюдение в малом. Я хочу вам привести пример одной поистине детской, малой вещи.

Недавно в одном иностранном журнале, который выходит здесь в Швейцарии, я прочел одну статью, в которой социалистический писатель Каутский особенно жалуется на одного русского социалиста, обвиняя его в неправильном цитировании, так что у него получается прямо противоположное тому, что Каутский пишет в своих книгах. То, что здесь имеет место намеренное искажение текста Каутского, исключается самой природой вопроса и природой этой личности. Я прочел также статью самого этого социалиста, и также нашел весьма курьезным то, что излагается как мнение Каутского. И еще во время чтения у меня образовалось воззрение на это, ибо меня заинтересовало, как вообще такое возможно; но очень скоро, когда я закончил чтение, в скором времени я понял, как это могло произойти, поскольку этот социалист принес свои извинения, но я узнал это позже. Этот социалист не читал книгу Каутского на немецком языке, он читал ее в русском переводе, и поскольку статья писалась на немецком, он сделал ее обратный перевод. Итак, вот что произошло: перевод с немецкого на русский и обратный перевод. При этом из него было извлечено и процитировано противоположное тому, что содержалось в немецкой книге!

Вот что требуется, чтобы совершенно честно сделать перевод с одного языка на другой, и что требуется, чтобы написанное обратить в свою противоположность! При этом речь идет вовсе не о маловажных делах, но, в принципе, только об основоположениях, с которыми сегодня вообще знакомятся только в переводах. Это маленькое такое наблюдение, которое я представил вам. Но тот, кто имеет терпение наблюдать в жизни такие и подобные вещи, у того не встретят непонимания, если ему скажут: невозможно понять Гомера, пользуясь всем тем, что находится в нашем распоряжении; мы только воображаем себе, что его понимаем.

Но это внешняя сторона вещей. Есть также внутренняя сторона. Душевный склад эпохи Гомера настолько существенно отличался от душевного склада сегодняшних людей, что сегодняшний человек очень далек от возможности понимать Гомера. Ибо сегодняшний душевный склад таков, что он существенно тингирован интеллектуальностью. Душевный склад Гомера был не таков. От этого тингирования человек сегодня не может освободиться при обычном своем повседневном складе. Этот душевный склад принуждает человека сильнее, чем он думает, и сильнее, чем он сознает, жить в абстрактных понятиях, что совершенно было не свойственно Гомеру. Но человеку трудно привести это в согласие со своими подсознательными и бессознательными желаниями, и он говорит себе: да, с пониманием, с нормальным сегодняшним пониманием нужно отказаться от понимания того, что к нам пришло из эпохи Гомера или Эсхила. — Но этот отказ человека совершенно не соответствует подсознательным желаниям. Здесь должна выступить духовная наука, которая не остается при обычном душевном складе, но которая вырабатывает более общий душевный склад, так что можно иметь другой душевный склад, отличный от нормального для нашего времени. С помощью духовнонаучных средств можно проникнуть в

то, что недостижимо средствами современного рассудка и современного душевного склада. Этот отказ, это отречение чрезвычайно важны для сегодняшнего человека, побуждая его сказать: понимание, которое мы можем иметь, простирается только до определенного момента в человеческом развитии. Также и для взгляда в будущее не совсем бесполезно иметь такие вещи в виду.

Сегодня вы еще можете так отчетливо выражаться, ясно писать и говорить, фиксируя сказанное, но это будет не долго продолжаться — ибо в ближайшем будущем время будет идти быстрее, если можно употребить такое парадоксальное выражение, чем оно шло в прошлом, — так что будет совершенно невозможно понимать написанное или сказанное нами сегодня так, как мы это понимаем. И только в будущем, спустя много времени, наш рассудок будет способен понимать то, что мы говорим и пишем. Историк держится свидетельств, он полагается на внешние свидетельства. Но от того, есть свидетельства или нет, не зависит наше понимание того или иного, а зависит от того, насколько развита наша способность понимания. Но для далекого прошлого эта способность понимания не пригодна. И если нет этого отречения, тогда возникает теория Канта-Лапласа и ей подобные. Я часто говорил об этом. Чем же является, в конце концов, теория Канта-Лапласа, кроме как жалкой попыткой посредством современного разума измыслить нечто относительно происхождения мира, несмотря на то, что наше понимание, наш нормальный душевный склад так далеки от этого происхождения мира, что то, что об этом времени, которое должно покрываться теорией Канта-Лапласа, может выдумать современное сознание, совсем ничему не соответствует.

Знание того, что если мы хотим заглянуть в далекое прошлое, то нужно прибегнуть к другим видам познания, также должна давать духовная наука. О далеком прошлом человек вообще ничего не может узнать, если он не прибегнет к духовнонаучному исследованию, если он не попытается понять бытие, пользуясь другими чувствами, отличными от обычного интеллекта. Итак, если иметь в виду то, что я сейчас сказал, то можно ясно видеть, насколько сужен горизонт современного человека, и он не хочет подняться на другие ступени исследования, на другие ступени познания в отношении таких вещей, для познания которых недостаточен задающий сегодня тон обычный интеллект. Мы знаем, что нужно возноситься к имажинативному, инспиративному, интуитивному знанию. Тогда эти знания введут нас в другие эпохи; только они могут дополнить то, что можно рассматривать как отдельный остров бытия, если находиться в современном душевном настрое.

То, что охватывает современный душевный настрой, связано, собственно говоря, с человеческим «я»; об этом вы можете прочесть в моих «Теософии», «Тайноведении». Человек несет в себе также и другие члены своего существа, мы знаем: астральное тело, эфирное тело, физическое тело. Но его обычный сегодняшний душевный настрой не достигает ни астрального, ни эфирного, ни физического тел. Ибо то, что анатом познает извне, это ведь только внешняя сторона. Внутреннее познание не выходит за рамки «я», оно молчит также о физическом теле. Но нужно придти к тому, чтобы с пониманием проследивать человека изнутри, и уже то жизненное познание, о котором я говорил в начале сегодняшних рассматриваний, является началом этого внутреннего познания, уже то, что

можно постигнуть во второй половине жизни, является началом, хотя и очень слабым началом; для лучшего начала нужно возвыситься до духовной науки. Когда внутренне постигают человека, то от голого интеллекта опускаются к воле. Вчера я говорил: субъект воли, собственно говоря, волящее в нас, хранит космическую память. То есть нужно спуститься в нижнего человека. То, что человек, если он желает этого, при развитии нормальной жизненной мудрости может развить во второй половине жизни, может быть началом такого нисхождения. Тогда для него прояснится не многое, но то, что необходимо для жизни. Но если он низойдет туда с развитым высшим знанием, тогда при этом нисхождении в его собственном существе ему откроется память Космоса. Тогда он придет к воззрению, отличному от теории Канта-Лапласа, например, на то, что мы носим в своем физическом теле. Вы знаете, что оно по своему происхождению старейшее, его начало было заложено в четвертой предшествующей инкарнации Земли. Нисходя, мы научаемся познавать, что эта четвертая предшествующая инкарнация Земли была эпохой Сатурна. Но и из обычной жизненной мудрости, которая открывается во второй половине жизни, можно научиться тому, что нужно делать, чтобы все глубже и глубже погружаться в существо человека, которое есть образ мира, и познавая этот образ, себя самого, мы учимся познавать мир.

Человек находится под властью подсознательных и бессознательных желаний, когда он с легким сердцем и удобно расположившись выдумывает нечто, о чем он, собственно говоря, должен сказать себе, что это недоступно его измышлениям, как например, теория Канта-Лапласа или нечто подобное. И тем самым мы снова коснулись, — мы должны, я хочу сказать, приблизиться к кругу наших задач, — того, что современному человеку мешает перебросить мост между идеальностью и реальностью, того, чем мы теперь занимаемся.

Обойти эти вещи во все времена пытались ищущие мировоззрения люди. Но очень трудно придти к полной ясности относительно этих вещей, поскольку они неудобны, поскольку неохотно приближаются к действительным фактам. В наше время стало обычной практикой, я бы сказал, признавать одну половину истины, а другую отвергать. Вот классический пример этого: Карл Маркс сказал однажды, что философы до сих пор пытались своими понятиями только интерпретировать мир; но нужно придти к тому, чтобы изменить мир, нужно найти действительные мысли, посредством которых можно изменить мир. Первое абсолютно верно. Философы, поскольку они являются философами, пытались интерпретировать мир, если у них хватало ума, то они вовсе не думали, что они могут что-нибудь другое, кроме того, чтобы интерпретировать мир. Прообраз всякого философского филистерства, Вильгельм Траугот Круг, действовавший в Лейпциге с 1809 по 1834 годы, который о фундаментальной философии вплоть до высших ее ступеней написал множество книг, требовал от философии Гегеля, чтобы она дедуцировала не только понятия, но также перья для письма — что привело в гнев Гегеля. Но также и в этой области необходимо отречение, которое говорит: конечно, мы, люди, как целое человечество призваны изменить мир, поскольку мир состоит из человеческих жизней.

Но то мышление, которое является современным мышлением, неспособно осуществить эти изменения. Здесь требуется отречение, чтобы сказать: то мышление, которым владеют современные люди, которое так

прославляется, вполне пригодно для познания природы, но оно полностью непригодно для того, чтобы чего-нибудь достигнуть, где необходимо, чтобы действовала воля.

Это очень неудобная истина. Ибо если это видеть, то уже нельзя больше сказать: философы до сих пор пытались только интерпретировать мир; но нужно придти к тому, чтобы изменить мир — при этом тайно предполагается, что это можно сделать посредством какой-нибудь диалектики; но нужно сказать себе: философы, именно потому, что они как философы подходят к предмету, должны только интерпретировать, ибо сама природа — можно сказать, слава Богу — существует и без нас, и мы должны довольствоваться тем, что ее интерпретируем. Социальная, политическая жизнь не может существовать без нас, и здесь мы не можем довольствоваться тем, чтобы постигать ее посредством тех понятий, которые пригодны только для того, чтобы интерпретировать жизнь, а не формировать ее. Здесь уже необходимо не просто теоретизировать, что выливается обычно просто в галлюцинации, как я показал вчера, и поистине задачей нашего времени является подняться до жизни действительности. И жизнь действительности в фактах требует, чтобы эту жизнь не воспринимать так прямолинейно, как это делают обычно. Конечно, представления, которые человек передает другим людям, ведут к чему-то; но они не всегда приводят к одному и тому же. Абсолютной истины также не существует, как абсолютных фактов, и абсолютных фактов также не существует, как абсолютной истины. Все относительно. И как будет действовать то, что я говорю, — решающим в данном случае является не то, считаю ли я сказанное истинным или нет, но решающим является то, как на это, если можно так выразиться, реагируют люди, живущие в определенную эпоху. Я хочу вам в качестве примера привести один случай, на который очень важно обратить внимание.

Если мы рассмотрим период до XIV столетия Р.Х., то до этого столетия можно было излагать людям мистику. Тогда мистические понятия обладали еще действенной силой, они воспитывали людей, импульсировали их. Восточные народы Азии, индусы, японцы, китайцы, еще до некоторой степени сохранили эти свойства, поскольку древние свойства определенными членами человечества сохраняются и в более поздние времена. Еще в наше время можно изучать многое из того, что было свойственно европейским народам в прежние времена; но в целом душевный склад человечества изменился. И тот, кто сегодня излагает традиционную мистику, должен ясно сознавать, что все более и более приближается эпоха, когда, если сообщая людям мистику, истинную мистику, — мистику Майстера Экхарта, Таулера и т. п., — то вследствие их реакции мы приносим им то, что посредством Люцифера ведет их к вражде и ссорам. И может оказаться, что нет лучшего средства для того, чтобы какую-нибудь секту подготовить к вражде и ссорам, привести к разладу, к взаимным обвинениям, чем говорить им мистически благочестивые речи. Для прямолинейного понимания это кажется невозможным; но такова истина фактов. Истина фактов состоит в том, что существенным является не только содержание того, что излагают, но также то, как человек реагирует на эти вещи. Необходимо познавать мир. И нужно, прежде всего, свои воззрения строить не на основе своих желаний.

Я всякий раз вспоминаю об одном разговоре, который произошел у меня в одном южно-германском городе с двумя католическими

священниками, присутствовавшими на моем докладе, который я тогда читал о Библии и мудрости. Оба католических священника, в общем-то, ничего не могли возразить по существу. Доклад содержал именно такие вещи, на которые нечего было возразить. Но священники, хотя им и нечего было возразить, все же, естественно, не могли это так оставить; они должны были что-то возразить. Тогда они сказали: да, относительно содержания мы излагаем примерно то же, что изложили вы. Но то, что мы говорим, мы говорим так, чтобы нас мог понять каждый; вы же обращаетесь к ограниченному числу людей, имеющих определенное образование, но то, что преподносится людям, должно быть понятным всем. На это я сказал им: видите ли, о чем вы думаете, вам кажется понятным всем людям, а о чем я думаю, это не важно. Дело не в наших теоретических воззрениях на то, что людям понятно, но в изучении истины. И вы сами можете провести соответствующую проверку. Я спрашиваю у вас: когда вы применяете эти методы и сегодня в вашей церкви преподносите все таким образом, что считаете, что все люди вас понимают, — скажите, ходят ли все люди в вашу церковь, или есть такие, что остаются вне вашей церкви? То, что некоторые остаются вне ее, гораздо важнее, чем ваше представление о том, что вы говорите для всех людей. Ибо то, что люди остаются вне ее, это действительность. Когда вы думаете, что говорите для всех людей, это только ваша вера. А для тех, кто не ходит в вашу церковь, для них говорю я, поскольку я придерживаюсь мнения, что нужно считаться с действительностью, и что нужно говорить, обращаясь к тем, кто уже не ходит больше в церковь, и все же с полным правом ищут путь в духовный мир. На этом тривиальном примере я показал различие между тем, как следует мыслить соответственно действительности, когда воззрение диктуется действительностью, и тем, что большинству людей кажется, что они это знают, но оно на самом деле ими выдуманно и приспособлено к их желаниям. Исследователь действительности даже должен быть в любой момент готов к тому, чтобы отказаться от того, что он считал правильным, и если его побуждают факты, придти к другому направлению мыслей, поскольку действительность не так прямолинейна, как этого желали бы люди.

Итак, может оказаться, и так бывает в большинстве случаев, — такова тенденция развития человеческой природы, — что когда благочестивый мистик хочет внести в какую-нибудь секту внутреннюю мистику, члены этой секты все более вовлекаются в ссоры между собой. Но также мало подходит предлагать людям одностороннее естественнонаучное воззрение. Для приобретения естественнонаучных знаний требуется много проникательности, и вы знаете: я вообще не склонен кому-то уступать в полном признании естественнонаучной истины. Но следует отметить также факт: если мир питать только естественнонаучными истинами или естественнонаучно оформленными истинами, то эта проникательность, которая должна применяться для познания естественнонаучных истин, внесет значительный вклад в то, чтобы подавить человека и сделать его несвободным. Так односторонняя мистика все более и более приводит к борьбе и ссорам, а одностороннее естествознание в современном смысле ведет людей к внутренней несвободе, к внутренней связанности. Вы видите, что это вполне оправдано, что духовная наука пытается быть ни односторонне мистической, ни односторонне естественнонаучной, но без переоценки и недооценки каждой предоставить им права, но от дуальности перейти к троичности. Не «либо то, либо это», но как это, так и то», освещение одним другого, это то, к чему ведет сама духовная наука.

Например, всегда ущербно, когда чисто естественнонаучно чувствующий человек ругает мистику; ибо обычно то, что он говорит, является, как правило, чушью. И ругать мистику позволительно только мистику, и ругать направо и налево естествознание позволительно только тому, кто знает естествознание. Тогда предмет, о котором он говорит, будет таким, как он говорит, поскольку он будет правильно взвешивать то, что говорит. Но всегда ущербно, если естествознание оспаривает тот, кто ничего в нем не понимает, и все же считает себя великим мистиком, или если естествоиспытатель ничего не понимает в мистике, но тем не менее осуждает мистику. На почве духовной науки часто повторяют: некоторые истины должны людям казаться парадоксальными, поскольку они противоречат удобной точке зрения обычной жизни.

Итак, я привел вам сегодня целый ряд вещей, которые до некоторой степени должны запасть в вашу душу. Я привел вам некоторые жизненные факты, которые должны быть усвоены, если бы даже эти вещи выглядели иначе. Некоторые, кто считают себя сегодня великими людьми, которые многое могут, не имеют никакого представления об этих жизненных истинах. Но это именно то, что лежит в основе катастрофы нашего времени, что в наше время так необходимо познавать жизнь, однако ее познавать не хотят.

О некоторых вопросах, способных привести к разрешению определенных противоречия, возникшие сегодня в ваших душах, мы будем говорить завтра.

ЛЕКЦИЯ ШЕСТАЯ

Дорнах, 15 сентября 1918 г.

Тому, кто наблюдает духовно-душевную жизнь людей, могут не потребоваться различные представления, которые в ходу особенно в современной жизни и в современных воззрениях. Одно такое представление, которое не востребовано, хотя оно касается духовно-душевную жизнь людей, это, например, представление о развитии, представление, что одно вытекает из другого, или одно состояние исходит из другого. Чтобы быть правильно понятым, я подчеркиваю, что я ничего не хочу сказать о том, что не следует употреблять такое понятие как развитие. Вчера мы, например, вполне плодотворно использовали такое представление, как развитие; но если говорить о душевно-духовной — не о душевно-телесной — жизни человека, тогда нам не требуется такое представление, как развитие. Вчера мы говорили о душевно-телесной жизни, как она протекает между рождением и смертью; там нам понадобилось это представление. Иначе обстоит дело, когда мы говорим о духовно-душевную жизнь человека. Здесь вступают в силу — если мы говорим соответственно действительности — другие понятия, другие идеи, отличные, например, от идеи развития.

Духовно-душевная жизнь людей так, как она познается в рамках внешней чувственной действительности, протекает, как мы знаем, в деятельности мышления, чувств и воли. Итак, если мы, согласно действительности, хотим понять духовно-душевное течение жизни в деятельности мышления, чувств и воли, то мы должны обратить внимание на следующее. Поскольку человек живет в мышлении, чувствах и воле, то есть

пока он нечто чувствует, и то, что он чувствует, выражает в мыслях, или он воспринимает нечто во внешнем мире, и затем выражает воспринятое посредством мыслей, или когда он действует, то есть свою волю преобразует в деяние, короче говоря, когда он духовно-душевно проводит свою жизнь, всегда нужно учитывать отношения, которые разыгрываются между духовными существами. Если мы хотим описать духовно-душевную среду, в которой находится человек со своей душой, то не следует избегать говорить об отношениях между духовно-душевными существами.

Представьте себе, например, что человек более интенсивно мыслит. Но в действительности невозможно разделить деятельности мышления, чувства и воли. Когда мы мыслим, то есть образуем мысли, то к процессу мышления примешивается также воля; в процесс мышления вмешивается деятельность воли. Также когда мы нечто хотим, нечто осуществляем, в поволенном, в исполняемом нами действует также мышление. Дело обстоит так, что человек, когда он мыслит, когда он воспринимает внешними чувствами, является более мыслящим, чем волящим; когда же он действует или когда он во внутреннем чувстве предается ощущениям, он больше волит, чем мыслит. Но все то, что мы обсуждаем, как это я сейчас сделал, это только внешняя характеристика предмета. Но если мы хотим придти к действительности относительно обсуждаемых здесь вещей, то нужно говорить совсем, совсем по-другому. Тогда нужно направить своей взор, например, на следующее: я воспринимаю нечто где-то во внешнем мире; это побуждает меня образовать об этом представления. Я не действую, моя воля направлена на то, чтобы мою телесность направить на внешний мир и на то, чтобы воспринять мир и упорядочить мысли. Т.е. я воспринимаю внешними чувствами, в действительности это означает, что я вступаю в духовный регион, в котором преобладают определенные духовные существа, которые склонны более к ариманической природе. В некотором отношении я помещаю свою голову, образно говоря, в регион, в котором преобладают существа, склонные более к ариманической природе. Вместо того, чтобы высказать то, что нам только кажется: я размышляю о чем-то, — в действительности я должен сказать: я действую в том регионе, в котором определенные существа преобладают над другими духовными существами, которые несколько подавлены, и в этом преобладании весы склоняются более на сторону ариманической природы.

Такое высказывание производит вначале смутное, неопределенное впечатление. Но эти вещи невозможно выразить иначе, чем смутно, ибо они протекают в духовном регионе, а наш язык приспособлен для чувственной действительности. Но эти вещи можно выразить образно, если этот процесс, можно сказать, изъять из человека и сдвинуть более в космическое. Поэтому наука посвящения представляет факт, который внешне характеризуется тем, что говорят: я размышляю о чем-то, что меня побуждает образно выразиться примерно следующим образом: человек живет — так, как я представил его в эти дни в образе магнитной стрелки, которая космически указывает на север и на юг, то есть ее направление не определяется силами, заключенными в ней самой — космически внутри Космоса, и он ориентирован в Космосе.

Он живет так, что мы в некотором отношении будем иметь в виду его ориентировку, если скажем: он так космически ориентирован, что попеременно ориентируется по знакам Зодиака (см. рис. Зодиак). Он попеременно ориентируется на Овна, Тельца, Близнецов, Рака, Льва, Деву,

Весы, Скорпиона, Стрельца, Козерога, Водолея, Рыб. Но он ориентирован также так, что вначале устанавливается главная ориентировка, так что то, что относится к его головной природе, если эта ориентировка лежит в основе Зодиака, ориентирована вверх, тогда как то, что касается его конечностей, ориентировано вниз. Поэтому можно сказать: в этой ориентировке заключена как бы линия равновесия, которая разделяет верхнее и нижнее. И какова будет космическая ориентировка человека, — если мы его увидим в таком состоянии, в каком я не хотел бы видеть вас, — когда мы застаем его в состоянии, когда он не думает, не действует, но просто предается течению внутренних чувств, наполовину спит, наполовину бодрствует, когда он не пассивен, не активен, когда он так убаюкан жизнью, — естественно, в нем многое происходит, но он ничего из этого не замечает. Но если мы хотим охарактеризовать это состояние, — я не желал бы, чтобы вы сейчас находились в этом состоянии, — то мы скажем: равновесная линия лежит горизонтально (см. рис.).

Но если мы хотим охарактеризовать человека так, что он находится в таком душевном настрое, которого я, например, хотел бы пожелать вам сейчас: в полном владении внешними чувствами, воспринимающим и захваченным тем, о чем идет здесь речь, то я должен буду провести равновесную линию иначе, и я должен буду сказать: все души, которые здесь находятся, или по меньшей мере некоторые души, которые здесь находятся, смещены в регион, где определенные существа сдвинули равновесную линию в одну сторону. В физической жизни, если действительно перевешивает одна чаша весов, мы говорим: одна чаша весов опустилась. Но теперь мы говорим о духовном; здесь следует говорить, что чаша весов поднялась. Итак, когда человек размышляет, определенные существа в регионе, куда он попадает, поднимают чашу весов, смещают равновесную линию от направления на Весы к направлению на Деву (см. рис., голубое), так что я равновесную линию должен начертить так, что определенные существа, склонные к ариманической природе, поднимают одну чашу весов: это представляет человека, погруженного в размышление (см. рис., голубое, равновесная линия проходит через Деву и Рыб). Но можно спросить: что означает, когда человек размышляет? Это означает, что он как человек так использует свое положение в Космосе, так

использует космические силы, что перемещается в космический регион, в котором господствует это равновесное состояние. Итак, вы размышляете; и когда вы размышляете, вы должны представлять себе, что вы — если можно так выразиться — являетесь духовным пространством, находящемся в регионе, где имеет место пришедшая к покою борьба: существа, находящиеся здесь слева, взяли верх над существами здесь справа, и наоборот. Но когда вы размышляете, борьбы уже нет, она пришла к покою. Однако этот покой означает, что определенные, склонные к ариманическому существа берут верх, поскольку равновесная линия занимает наклонное положение, она больше не колеблется, поскольку она прижата внизу. Это действительность, которая соответствует размышлению, мыслительной деятельности.

То, что человек в обычном чувственном бытии называет мышлением, это только обманчивый образ майи, это только иллюзия. То, чем является мышление в действительности, космически должно быть описано с полным учетом положения человека в Космосе. И это положение человека в Космосе даст вам ответ на вопрос, что делают определенные существа духовного мира, оно даст ответ на вопрос, что такое размышление, мыслительная деятельность. Итак, то, как мы в обычной жизни описываем мышление, является, в принципе, иллюзией. Если мы хотим его описать соответственно действительности, то мы должны сказать: мы находимся в таком регионе, в котором в наше мыслительное пространство притекают мысли потому, что определенные, склонные к ариманическому существа поднимают с одной стороны чашу весов. Это и есть действительный процесс.

Рассмотрим теперь другой процесс человеческой духовно-душевной жизни. Когда мы действуем, не безумствуем, но действуем, то наши действия пронизаны намерениями, мыслями. Но так, как это описывается в обычной жизни, как это представляют себе в обычной жизни, это также голая иллюзия. Также когда мы действуем, мы смещаемся в определенный космический регион. Но здесь дело обстоит так, что в этом космическом регионе определенные существа, склонные к люциферическому, смещают чаши весов в другом смысле, так что космическую равновесную линию мы можем изобразить таким образом (см. рис., красное), и направление, в котором эти существа отклоняют чаши весов от равновесного положения, можно изобразить вот этой стрелкой. Когда мы действуем с каким-либо намерением, то есть при действительно волевых действиях, мы смещаемся в регион, где люциферические существа удерживают чаши весов в таком положении. Но теперь дело обстоит так, что теряется равновесие, и когда мы смещаемся в регион действий, люциферические существа начинают сотрясать чаши весов; мы вступаем в область космической борьбы. Люциферические существа вступают в борьбу с ариманическими существами, и в неустойчивом положении, в колебании чашек весов выражается борьба, которая разыгрывается в нашей воле между люциферическими и ариманическими существами. Итак, то, что обычно мы в обычной речи и в обычных представлениях описываем как волю, это только майя, это только внешняя иллюзия. Мы правильно описываем волю, если говорим следующее: как волящие люди, мы находимся в регионе, в котором вследствие деятельности люциферических существ мировая равновесная линия сместилась (см. рис., равновесная линия проходит через Тельца и Скорпиона), но это смещение происходит без нас. Мы смещаемся в

регион, где такое смещение происходит без нашего участия. Мы находим такой регион, где покой начинает переходить в ритмическое движение.

В первой нашей Мистерии я указал, — естественно, это указание было сделано в драматической форме, — что мы не должны представлять себе, что, когда человек душевно-духовно нечто мыслит или чувствует, то это происходит только в нем, но при этом происходит движение мировых сил. И образно это было представлено в одной из сцен так, что когда Капезиус и Штрадер ведут себя определенным образом, происходят великие космические события. Они действительно происходят, хотя и не в чувственном, но в сверхчувственном мире; они могут найти свое отражение в чувственном мире так, как это показано в драме. И там в драме очень четко показано, что поведение человека здесь, как мы его описываем, собственно говоря, является не чем иным, как отголоском действительности; что когда у человека в душе появляются мельчайшие желания или мысли, в Космосе происходит нечто важное. Мы никогда не можем в нашей душе нечто волить или мыслить без того, чтобы не сместиться в регионы, в которых развертывается духовная борьба, или где духовная борьба пришла к покою, или духовная борьба уже завершилась, и мы имеем дело с ее результатами.

То, что я вам сейчас описал, происходит в человеческом душевно-духовном существе. Только в жизни между рождением и смертью это скрыто; но в действительности это происходит в духовном. В другой связи я говорил в эти дни, что человек, когда он проявляет себя в мире в основном интеллектуально, как это принято в современном мире, живет, собственно говоря, в галлюцинациях. В принципе, представления, которые мы образуем относительно нашего мышления, чувств и воли, являются галлюцинациями, и действительность, которая стоит за ними, может быть сделана видимой посредством таких образов. В действительности же за нашими духовно-душевыми процессами стоит описанное выше; оно открывается человеку в виде отражения, которое он воспринимает как мышление, чувства и воля. И когда мы рассматриваем человека с духовно-душевной точки зрения, понятие развития, эволюции не находит никакого применения. Это было бы полнейшей чепухой, если бы мы говорили, что, например, человек только в определенном возрасте становится разумным, но до этого он отдавался своей необузданной волевой природе, и что одно развилось из другого. В духовном регионе нет развития в этом смысле, и если мы видим у ребенка, что у него представления, чувства и воля иначе выражаются, чем у старика, то мы можем только сказать, что ребенок находится в другом духовном регионе, где борьба между различными существами разыгрывается иначе. В этом духовном регионе не происходит такого развития, о котором мы говорили вчера. В этом духовном регионе мы только тогда поймем прошедшее, если мы скажем, что образ борьбы, образ отношений, образ взаимоотношений между существами высших иерархий, этот образ отличается от того образа, который отражает взаимоотношения иерархий, когда мы говорим о настоящем времени. И мы будем иметь другой образ, говоря о будущем. Мы имеем различные образы отношений между различными существами иерархий в зависимости от того, говорим ли мы о прошедшем, настоящем или будущем. И было бы бессмысленным говорить, что образ борьбы в будущем развивается из образа борьбы в прошлом. Эти вещи в регионе духовного находятся в определенных отношениях друг к другу, но не развиваются последовательно одна из другой. Поэтому нельзя говорить о развитии, но только о духовной перспективе, на что я в другой

связи уже обращал ваше внимание. Итак, можно сказать: когда мы рассматриваем человека как духовно-душевное существо, то нет никакого смысла говорить о нем, что сначала он был ребенком, прошел через смену зубов, затем прошел через половое созревание и т. д. То, что в регионе телесно-душевного проявляется как эволюция, как развитие, связано с духовно-душевым, в котором о развитии не может быть и речи, но только о переходе во взаимоотношения между существами высших иерархий от одного образа к другому; то есть о взаимоотношениях между существами высших иерархий.

Вы не достигнете действительного понимания отношений между временным и пребывающим, если вы не примете во внимание то, что я в этой связи говорил вчера и сегодня. Ибо вчера и сегодня я излагал то, как телесно-душевное существо человека вчленено во временное развитие, что человек только в старости может понять то, что разыгрывалось в нем, когда он был ребенком: только в этом случае мы имеем дело с понятием развития. Однако мы должны признать, что к человеку, как духовно-душевному существу, неприменимо понятие развития, что понятие времени, в той форме, в которой мы применяем его во внешней чувственной жизни, неприменимо, когда мы говорим о духовно-душевном существе человека, и мы делаем ошибку, если время вносим в сферу высших иерархий. В сфере высших иерархий все пребывает. Там вещи не меняются во времени, там мы имеем дело только с перспективами, в которых мы наблюдаем борьбу и взаимоотношения. Временные понятия неприменимы к существам высших иерархий, и мы стараемся только сделать наглядным существо высших иерархий, когда мы применяем временные понятия. Поэтому вы можете проследить в моем «Тайноведении», как осторожно я указываю на то, что, естественно, может быть представлено только во времени, особенно когда речь идет о Сатурне и Солнце, где я обращаю внимание на то, что понятие времени может быть только как образ применено к тому, что предшествовало Солнцу, и даже к самой эпохе Солнца, примерно до половины. Вы можете проследить это в моем «Тайноведении». Такие, казалось бы, побочные замечания в этой книге имеют огромную важность, ибо именно в этих побочных замечаниях заложена основа понимания различий между преходяще-временным и пребывающе-вечным.

Если вы будете иметь в виду то, что я здесь сказал, то вы сможете сказать, что я вчера попытался вам описать человеческое существо чисто во времени, и что временные понятия во вчерашнем описании человеческого существа играют очень важную роль; ибо от времени зависит наша способность постижения, а именно, в какой мере мы состарились, или еще находимся в детском возрасте. Все то, о чем мы говорили вчера, в строгом смысле, было построено на временных понятиях. Там мы в свете духовного описали, как телесно-душевное лежит в основе человеческого существа. Сегодня я описал, как духовно-душевное лежит в основе человеческого существа. И это можно описать, только описывая в регионе пребывающего, если это описывать так, — это довольно трудно, — чтобы на тот регион, где человек существует как духовно-душевное существо, не распространялись временные понятия.

Мы действительно в этом отношении являемся двойственными существами, и поскольку мы развиваемся в течение жизни, мы развиваемся так, что мы спокойно и терпеливо должны, с одной стороны, ожидать, пока наше телесно-душевное существо созреет до того, чтобы что-то понимать.

Но, с другой стороны, мы без всякого развития находимся в регионе пребывания, где мы когда-то в детстве смотрим на одно место в регионе пребывания, в старости смотрим на другое место в регионе пребывания. Здесь на Земле человек живет так, что то, что разыгрывается в регионе пребывания, излучается в то, что разыгрывается в регионе времени; оба смешиваются между собой.

Наука инициации имеет своей задачей то, что здесь смешано — разделить, ибо только будучи разделенным это может быть понято. Наука инициации всегда называла то, что находится в регионе пребывания, высшим, то, что находится в регионе преходящего, низшим. Но пока человек живет здесь на Земле, он наблюдает смешение высшего и низшего, и он никогда не придет к пониманию своего собственного существа, пока он созерцает эту смесь; он может прийти к пониманию своего существа только в том случае, если обе смешанные здесь вещи будет понимать отдельно. Поэтому вам станет понятно, что в отношении аспекта, который дает земная жизнь, вы в нормальном сознании не можете установить, что вещи таковы, как они были вчера описаны; также посредством нормального сознания вы не можете убедиться в том, что эти вещи таковы, какими я их описал сегодня. И тот, кто хочет строить только на обычном сознании, может сказать: ты вчера нам рассказал о человеке нечто, чего мы не наблюдаем, что не является действительностью, ибо человек развивается не так, как ты вчера описал; некоторые уже в юности бывают очень зрелыми и т. д. Но это возражение делается с точки зрения заблуждения. Действительность такова, какой я ее описал вчера и сегодня, и человек сегодня впадает в дуализм, поскольку он низшее видит не настолько текучим, как я его вчера описал. Посвященный должен застывшее состояние, в котором находится низшее, привести в движение, сделать текучим. Обычное воззрение видит человека, стоящего перед собой; посвященный должен наблюдать процесс, который разыгрывается между рождением и смертью; он должен человека видеть в потоке.

И далее, когда посвященный рассматривает мышление, чувства и волю, которые находятся в текучем состоянии, он должен остановить этот поток, и то, что, поскольку связано с телом, кажется протекающим во времени, должен наблюдать в регионе пребывающего, в регионе рядоположенности, но духовной рядоположенности. Люди стремятся к науке инициации, и внешне охотно соглашаются с тем, что окружающий мир, каким он представляется человеку, есть майя, великий обман, иллюзия. Но когда доходит до дела, люди не ориентируются на это, но хотели бы как верхний, так и нижний регионы описывать в терминологии майи. Можно давать превосходные схематизированные рисунки, которые целиком сделаны по образцу майя-представлений, и тем самым двигаться вверх и вниз в духовном мире, в области надсознания или подсознания. Люди говорят: ты описываешь то, что я не могу понять. Но за этими словами стоит не что иное, как: ты требуешь от меня, чтобы я пришел к иным идеям и представлениям, чем те, которые находятся в майе; ты требуешь от меня, чтобы я пришел к представлениям, которые находятся в регионе действительности.

Могут быть и другие возражения. Кто-то может сказать: да, но что мне за дело, в конце концов, до того, что происходит здесь внизу! Если только понятие времени серьезно применить к человеческому развитию, или если взглядеться в регион пребывания в жизни, то все будет хорошо. Так

могут говорить люди, которые целиком застряли в майе, если образуют понятия, происходящие от смешения, которые целиком остаются в майе. В крайнем случае, если вы хотите оставаться только в регионе пребывания, вы можете жить, вы можете жить в сонном состоянии. Но, во-первых, вы можете с этими понятиями, которые здесь образуете, — и они должны быть весьма остроумными, чтобы выдержать критику современных ученых, — вы можете в крайнем случае, но только в крайнем случае, жить с этими понятиями, но вы не можете с ними умереть. С образованными таким образом понятиями нельзя умереть. И здесь, когда касаются этой тайны, начинается серьезное духовнонаучное познание. Те понятия, которые образуются без науки инициации, и представления приводят после смерти в ариманический регион. Они не приведут в регион человеческого, для которого, собственно, они предназначены, если вы пренебрежете возможностью образовать понятия, которые дает наука инициации.

В прежние времена высшие духовные существа на сверхчувственном пути обучали людей, обладающих атактистическим ясновидением, понятиям инициации. Поэтому для людей — в сущности это было возможно до 333 года после Мистерии Голгофы — существовал некий вид сверхчувственного обучения, которое они могли применить не только к жизни, но также к смерти. С тех пор стало необходимым, чтобы человек здесь на Земле своими усилиями, посредством собственного понимания, подготавливал душу к тому, чтобы она правильным образом могла проследовать через врата смерти. Перед лицом науки инициации не выдерживает критики такое фривольное высказывание, как, например, следующее: нужно просто подождать, пока мы вступим в регион, в который мы попадаем после смерти, чтобы посмотреть, что там будет. Наука инициации отвечает на это: кто ждет, тот погрешает против жизни. Ибо вы были бы ужасно напуганы, если бы какой-нибудь посвященный — *per impossibile* — описал вам, какими вы родились бы уродами, если бы вы такой настрой сохраняли в течение всего периода между смертью и рождением, если бы вы в период между смертью и рождением постоянно говорили бы: я подожду, пока наступит мое рождение на Земле: тогда я посмотрю, что это за существо, одетое в плоть и кровь. Тогда вы не стали бы отказываться от благотворного влияния тех сил, которые охраняют нас от того, чтобы родиться уродами. От этого охраняют нас высшие существа. Эта духовная жизнь между смертью и новым рождением — так говорят существа, которые учат этому, — существует не только для нашего региона, она является подготовкой для нижнего региона, чтобы там рождались не уроды, но люди, имеющие благородный вид.

Но здесь на Земле жизнь предназначена не только для Земли, она существует также для того, чтобы человек мог умереть достойным образом. Здесь человек должен посредством усвоения понятий высших сфер так подготовить свою низшую природу, чтобы не вступить, ошибочно в ариманический регион. Конечно, есть ариманические регионы, которые вполне находятся на своем месте, но вступление в них не соответствует человеческому достоинству. Это — первое.

Второе — это то, что, в крайнем случае, вы можете жить как отдельный человек, — но в действительности же не живут в полном одиночестве, — если вы откажетесь от региона пребывания, но не сможете жить внутри человеческого социального порядка. Человеческий социальный

порядок направляется и управляется существами высших иерархий. И если вы находитесь в каких-нибудь отношениях с людьми, — ведь вся наша жизнь состоит в отношениях между людьми, — и если в эти отношения вы не вольете то, что исходит из духовного региона, региона пребывания, тогда вы исказите социальные взаимоотношения, тогда вы будете способствовать развитию катастрофических явлений, разрушительных, опустошающих явлений на земном шаре. И социальное или политическое воззрение, которое не исходит из духовного, действует опустошающе, разрушающе. Оживляюще на становление действует только такое воззрение, которое в социальной, политической и вообще человеческой совместной жизни учитывает регион пребывания. Это великая, серьезнейшая истина, которая посредством науки инициации должна все более и более воздействовать на людей. И характерной чертой нашего времени является то, что минуло время, когда до 333 года высшие существа проводили сверхчувственное обучение, в котором человеку не нужно было участвовать своим сознанием, поскольку это обучение проходило большей частью во сне или в сумеречном остоянии сознания. Сегодня же человек то, что ему нужно, узнает в общении с другими людьми. Здесь человек просто должен отказаться от своего высокомерия, которое его побуждает говорить, что он всегда может образовать свое собственное суждение. В регионе преходящего он может понять, что старый человек может нечто сообщить молодому, нечто такое, что только старый человек может сообщить молодому. И если он понимает это, то почему он не может понять также, что существует наука освящения, которая передается от человека к человеку, сейчас ферментом социальной жизни, который разовьется в будущем, является то, что, если человек в какой-то момент времени, — если мы говорим о регионе времени, — сам не может познать нечто, он должен это воспринять от другого человека. И я вам вчера сказал: наше развитие во времени привело нас к тому, что следует воспринимать вещи, не полагаясь на голый авторитет; но уже в представлениях, которые мы образуем, следует иметь некоторую уверенность, источником которой является внутреннее чувство. Я в целом ряде своих книг подчеркивал, что на почве духовной науки не должна расцветать вера в авторитет. Но это наверняка должно относиться ко всему тому, что стоит на почве духовной науки: невозможно получить посвящение таким образом, чтобы, в духе нашего времени, просто как петуху взобраться на навозную кучу и кукарекать о своей собственной убежденности в любом возрасте! Таким образом можно выдвигать всевозможные программы, которые должны овладеть миром, но никогда нельзя создать науку, которая будет править жизнью и господствовать в мире. Все более и более для жизни и мира ощущается потребность в науке инициации.

Если в древние времена инициация представляла собой мышление, которым наделялся человек, то в будущем должны всей своей волей обратиться к тому, что посредством инициации приходит в мир. Но это противоречит всевозможным желанием, подсознательным желанием. Ибо нелегко человеку обрести ту величайшую серьезность, которая необходима для того, чтобы правильным образом вжиться во все то, что требуется в смысле сказанного выше.

Весьма трудно убедить сегодняшнее человечество в том, что сегодня особенно требуется добрая воля, поскольку оно эту добрую волю часто считает за бессердечную волю. Но тот, кто действительно проник в смысл духовной науки, тот знает, что в будущем не может быть никакого другого

пути для того, чтобы создать душевную субстанцию, которая правильным образом может пройти через врата смерти, правильным образом вписаться в социальную жизнь человечества, кроме изучения духовной науки, кроме посвящения. И когда вживаются в это, может придти контрмысль: вот живет человек, и есть человек, которого он по какой-либо причине любит, и который ничего не хочет знать об этих великих требованиях времени, о необходимости обратиться к спиритуальной жизни. Тогда в нем рождается желание, чтобы этот человек был счастлив, и ему кажется бессердечным, если тому сообщить полную истину. Но те, кто имеют в этой области добрую волю, знают, что это вовсе не является доброй волей, когда закрывают глаза и говорят: ну да, мы ничего не хотим знать о спиритуальной жизни, но мы можем и без этого стать счастливыми, — но когда говорят: нужно приложить все усилия, чтобы на Земле утвердилась спиритуальная жизнь. Позитивную позицию занимают не те, кто слишком предаются мыслям, так тесно связанным с желаниями, мыслям, свойственным тем, кто ничего не хочет знать о спиритуальной жизни, но те, кто с доброй волей отдается спиритуальной жизни, пытаясь эту спиритуальную жизнь внести в мир, чтобы, если можно употребить такое выражение, принести людям счастье.

За тем, что часто называют «любовью», скрывается не только поверхностность, но также извращение истинных отношений. И тот, кто сегодня говорит, основываясь на науке посвящения, тот говорит не только для того, чтобы внести в человеческую душу теоретические знания, но он говорит из своего горячего сердца, из любви к человечеству, поскольку он знает, что главным требованием времени является то, чтобы ближайшей задачей стало то, чтобы эту спиритуальную жизнь внести в человеческие души, и так воздействовать на жизнь людей, чтобы эта спиритуальная жизнь утвердилась в их душах. Естественно, для этого необходимо мужественным образом противостоять развитию человечества во времени. Созерцание высшего и низшего, которые нужно ясно видеть, должно быть внесено в душу человека.

Если вы жизнь рассматриваете так, как это делают сегодня, основываясь на предвзятых иллюзорных представлениях, то вы не говорите о жизни в целом, но вы говорите об очень маленьком фрагменте жизни. Я это проверил. Я, например, читал различные биографии Гёте. То, что написано в этих биографиях, состоит из умозаключений относительно того, что Гёте делал, мыслил и представлял в период от рождения до своей смерти. Но как только душа Гёте прошла через врата смерти, все то, что описано в биографиях, с точки зрения современного иллюзорного мировоззрения, не имеет ни малейшего значения для региона, в который душа вступает после смерти, и который представляет собой другое сочетание региона пребывания и региона прохождения. Ибо он также является переходящим, поскольку человек снова вступает в бытие, проходя через врата нового рождения. Для того региона, в который человек вступает, пройдя через врата смерти, все то, о чем сообщает нам иллюзорное мировоззрение, иллюзорная биография, которая описывает жизнь между рождением и смертью, не имеет никакого значения. Здесь решающим является только вопрос: что говорит душа, обращаясь к Космосу? — То, что один человек говорит другому, будь это самые прекрасные вещи на Земле, это не доходит до Космоса, если оно само не исходило из духовного знания. Но мы найдем отношение к Космосу того, что пережил Гёте, если будем рассматривать его

жизнь так, чтобы в отношении жизни Гёте описывать ее семилетние периоды. Как Гёте менялся от семилетки до семилетки! Какой важный поворот в его жизни, в свете семилетних периодов, означала его поездка в Италию, или, по крайней мере, его решение ехать в Италию! То, что разыгрывается от семилетки до семилетки, в смысле обычной биографии, вписывается в Космос; с этим мы имеем дело, когда человек проходит через врата смерти. И то, что Гёте выражал, когда на него воздействовали существа из региона пребывания, что может быть описано так, как я это описал сегодня, это также имеет отношение к региону, в который вступают после смерти. Также если вы опишете жизнь Гёте с точки зрения, которая следует из вчерашнего образа рассмотрения семилетних периодов: что Гёте чувствовал, когда он к одной из глав своей книги написал эпиграф: «То, что желают в юности, исполняется в старости». Тот, кто рассматривает жизнь Гёте с точки зрения преходящего, с точки зрения развития, и наталкивается на такие слова, которые Гете использовал в качестве эпиграфа к одной из глав своей книги: «То, что желают в юности, исполняется в старости», кто, обладая духовно-научными знаниями, натолкнется на такие слова, тот, собственно говоря, натолкнется на вечного Гёте. И тот, кто, обладая духовнонаучными знаниями, натолкнется у Гёте на нечто, что он говорит, исходя из того, что притекало к нему из региона пребывания, где разыгрывается действие иерархий, тот опять натолкнется на то, что в Гёте было вечным. Познать не просто временное в мире, но вечное, можно только косвенным путем через духовную науку. Это и является задачей, которая стоит перед современным человечеством, которое должно принять науку инициации. То, что предлагалось в древности, современный человек должен видеть в свете, который исходит для него из современной науки инициации.

Внутри католической церкви существует нечто, что можно сравнить с действием красной тряпки на известное существо. Если какой-нибудь католик, которого считают истинным, напаялит на себя мировоззрение, которое представляет мир с точки зрения эманации, то это мировоззрение будет осуждено, — не столько для него самого, сколько для паствы, для которой он говорит и пишет. Достаточно к мировоззрению добавить предикат, что оно является эманационным! Те, кто считают себя истинными католиками, противопоставляют это эманационное мировоззрение мировоззрению, в основе которого лежит представление творения из Ничто, создание мира из Ничто. Итак, можно противопоставить — опять же дуалистическим образом — действующее как красная тряпка эманационное мировоззрение, мировоззрению, основывающемуся на представлении о творении из Ничто. Последнее мировоззрение принимают, эманационное же мировоззрение отклоняют. Эманационизм — это то, что косвенным путем через гнозис стало известно западному миру. В том виде, как он стал известен на Западе, — литература, лежавшая в основе этого мировоззрения была большей частью уничтожена, — эманационизм представляет собой искаженный образ; и поскольку в католических кругах известен только этот искаженный образ, возникло величайшее непонимание. Ибо представляют это как учение о том, что один эон исходит из другого эона, менее совершенные эоны исходят из более совершенных эонов, и то, что обычно внешне-экзотерически представляют как гнозис, уже является коррумпированным воззрением. Но это восходит к мировоззрению, имевшему совсем другую природу, существовавшему в те времена, когда божественные учителя сами,

исходя из сверхчувственного, учили людей. Этот эманационизм, который, можно сказать, уже коррумпирован, восходит к науке, которая в старой форме стояла в отношении к региону пребывания, к высшему. И для этого высшего можно в некотором отношении отстаивать эманационизм не в той известной нам коррумпированной форме, не в той форме, которая указывает только на временную перспективу, но где, собственно, речь не идет о развитии. Но поскольку не идет речь собственно о развитии, также не может быть речи о творении из Ничто, ибо это было бы также развитием, хотя и развитием в самом его радикальном пункте, и здесь также не может быть речи о том, что одно исходит из другого, поскольку мы имеем здесь дело с регионом пребывания, и мы можем говорить только о взаимоотношениях пребывающих существ.

Но если снова речь пойдет о регионе прехождения, то снова можно говорить о развитии; тогда можно говорить об экстремальном моменте развития, о котором мы много говорили в эти дни. Ибо разве это не является фактом непрерывного становления из того, что в отношении мира есть ничто, когда мы говорим: сегодняшние идеалы являются зародышами будущего, и сегодняшняя реальность является плодом прошлого? При правильном рассмотрении это дает истинное, не коррумпированное учение о творении. Людям сегодня предъявляются следующие требования: рассматривать в правильном свете то, что понимается под эманационизмом, и распространять это на духовно-душевный мир; то же, что представляет собой не коррумпированное учение о творении, также видеть в правильном свете, но применять его не к Творцу, но к творению, к телесно-душевному. В признании дуальности, в созерцании дуальности не в туманном смешении дуалистических ориентировок, состоит спасение, освобождение мировоззрения, позволяющего правильно видеть регион пребывания и регион прехождения и уметь их соотносить. Тогда можно будет сказать: если я созерцаю действительность, стоящую передо мной, то она является отражением, но и в то же время результатом действия; отражением, поскольку она принадлежит региону преходящего, в котором разворачивается эволюция; и результатом действия, поскольку она принадлежит региону пребывания, когда действует то, что при правильном рассмотрении мы характеризуем сегодня как духовно-душевную жизнь. Тот, кто правильно оценивает эти вещи, не говорит, что учение о творении верно, а учение об эманации ложно, или что учение об эманации верно, а учение о творении ложно, но он знает, что оба являются необходимыми факторами для постижения всей полноты жизни.

Преодоление дуализма может состояться не в теории, а только в самой жизни. Но, кто теоретически пытается согласовать регион высшего и регион низшего, регион преходящего и регион пребывающего, кто пытается посредством понятий, представлений, идей достигнуть соответствующего сглаживания, тот не достигнет цели, тот придет к спутанному мировоззрению, поскольку он пытается посредством интеллекта разрешить то, что должно быть найдено в жизни. Но в жизни ищут истину только тогда, когда знают: нужно направить взгляд на одну сторону, в регион пребывающего, и там познать то, что не представлено во внешней действительности, и затем направить взгляд в регион преходящего и там также рассматривать человека и все существа так, как это, собственно говоря, противоречит внешней действительности. Но если оснастить себя обоими методами, и если мы встретим какую-нибудь действительность, тог-

да мы будем видеть в ней слияние элементов, из которых мы состоим сами: из влияний региона пребывания, и влияний региона прохождения. Мы будем познавать жизнь, если не будем пытаться построить теоретическое мировоззрение, которое изживается в понятиях, в идеях, но если будем иметь два мировоззрения: одно для региона духовно-душевного, другое для региона телесно-душевного, и в живом взаимодействии, а не в теории будем рассматривать то, что питает и оплодотворяет жизнь. Только тогда мы найдем выход из дуализма.

Все это следует рассматривать как требование к современному человечеству. Задача не в том, чтобы выступили учредители религий, которые обучали бы людей спиритуализму, и не в том, чтобы, с другой стороны, выступили какие-нибудь учредители научных сект, которые учили бы людей материализму; но задача состоит в том, чтобы материю постигать материально в эволюции, а духовное постигать имматериально, спиритуально в регионе пребывания, и действительность рассматривать с обеих этих точек зрения. Материальное осветить духовным, духовное зафиксировать посредством материального, это то, что должно влиться в мировоззрение будущего. Дело не в том, чтобы выступили философы, которые дали бы людям дефиниции истины, или, с другой стороны, дать дефиниции тому, чему учит наука, чтобы теоретическим образом основать так называемое монистическое воззрение, но задача состоит в том, чтобы познать дуализм между истиной и наукой, и в живой жизни искать отношения между истиной и наукой, чтобы придти к живой, не теоретической теории познания. Не истина или наука, но как истина, так и наука: науку нагружать весом истины, вес истины просветлять светом науки, признавая, что человек дуалистически поставлен в мир, и только в своей жизни, в своем становлении может преодолеть то, что должно быть преодолено как дуализм. Задачей человечества будущего является не кантианство, которое думает, что то, что изживается во внешнем мире, не является «вещью в себе», но истина и наука, то есть признание, что все то, что окружает нас, является майей, но майей является потому, что мы, люди, таким образом помещены в мире, что находимся в дуалистическом положении. Благодаря этому нашему положению мы создаем майю, и поскольку мы сами являемся живыми, преодолеваем эту майю в жизни, не в идее, не в теории.

Это составляет также содержание моей маленькой книжки «Истина и наука», моей книги «Философия свободы». Последняя вскоре выйдет здесь в новом издании. Я сделал отдельные дополнения, которые не изменяют прежнего текста, но значительно расширяют его в различных пунктах.

Наша задача состоит в том, чтобы постигать знамения времени и, исходя из этого, развивать спиритуальную жизнь в различных областях человеческой деятельности.

ЛЕКЦИЯ СЕДЬМАЯ

Дорнах, 20 сентября 1918 г.

Нет особой необходимости связывать сегодня мысли с пятилетним юбилеем закладки Камня Основы нашего здания. В особенности нет такой необходимости у того круга людей, которые в течение этих пяти лет более или менее пространственно были связаны со зданием. Также эта катастрофическая эпоха поистине не время для особого празднования, и мы

также внутри нашего движения не будем праздновать этот юбилей. Я только хочу сказать вам сегодня по этому поводу несколько слов.

Здание не могло быть закончено в срок, который, возможно, представлялся некоторым, кто участвовал тогда в закладке Камня Основы или своими мыслями, или как-то иначе был связан с Камнем Основы. Но это не так существенно. Существенное в этом здании, хотя оно стоит перед нами еще незаконченным, это то, что оно вообще есть. Даже если оно не готово, существенным является то, что оно есть, и что из его форм видно, каким духом оно инспирировано. О его внутреннем устройстве, о его существе мы часто говорили. То, что здание есть, мы должны отметить для себя как факт, который нас в некотором отношении ко многому обязывает. Это не одно и то же, развивалось бы в эти последние пять лет Антропософское общество или духовно-научное движение без этого здания, или при наличии этого здания. Это здание является прежде всего символом этого движения. Это здание есть то, что в определенном смысле наглядно представляет людям, чем должно быть такое Движение в мире. То, к чему обязывает нас Здание, показывает также отношение внешнего мира к этому зданию. Этот внешний мир гораздо меньше обращал бы свое внимание на все наше движение, если бы не было этого здания. В наше время, помимо всего прочего, видимые символы очень много значат для людей. Учитывая то обстоятельство, что значительная доля деятельности духовно-научного движения в последнее время направлена на борьбу против враждебных движений, приходит на ум, что здание, как факт, немало повлияло на то, что усилились нападки со стороны этих враждебных движений. На нас меньше обращали бы внимания, если бы не было здания. Поэтому недостаточно, если мы просто будем испытывать удовлетворение от того, что могло появиться здание, но необходимо с этим удовлетворением связать чувство, что как Северный полюс принадлежит Южному полюсу, или Южный полюс Северному полюсу, так и созерцанию нашего здания принадлежит то, что мы правильным образом организуем антропософское дело. Я бы сказал, что мы не должны, собственно говоря, испытывать никакой радости, никакого удовлетворения, если мы в то же время не приложили все свои силы для развития антропософского дела. Ибо здание будет побуждением для разрушения нашего дела, если не найдется достаточно сил для его защиты. Я хочу сказать, что если бы не было никакого здания, то мы могли бы себе позволить роскошь просто принадлежать антропософскому делу, ибо не было бы видимого символа, на который могли бы обратить внимание люди, которые нуждаются в видимых символах. Но если мы радуемся зданию, если мы от здания испытываем удовлетворение, то мы должны также связать с этим обязанность работать для антропософского дела.

Конечно, главным образом недоразумения связаны с самим антропософским делом, но в последнее время можно слышать множество нелепых высказываний также в отношении здания. Достаточно только познакомиться с посетителями здания и послушать, что о нем говорят, чтобы увидеть, с какими недоразумениями мы здесь сталкиваемся. Мы должны постараться ликвидировать эти недоразумения. Но во многих случаях мы видим также позитивное отношение, и это здание также оказывает позитивное влияние. С попытками исправить негативные последствия злонамеренных нападков мы не достигнем многого; но мы достигнем гораздо большего, если попытаемся в правильном свете представить миру позитивное. Люди, которые были в здании, — есть свидетельства этому, — которые дали воздействовать на себя зданию, также

отмечают позитивное, и, по крайней мере некоторые из них, не составили себе плохого мнения о деле, которое связано с этим зданием. Но мы должны только избегать того, чтобы люди, которые его посещают, связывали его с каким-либо мистицизмом. То, чем является здание, может действовать, когда мы объективно его интерпретируем как художественное воплощение духовнонаучных основоположений. И когда люди хотят связать с ним какой-либо мистицизм, они, конечно, компрометируют и само здание и все наше дело.

Сегодня я хочу связать с этим пару практических мыслей. Наиважнейшим является то, чтобы мы читли сущность этого здания, Камень Основы которого был заложен пять лет назад, и это, исходящее из внутренней природы антропософского дела, живейшее ощущение должно стоять перед нашей душой. Мы часто высказывали различные мысли относительно этого здания и будем их высказывать при различных обстоятельствах и в дальнейшем. Сегодня давайте мысли, рождающиеся в душе, при воспоминании о том времени, когда здесь на этом холме пять лет тому назад был заложен Камень Основы, облачим в чувства, верно связывающие нас с этим зданием.

Я часто говорил вам о том, как человеческая душа преобразовалась в ходе развития человечества, и насколько близоруким было бы думать, что можно понять сегодня душевный склад, если не оглянуться на различные формы преобразования, через которые прошла человеческая душа. Оглядываясь — мне не нужно здесь это повторять — на различные эпохи развития Земли, мы особенно часто рассматриваем послееатлантическую эпоху, чтобы указать на то, как душевный склад людей постоянно менялся в течение этой послееатлантической эпохи. Нужно, особенно когда мы говорим об этих вещах, переходить от абстрактного к конкретному. Нужно все интенсивней и интенсивней пытаться ответить на вопрос: как это все выглядело в человеческой душе в пра-древние времена? Обратим наш взгляд на ту пра-эпоху, — говорить о ней нужно более в образном смысле, — когда божественные учителя сами обучали людей священным тайнам бытия. И мы знаем, что, начиная с этой пра-эпохи, люди различным образом знакомились с тайнами бытия. И от эпохи к эпохе действительно менялись также представления человеческой души. Представления, которые мы имеем сегодня таким образом, что все их обозначаем словами, они живут в нас, и они жили также в прежнем складе нашей души; но они жили в прежнем складе нашей души совсем, совсем по-другому. Многие наши расхожие понятия жили совсем по-другому. И сегодня я хочу говорить о казалось бы вполне расхожих понятиях, о двух понятиях, которые сегодня живут в человеческой душе. По меньшей мере они обозначают все моменты в человеке словами, которые раньше также жили в человеческой душе, но совсем, совсем иначе. Я буду говорить о двух представлениях: пространстве и времени.

Пространство является для человека сегодня наиболее абстрактным из того, что можно мыслить. Что сегодня представляет себе человек, говоря о пространстве? Три расположенных перпендикулярно друг к другу измерения или, если пролистать философские книги, протяженность физических предметов; есть также и другие определения пространства. Но все это, — только представьте себе, как рассудочно, холодно и абстрактно все это! Три расположенных перпендикулярно друг к другу измерения, или все то, что мы изучаем в отношении пространства в геометрии: как ужасно

абстрактно, рассудочно-понятийно! Настолько рассудочно-понятийно, что пространство — вместе со временем — стало для Канта субъективной тенью, голой формой созерцания чувственных явлений. Это абстрактное пространство, о котором человек сегодня вряд ли знает больше того, что оно имеет длину, ширину и высоту, это абстрактное пространство было совсем, совсем другим представлением в далеком прошлом, представлением, которое еще сегодня сохранилось у особо чувствительных людей; однако от него остались сегодня только следы. Не нужно заходить слишком далеко — всего до VI, VII, VIII столетий до Р.Х., — чтобы доказать, что в это время пространство было чем-то совсем другим для человеческой души, чем эта рассудочная абстракция, которая для человеческой души сегодня является пространством. Человеческая душа еще в раннегреческий период воспринимала пространство как нечто, с чем она чувствовала свою живую связь. Она чувствовала себя помещенной в живое нечто, когда она ощущала себя внутри пространства.

От этого ощущения сегодня у человека в лучшем случае остался только слабый след; у некоторых людей остался след этого ощущения, — об этом я буду говорить в дальнейшем, — ощущение нахождения в пространстве всей своей личностью, всем своим существом. Но древний человек имел такое отношение ко Вселенной: он различал верхнее и нижнее, правое и левое, переднее и заднее. С этими абстрактными тремя измерениями, о которых мы не можем сказать ничего другого, кроме того, что они перпендикулярны друг другу, — это было бы весьма однообразным занятием, если бы вечно не заниматься ничем иным, кроме как стоять перпендикулярно друг к другу, как три геометрических измерения, — с этими тремя измерениями не имеет ничего общего то живое, которое имелось в виду, когда говорилось о верхнем и нижнем, о правом и левом, о переднем и заднем.

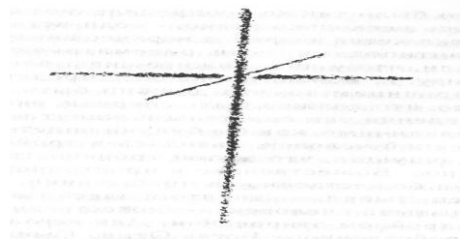
Верхнее и нижнее: это было нечто живое, как это в древности воспринимал человек, как он будучи ребенком выпрямлялся снизу вверх, когда он ощущал, что жизнь состоит в развертывании в направлении вверх и вниз. Течение жизни состоит в переживании направления вверх и вниз. Только совсем немного мы удаляемся в нормальных условиях от поверхности Земли в процессе роста, если мы не используем в ариманическую эпоху воздухоплавательные аппараты или в атлантические времена, — но тогда это было не слишком высоко над землей, вы знаете это из моего описания Атлантиды, — живо испытываем при этом верх и низ, противоположность верхнего и нижнего. Но эта противоположность верхнего и нижнего ощущалась в древние времена как противоположность сознательного и объективного мира, сознательного и бессознательного мира. При ощущении верхнего и нижнего глубоко ощущали также отношение субъекта к объекту. Вверху все далее и далее развертывались божественные миры, внизу же находились миры, противоположные божественным, и место человека было между верхним и нижним.

У таких людей как Гёте — достаточно только прочесть его «Фауста» — вы найдете остатки этого ощущения верхнего и нижнего. И к этому верхнему и нижнему человек ощущал еще правое и левое. Когда мы говорим сегодня о правом и левом, мы употребляем абстрактные понятия. Для людей древности переживание правого и левого было действительным опытом, можно сказать, действительно наблюдаемым миром. Верхнее и нижнее — это линия, протянутая от бесконечности до бесконечности или от

сознательного к бессознательному. Право и лево ощущалось как мировая связь между смыслом и обликом, между мудростью и формой. Вам нужно только провести ось симметрии; то, что находится слева от нее и справа от нее, совместно дает форму, и вы не могли бы связать между собой правое и левое, не подойдя к этому осмысленно, не рассмотрев отношения их друг к другу.

Если верхнее и нижнее указывают на таинственные отношения человека к духовному и материальному мирам, то переживание правого и левого указывает на отношение человека к изживающему себя в формах миру. И поскольку он в форме соотносит между собой правое и левое, поскольку он дает развернуться мудрости в симметричных, разделенных на правое и левое формах, он ощущает себя в этом втором элементе пространства. Это переживание смысла в облике, мудрости в форме, во всех возможных вариациях, это ощущение своей вчлененности в это созвучие смысла и облика, мудрости и формы испытывал древний человек как то, что представлено нам сегодня в абстрактном втором измерении. Верхнее и нижнее, правое и левое соединяются в плоскость, в поверхность, в то, что еще не является чувственным, что нуждается еще в толщине, в переднем и заднем, если оно хочет существовать как чувственное.

И в этом третьем измерении, в переднем и заднем, древний человек чувствовал переход от материального к духовному. Верхнее и нижнее, левое и правое он еще воспринимал как духовное. Оно не могло иметь материального бытия, пока оно просто является верхним и нижним, правым и левым; это просто образ в пространстве. Только благодаря толщине он становится материальным. И человек в прежние времена живо ощущал: пока ты растешь, ты делаешь небольшие шаги от поверхности Земли вверх, в направлении верхнего и нижнего. Когда ты идешь, ты можешь свободно двигаться, ты находишься в элементе своей воли: переднее и заднее. Между ними, при стоянии, ты находишься в состоянии полностью свободного движения вправо-влево.

Эту тройную противоположность позиции человека внутри мироздания ощущал древний человек: это неподвижное стояние в отношении правого-левого, это хождение в мире в отношении переднего-заднего, это медленное движение снизу вверх в направлении верхнего-нижнего. Так ощущал древний человек. И когда он испытывал верхнее-нижнее, он ощущал, как во Вселенную вплетено все то, что мы называем сегодня интеллектом, мировым разумом. Он чувствовал, что в пространство в верхне-нижнем направлении вплетено все то, что как интеллект господствует во Вселенной; и благодаря тому, что он своим ростом мог участвовать в этом интеллекте Вселенной, он чувствовал себя тоже наделенным интеллектом. Участие его в движении вверх-вниз было для него также участием в мировом интеллекте. Участие в направлении право-лево, в сплетении смысла и облика, мудрости и формы, давало ему чувство

развертывающегося в мире. И его отношение к свободному стоянию, созерцанию мира давало ему связь его собственного чувства с мировым чувством. И его хождение в пространстве в направлении вперед-назад давало ему ощущение собственной воли, вхождения собственной воли во Вселенную, в мировую волю. Так он ощущал свое живое бытие вплетенным в направление верхнее-нижнее, правое-левое, переднее-заднее. Сознательное-бессознательное — это верхнее-нижнее; мудрость-форма — это правое-левое; дух-материя — переднее-заднее. Так ощущал древний человек.

Но у него было также неопределенное ощущение, — я выражаюсь несколько резко, — если встать на голову, но нижнее окажется сверху, а верхнее внизу. Также дело обстоит с антиподами, если рассматривать их относительно Земли, что у них нижнее оказывается сверху, а верхнее внизу. И можно также себе представить, что по каким-то причинам то, что должно быть слева, станет справа, а то, что должно быть спереди, окажется сзади. Эти направления так сплетены и живут в пространстве как бы неразлично, как бы будучи вплетенными друг в друга. Древний человек, находясь в тройственном пространстве, ощущал, что в этой троичности господствует божественное. Божественное в пространстве указывало человеку на божественное в пребывании.

И он испытывал, — то, что я здесь говорю, действительно испытывал человек, — божественное в пространстве в его тройном откровении. Для него это было отражением тройственного Бога: Отца, Сына и Духа или, как это называют, триединого Бога. Тройственность действительно недоступна мышлению, не может быть постигнута в мыслях. Тройственность со всеми ее свойствами испытывалась в отраженном образе, когда древний человек живо познавал тройственность пространства.

И как неясность могла быть в определенном смысле между верхним и нижним, правым и левым, передним и задним, так при определенных обстоятельствах ощущалась неясность во взаимоотношениях Бога, Сына и Духа. Но когда в области преходящего, в области пространственного человек не абстрактно, не геометрически, как мы, но конкретно испытывал, как изживается в пространстве божественное, и когда, испытывая это, он испытывал также преходящее, тогда он соотносил это преходящее с элементом пребывания, и он ощущал тройственное пространство как отражение тройственной духовности.

Когда я живу здесь на Земле, то я живу также в тройственности пространства; но эта тройственность пространства является наглядным доказательством тройственности божественного происхождения мира. Такова примерно была идея древнего человека. Сегодня пространство стало абстракцией, и только некоторые люди ощущают измерение глубины и толщины, как они возникли: верхнее и нижнее, переднее и заднее, правое и левое плоского измерения. Относительно этого мы не много найдем сегодня у философов. И все же некоторые люди, рассуждающие об этих вещах, которые не совсем спят, приходят к тому, что измерение глубины, собственно говоря, доступно бессознательному наблюдению, которое не слишком бессознательно. Некоторые люди еще ощущают глубину, но это последние остатки пространственного переживания.

В развитых религиях ныне действительно пониманию троичности предшествует понимание единства Бога. Понимание единства Бога имеет то же происхождение, как понимание троичности Бога через пространство.

Духовная наука извлекает свое содержание из самих божественных фактов. Тогда приходят глупые люди и говорят, что нет тех или иных внешних доказательств. Об этом мы часто говорили, и я мог бы еще многое сказать по этому поводу, но сегодня мы не будем этим заниматься. Я хочу только указать на то, что в этом состоит ненаучность сегодняшней так называемой науки, что она не может найти доказательств. Я только одно хочу привести вам в качестве внешнего доказательства, что люди ощущали примерно так, как я излагал это сегодня. Почему древние раввины Бога называли также Пространством? Поскольку они так ощущали в древние времена, в иудаизме, как я это вам представил в отношении человечества. Если бы наука в различных областях действительно могла мыслить, она нашла бы многочисленные загадки, которые в то же время могли бы служить действительным доказательством, внешним доказательством того, что находит духовная наука, но исходя из духовных фактов. Одним из имен Бога у раввинов было Пространство; Пространство и Бог — это одно и то же.

Подобное же происхождение, как троичность божественного, имеет также единство божественного. Оно связано с живым переживанием времени. Время не воспринималось древними так абстрактно, как ощущают его сегодня; но только конкретное переживание времени было утрачено еще раньше, чем конкретное переживание пространства. Если сегодня с правильным пониманием прочесть Платона или Аристотеля, не так, как читают его некоторые сегодняшние профессора, — я часто цитировал вам одну запись, которую Геббель сделал в своем дневнике, где один из профессоров стоит перед фактом, что в его школе сидит на занятиях перевоплощенный Платон, и он рассказывает, что этот профессор читает вместе с классом один из диалогов Платона, и перевоплощенный Платон получает от этого профессора за этот диалог плохую оценку, как пишет в своем дневнике Геббель, — кто сегодня с действительным, глубоким пониманием читает Платона и Аристотеля, тот повсюду у них найдет, что в VI, VII, VIII столетиях до Р.Х. испытывали еще чувство времени. Чувство пространства уже затухало у Платона и Аристотеля, но все же еще отчетливо просматривалось. Но чувство живого переживания времени было утрачено еще раньше. Целиком же и полностью оно было живым во втором послеплатоническом периоде, в пра-персидскую эпоху, и, естественно, у учеников Заратустры вызвало бы озноб, если бы им кто-то стал говорить, что время протекает равномерно, по прямой линии, из прошлого в будущее.

И в гнозисе еще было смутное живое чувство времени, — но едва ли доступное познанию, — когда говорили не о том, что оно протекает по прямой линии из прошлого в будущее, но когда говорили об зонах, о творящих существах, которые тогда были, и от которых произошло последующее, когда зоны один другому передавали импульсы творения. В имажинациях время представлялось примерно так, что в последовательности иерархий предшествующие существа передавали импульсы последующим, и последующее некоторым образом всегда исходило из предшествующего, и предшествующее в некотором отношении охватывало последующее. И на предшествующее всегда смотрели как на божественное в отношении последующего. «Последующее» воспринималось как небожественное, «предшествующее» воспринималось как божественное. Этот взгляд на поворот, который происходил в развитии от божественного к небожественному, был живым переживанием времени. Все распалось бы,

если бы не сплетали в единство божественное и небожественное, что идентично с нашими сегодняшними абстрактными прошлым и будущим.

Но в этом образе времени, непрерывно в ретроспективе охватывающем все снова охватывающее и т. д., до «Начала дней», в этой имажинации ощущали отражение единого Бога. Как трехмерное, тройственное пространство ощущалось как отражение троичности Бога, так время ощущалось как отражение единства Бога. Основание монотеизма лежит в древнем переживании времени, основание троичности — в древнем переживании пространства. Таким образом, менялся душевный склад людей, и то, что было живым, стало абстрактным и рассудочным. Так парадоксально это может звучать: современный человек, конечно, представляет себе нечто абстрактное, когда он говорит о пространстве, и он представляет себе, я полагаю, живое отношение, когда он говорит о своем друге. Но эта конкретность, это элементарное переживание, которое сегодня распространяется от друга к другу, это, например, еще очень абстрактное чувство по сравнению с тем интенсивным мировым переживанием, которое имел древний человек, когда он переживал пространство и время, которые были для него отражением единства и троичности божественного.

Итак, мы стали рассудочными и абстрактными в отношении пространства и времени, и нечто другое должно встать на место пространства и времени, которые мы снова сможем живо испытывать, сможем принять внутрь себя. Мы должны научиться ощущать в мире тот дуализм, ту противоположность, о которой я говорил на этой неделе. Представьте себе человека, который видит только барашки волн на поверхности воды. Эта волнующаяся поверхность воды представляет собой, в принципе, абстрактную линию. А где же конкретное? Здесь внизу вода, и здесь сверху воздух. И из двойственности воздуха и воды, из взаимодействия этих сил возникает майя, волнующаяся поверхность. Но наш мир — это также волнующаяся поверхность, и таковыми же являемся мы, люди, если рассматриваем себя внутри этой майи. Если же мы хотим рассматривать себя в действительности, то мы должны видеть себя также и здесь: внизу в воде и сверху в воздухе. Мы видим себя внизу в воде, когда мы наблюдаем преходящее развитие, как я вам представлял его на этой неделе, когда человек развивается так, что то, что он может представить себе как ребенок, он понимает только в глубокой старости. То, что он представляет себе во время половой зрелости, он познает несколько раньше, но тоже в пожилом возрасте, и т. д., как я представил течение человеческой жизни, когда он только в старости познает то, что было с ним в детстве и юности. Так не кажущаяся, но действительная жизнь протекает на поверхности. Я сказал: для сегодняшней жизни на поверхности, может быть, такое рассмотрение и не нужно, но для смерти мы в нем нуждаемся. Это

есть представление о нижнем; сюда также относится представление о реальном верхнем, о регионе пребывания, о котором я говорил в прошлое воскресенье, где человек не развивается, но то, что принадлежит царству пребывания, он сохраняет на протяжении всей своей жизни от рождения до смерти. Но сегодня мы не можем рассмотреть, как переплетаются нижнее и верхнее, если не будем рассматривать нижнее так, что ему угрожает оцепенение, отвердение; и если мы не будем рассматривать верхнее так, что ему угрожает распыление, одухотворение; если мы не разовьем ощущение для противоположности: божественное — люциферическое — ариманическое. Древний человек носил нечто живое в своей душе, когда он говорил о своем переживании пространства, о своем переживании времени; человек будущего должен развить внутренние понятия, внутренние импульсы представлений: божественное — люциферическое — ариманическое.

ЛЕКЦИЯ ВОСЬМАЯ

Дорнах, 21 сентября 1918 г.

В лекциях на прошлой неделе я указал вам на то, как можно попытаться с помощью науки инициации перейти от кажущейся действительности, которая повсеместно нас окружает, к истинной действительности. И я обратил ваше внимание на то, что именно те стремления, которые вызывают симпатии большинства людей: стремления к единообразной рассудочной мировой теории, уводят от действительности, ввергают в заблуждения в отношении действительности, что необходимо стремиться различать два потока действительности, в особенности в отношении познания человека, чтобы потом то, что можно узнать относительно каждого из этих потоков, связать с другим.

Воспроизведем еще раз вкратце то, что мы говорили в отношении этих двух потоков в человеческом познании, и затем попытаемся на этой основе сформулировать требования, необходимые для действительного воззрения. Я сказал вам: человеческая жизнь протекает так, что человек только во второй половине жизни может постигать то, что он мыслил и вообще что он делал в душевном плане — и я сказал: действенным является в нас разумное существо в течение семи первых лет жизни, от рождения до смены зубов, разумное действует в нас, но то, что действует в нас как разумное, а также то, чему мы научились в эти первые годы жизни, мы еще не постигаем нашими собственными человеческими силами, если мы имеем в виду один поток, о котором идет речь. Если бы человек опирался только на себя, вел себя только как земной человек, он только в глубокой старости, лет под шестьдесят, мог бы познавать, что он мыслил, чувствовал и волил, будучи ребенком. Итак, только в глубокой старости можно было бы прийти к самопознанию в отношении своей внутренней детской жизни. Силы человека, которые способны постигать то, что в первые детские годы внутренне разумно переживалось, эти силы рождаются только в таком преклонном возрасте.

Затем мы имеем вторую жизненную эпоху, которая продолжается от смены зубов до половой зрелости. Представьте себе — описание этого дано в моей книжце «Воспитание ребенка с точки зрения духовной науки» — то, что человек мыслит, чувствует и волит в возрасте до половой зрелости. Но понять то, что он переживает в этом возрасте, человек мог бы только в возрасте примерно пятидесяти лет.

И то, что мы испытываем в период от половой зрелости до 21 года жизни, мы можем постигать собственными человеческими силами, только перешагнув за сорокалетний возраст. То, что мы выдумываем, представляем себе как идеалы, жизненные ценности, мы постигаем с помощью наших человеческих жизненных сил после тридцати лет. Только то, что мы испытываем в возрасте от 28 до 35 лет, стоит перед нами, это мы можем постигать сразу. Это средний член человеческого течения жизни, он находится в некотором равновесии, здесь мы можем выдумывать и постигать это в одно и то же время; в другом жизненном возрасте мы этого не можем.

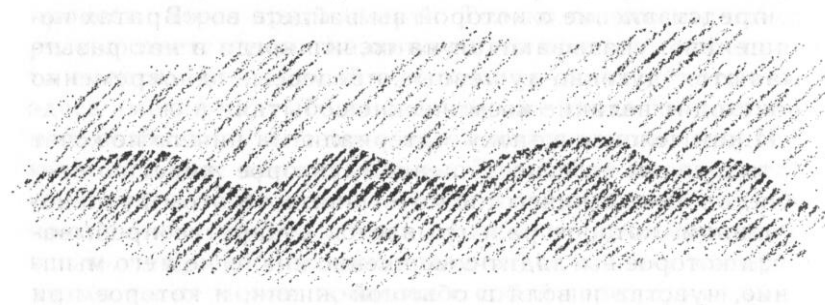
Вы получите понятие о человеческом развитии в течение жизни, если обдумаете сказанное здесь; вы получите представление о том, как человек развивается во времени как земной человек. Самопознание, поскольку мы привязаны к времени, было бы возможно только таким образом, чтобы мы ждали, пока не достигнем соответствующего возраста, чтобы понять то, что мы мыслили в другом, более раннем возрасте. Вся человеческая жизнь взаимосвязана. Если бы мы были только земными людьми, развивающимися во времени, то как личности мы ничего не могли бы молниеносно узнать о себе, нам пришлось бы ждать старости, чтобы узнать то, что произошло с нами в юности.

Это одна сторона человека, один поток человеческой жизни. В отношении этого потока человек целиком предоставлен времени он просто не может ничего делать, как только ждать, пока не созреет время. Но я уже обращал ваше внимание на следующее: то, как мы проживаем это в бытии майи, не исключается из человеческой жизни, исключается из человеческой жизни то, что мы рассматриваем разыгрывающимся во времени. Однако то, что мы говорим о временном течении человеческой жизни, является истинной действительностью. Ибо с тем, что мы обычно испытываем между рождением и смертью, я сказал вам, еще можно худо-бедно жить, оставаясь поверхностным, но с этим нельзя умереть. Ибо все то, что мы обычно знаем, чему мы научились от других, чему мы научились благодаря тому, что другие люди создали в ходе истории, короче говоря, все то, чему мы, как люди живущие во времени, научились каким-нибудь другим способом, кроме того, когда мы из старости оглядываемся на нашу юность, все это исчезает в смерти, все это, принадлежащее одному потоку, мы не можем пронести через врата смерти. Только то, что мы приобрели соответственно сказанному, мы проносим через врата смерти. Но не думайте, что вы не делаете того, что я здесь имею в виду! Те из вас, кто уже достигли преклонного возраста, уже сами в своем подсознании оглядываются на ранее прожитые годы. Здесь уже разыгрывается, хотя и в подсознании, то, что я охарактеризовал. Однако в эпоху материализма люди этого не замечают, но все то, чему человек может научиться в эпоху материализма, он не может пронести с собой через врата смерти. Для мира только то имеет значение, что вы проделываете так, что в старости постигаете то, что с вами происходило в юности, как с целым человеком. Это один поток.

Второй поток существует постольку, поскольку человек является не только телесно-душевым существом. Как телесно-душевное существо он осуществляет свое бытие во времени, как мы это показали выше. Но человек является также духовно-душевым существом. И благодаря своему духовно-душевному существу он принадлежит не только царству времени, как мы выше охарактеризовали, но как духовно-душевное существо он принадле-

жит также царству пребывания, вечности. Но это нечто совсем иное, чем ему кажется. Здесь нет у него никакого развития, здесь он остается одним и тем же существом от рождения до смерти. Но его мышление, чувства и воля представляют собой нечто совсем иное, чем то, чем они ему кажутся. Его мышление и часть его внутреннего чувства смещаются в космические регионы, где происходит борьба богов, как я это представил вам восемь дней тому назад, а также воля и часть внутреннего чувства смещаются в другие регионы, где также происходит борьба богов. Размышлять, сказал я вам, означает сместиться в определенный духовный регион и участвовать в борьбе одного вида богов с другим. Воить — также, означает участвовать в некоторой борьбе, хотя в том и другом случае эта борьба приходит к покою. Это глубокая истина, представление о которой вы найдете во «Вратах посвящения», указывающая на то, что когда в нас разыгрываются духовно-душевные процессы, одновременно происходят великие космические события.

И как человек в эпоху материализма ничего не хочет знать о своем телесно-душевном, которое живет во времени, он также ничего не хочет знать об этом духовно-душевном, которое разыгрывается в царстве пребывания, и которое выглядит совершенно иначе, чем его мышление, чувства и воля в обычной жизни, и которое при правильном рассмотрении разыгрывается как духовная борьба. Это звучит довольно парадоксально для материалистически мыслящего человека: когда вы обдумываете какую-нибудь мысль, это нечто совсем иное, чем если вы ее рассматриваете в майе. Допустим, вы обдумываете мысль, например, такую, о которой мы говорили вчера: мысль о пространстве — также в полной абстракции, как это принято сегодня мыслить о пространстве. В тот момент, когда ваш дух наполняет себя мыслью о пространстве, ваша душа перемещается в регион, где Ариман ведет ожесточенную борьбу с другими иерархиями. И вы не можете иметь пространственных мыслей, не сместившись в регион, где Ариман ведет борьбу с другими иерархиями. И когда вы разворачиваете свою волю, когда вы, например, говорите: я хочу прогуляться! — даже если это совсем незначительная воля, как только вы эту волю переводите в действие, вы духовно перемещаетесь в регион, где люциферические духи борются против духов других иерархий. Мировые явления, рассматриваемые с точки зрения науки инициации, представляют собой нечто совсем иное, чем тот их слабый отголосок, который люди, живущие в период между рождением и смертью, воспринимают в майе. Ибо то, что мы воспринимаем как майю, это можно сравнить с волнами на поверхности моря. Я вам вчера представил такой образ: волны на поверхности моря, это, в принципе, нечто, чего бы не было, если бы под ними не было моря, а над ними воздуха. Силы, вызывающие эти волны, находятся в море и в воздухе, и волны — это только отражение столкновения сил, действующих снизу и сверху. Так и наша жизнь в майе между рождением и смертью является не чем иным, как столкновением в этой борьбе духов, которая в действительности, когда мы мыслим, чувствуем и волим, разыгрывается в царстве пребывания, а также в том временном потоке, в котором мы находимся, когда в преклонном возрасте мы постигаем то, что мы выдумывали в юности. Наша жизнь, в сущности, ничто, если мы ее не рассматриваем как слияние обоих этих истинных действительностей.

За нашей жизнью стоит не только одностороннее течение жизни во времени, которое нас вынуждает ждать и ждать для того, чтобы понять то, что мы мыслили ранее, и не только процессы в пребывании, которые одинаково разыгрываются между рождением и смертью на протяжении всей нашей жизни, но мы сами находимся внутри действительности, и эта наша позиция внутри действительности представляется нам в виде ее отражения. Все наше отношение к миру представляется нам в его отражении. Для познания действительности всегда требуются усилия; оно не приходит к нам, если мы хотим просто оставаться пассивными. Познать истину — значит познавать себя стоящим в обоих потоках, о которых я говорил: в царстве времени и в царстве пребывания. И так, стоя в обоих этих царствах, мы предаемся жизни, которая в отношении истинных сил имеет такое же значение, как волнение на море в отношении штормового ветра и водных потоков, движущихся вверх и вниз, так проводим мы жизнь между смертью и рождением, а также между рождением и смертью. И проводя так жизнь, мы втянуты в действие определенных сил. Ибо всегда присутствуют силы, которые, с одной стороны, стремятся вырвать нас из обычной земной жизни, как она протекает в майе; и другие силы, которые стремятся вырвать нас из царства пребывания.

С одной стороны, — твердо усвоим это, — мы имеем наше течение жизни во времени, когда в постижении слишком поздно созреваем для того, что разыгрывается с нами постоянно. Есть силы, которые хотят, чтобы это происходило с нами, хотят ограничить нас таким человеческим бытием. Это означает: есть силы, которые хотят, чтобы наша жизнь действительно протекала так в майе, в земной жизни, чтобы мы ребенком испытывали то или иное, но ничего в этом не понимали, до двадцативосьмилетнего возраста вели сонную жизнь, затем начинали бы постепенно понимать одновременно нами испытываемое, и затем, перешагнув тридцатипятилетний возраст, начинали понимать более раннее. Есть силы, которые хотели бы нас сделать людьми, живущими только во времени, людьми, которые первую половину своей жизни находились бы в растительном, спящем состоянии, и во второй половине своей жизни начинали, оглядываясь назад, понимать, что разыгрывалось во время этого сна.

Есть силы, которые человека в первой половине его жизни хотят превратить в грезящее существо, а во второй половине жизни превратить его в существо, которое вспоминает об этих грезах, и благодаря этому только во второй половине жизни приходит к самосознанию. Практически, если бы на нас действовали только эти силы, это привело бы к тому, что мы душевно рождались бы, только начиная с двадцативосьмилетнего возраста. До этого мы странствовали бы по земле как бы опьяненные сном.

Если бы все было так, как хотели бы эти существа, мы были бы оторваны от всего нашего космического прошлого. Ведь все наше сегодняшнее бытие основано на том, что в том смысле, как это описано в «Тайноведении», мы имеем за собой космическое прошлое; мы прошли через эпохи Сатурна, Солнца и Луны. По мере прохождения нами через эпохи Сатурна, Солнца и Луны, существа высших иерархий, — они имели особый интерес к тому, чтобы в Космосе появился человек, — существа, которые являются творцами человечества, развили нас и привели к земному бытию. В земном бытии мы соответственно одному из потоков являемся такими людьми, которых мы выше описали. Это силы, которые хотели бы формировать нас только как земных людей. Если бы они победили, то оторвали бы нас от нашего прошлого, связанного с Сатурном, Солнцем и Луной. Они законсервировали бы нас в земной жизни, сделали бы нас только земными людьми. К этому стремятся определенные силы. Это ариманические силы. Ариман стремится к тому, чтобы сделать нас людьми, живущими только во времени, он стремится нашу земную жизнь вырвать из нашего космического прошлого. Он стремится к тому, чтобы Землю сделать изолированным существом, а нас сделать совершенно земными.

Есть другие силы, которые стремятся к прямо противоположному. Они стремятся к тому, чтобы нас целиком оторвать от этой жизни во времени, наделить нас таким мышлением, чувствами и волей, которые целиком и полностью были бы взяты из региона пребывания. Эти существа стремятся к тому, чтобы с детства, без нашего участия, инспирировать нас неким квантом мышления, чувства и воли, и затем поддерживать его в течении всей жизни. Если бы они победили, то вся наша жизнь во времени усохла бы. Мы бы тогда в конечном итоге, даже очень скоро, — это давно бы произошло, если бы эти существа победили, — отбросили, сложили с себя физическую телесность, телесно-духовное существо, и стали бы чистыми духами. Но тем самым мы бы не выполнили нашу задачу, поскольку эта задача исходит от земного бытия. Мы были бы вырваны из земного бытия. Эти существа недовольны Землей, они ненавидят Землю, они хотели бы, чтобы Земли не было. Они хотели бы удалить человека с Земли, они хотели бы дать ему чистое бытие в царстве пребывания; они хотели бы очистить себя от всего, что протекает во времени, как я это описал. Это люциферические существа. Люциферические существа стремятся к прямо противоположному, чем ариманические существа. Ариманические существа пытаются человека со всем его земным бытием вырвать из его космического прошлого и законсервировать в земном. Люциферические существа стремятся отбросить Землю, отбросить от человека все земное и целиком и полностью спиритуализировать человека, так, чтобы на него не воздействовало ничего земного, так, чтобы он был свободен от земных сил. Они хотели бы видеть в нем только космическое существо, они хотели бы, чтобы Земля уклонилась от эволюции, чтобы она стала отверженной во Вселенной. Если Ариман хочет, чтобы Земля стала самостоятельной, чтобы она стала для людей целым миром, люциферические существа стремятся к тому, чтобы Землю отбросить, оторвать от человечества, и человечество увлечь в то царство, в котором находятся сами люциферические существа, в мире чистого пребывания. Чтобы достигнуть этого, люциферические существа постоянно пытаются интеллект человека сделать автоматическим, и они пытаются подавить в нас свободную волю. Если бы интеллект стал чисто автоматизированным, если бы свободная воля была подавлена, тогда бы мы с автоматическим интеллектом, не опираясь на нашу волю, но исходя из

воли богов, исполняли бы то, что нас обяжут. Мы бы стали чисто космическими существами. К этому стремятся люциферические духи. Они стремятся сделать нас в некотором смысле чистыми духами, такими, которые не имеют собственного интеллекта, но только космический интеллект, которые не имеют собственной воли, но у которых мышление и деяния протекают автоматически, как у иерархии Ангелов и во многих отношениях у иерархии самих люциферических существ, но в другом отношении. Чистыми духами хотят нас сделать люциферические существа; они хотят отбросить земную оболочку. Для этого они хотят преобразовать наш интеллект так, чтобы он стал целиком независимым от мозга, и в котором не было бы никакой свободной воли.

Существа, группирующиеся вокруг Аримана, ариманические существа, напротив, хотят именно обрабатывать человеческий интеллект, и обрабатывать его так, чтобы он попадал во все большую зависимость от всего земного бытия; и они хотят совершенно особым образом обработать человеческую волю, собственную волю человека: развить именно то, что хотят подавить люциферические существа. Ариманические существа или, лучше сказать, духи, служащие Ариману, как раз хотят образовать это в полном объеме. Это особенно важно учитывать. Человек вследствие этого стал бы совершенно самодостаточным существом. Хотя он был бы фантазером в своей юности, но он стал бы очень разумным в старости, и он многое понимал бы благодаря своему опыту; однако он не получал бы никаких откровений из духовного мира. Не будем это скрывать: все, благодаря чему мы в юности становимся умными, мы получаем только из откровения, собственный опыт выступает только в старости. И ариманические существа хотят ограничить нас этим собственным опытом. Мы были бы существами со свободной волей, но как духовно-душевные существа мы рождались бы, в лучшем случае, только с двадцативосьмилетнего возраста. Представьте себе теперь, мы, люди, стоим, собственно говоря, между этими двумя волевыми направлениями духовного мира. И задачей человека в некотором смысле является то, чтобы он, проходя в мире свой жизненный путь, не отклонялся ни в сторону Аримана, ни в сторону Люцифера, но поддерживал равновесие между обоими потоками.

Можно представить себе, насколько это все жутко выглядит даже в наше материалистическое время, когда люди слышат, что собственно разыгрывается в человеческой природе. Поскольку люди боялись этого, было так установлено в мире, что в древние времена божественные Учителя человечества сообщали сверхчувственное знание, чтобы люди непосредственно не стояли перед этой духовной борьбой. Тогда посвященные скрывали от внешнего мира перипетии этой духовной борьбы. Всегда были люди, которые знали об этой духовной борьбе, которая, собственно говоря, у каждого человека разыгрывается за сценой его жизни. Всегда были люди, которые были уверены в том, что жизнь — это прокладывание пути через борьбу, что жизнь несет в себе опасность. Но все более и более утверждалось также основоположение, что человек не должен приближаться к порогу духовного мира, не должен приближаться к Стражу Порога, чтобы — простите мне это тривиальное выражение, но оно подходит, — его не охватил ужас. Но минуло время, когда это было возможно. Затем в будущем развитии Земли наступят времена, когда произойдет разделение между детьми Люцифера и детьми Аримана, либо то, либо иное. Но знать, что происходит, и в этой ситуации сознательно вести

свою жизнь, сегодня является жизненной необходимостью, и это должно быть сказано в интересах будущего человечества, и должно быть понято. Голая наука умолчания в будущем прекратит свое существование.

Тот, кто сознательно хочет вести свою жизнь, должен в определенном отношении, я бы сказал, развивать космические ощущения. Что это значит, развивать космические ощущения? Это означает, что нужно научиться смотреть на мир несколько иначе, чем мы привыкли его рассматривать с точки зрения майи. Если с наукой инициации идти через мир, тогда появляются чувства, которых нет, когда мы живем просто в познании майи. Появляются чувства, которые обычный человек рассматривает не только как парадоксальные, но как глупые, как пустые фантазии, но которые находят свое обоснование в истинной действительности. Тот же, кто будучи оснащен наукой инициации видит человека, он видит его колеблющимся между двумя ощущениями. Ты, человек, — так мыслит он, — колеблешься между двумя возможностями: либо ты целиком останешься во временном потоке, минерализуешься, оцепенеешь, станешь просто земным человеком и потеряешь свое космическое прошлое; либо же растворишься в духе, станешь духовным автоматом, тогда ты не достигнешь цели человеческого бытия, станешь духом. Можно сказать: когда мы так рассматриваем человека, то перед нами как бы выступают два человека: один — которому грозит опасность окаменеть в своей форме, стать плотным и оцепеневшим в своей форме и срастись с Землей, и другой, которому угрожает опасность вытолкнуть из себя все, что склоняется к минерализации, к самооцепенению, стать совершенно мягким, медузообразным и наконец раствориться во Вселенной, как духовный автомат. Эти два существа предстают перед наблюдателем, оснащенным наукой посвящения, когда он видит человека. И охватывает, я бы сказал, страх, — простите мне, что я должен выбирать слова, которые есть в языке, это звучит несколько парадоксально, когда мы их применяем к царству действительности, — когда видишь людей, как они все внезапно выступают как те примечательные облики, которые иногда видны бывают в скалистых горах: всадник на коне, как бы высеченный из камня, или другие облики в горах, спящая дева и т. д., такими становятся люди, срастаясь с каменной породой Земли и продолжая жить как минеральные формы. Или они выталкивают из себя все, что ведет к минерализации, и становятся медузообразными: те органы, которые должны быть стянуты, могут набухать, уши могут стать гигантскими, охватывая шею, из плеч могут расти крылообразные органы, срастаясь со всем остальным; это все имеет мягкую консистенцию, как у морской медузы, но как бы распускаясь из собственной волновой формы.

И такие ощущения, я бы сказал, космические ощущения, мы получаем не только при виде людей, если мы с сознанием инициации подходим к вещам, но то, что мы получаем благодаря этому космическому ощущению, распространяется на все. Вы ведь заметили: тенденция к оцепенению, к окаменению исходит от Аримана; тенденция к расплыванию, к медузообразному становлению исходит от Люцифера. Это не ограничивается тем, что выступает в человеке, но распространяется на все, что выступает в абстракции. Научаются все прямолинейное видеть как ариманическое, а все криволинейное как люциферическое. Круг — это символический образ Люцифера, прямая — это символический образ Аримана. Мы рассматриваем человеческую голову: эта человеческая голова со своей тенденцией — это можно рассмотреть на скелете - к окаменению, к

окостенению, в форме, которую ей дает Земля, отвердевшая, — это ариманическое образование. Если бы силы, которые действуют в голове человека, действовали во всем человеке, человек принял бы облик Аримана, как это можно видеть там у нас вверху на групповой скульптуре, и он был бы целиком пронизан, можно сказать, силами головы, он имел бы целиком собственный интеллект, но эгоистический интеллект, и был бы целиком пронизан собственной волей, так что эта воля выражалась бы в самой его форме.

Но если мы рассмотрим другого человека, не головного, но человека конечностей в широком смысле слова, то мы получим следующее представление: если бы то, что действует в остальном человеке, действовало в целом человеке, то человек был бы образован так, как показано на скульптуре в группе Люцифера. И повсюду, что бы мы не наблюдали, жизнь природы или социальную жизнь, мы можем, оснащенные наукой инициации, повсюду видеть либо ариманическое, либо люциферическое. Мы должны воспринимать только это, ариманическое и люциферическое. И образовывать эти ощущения является необходимостью для дальнейшего развития человечества. Человек должен научиться чувствовать: люциферическое существо правит в мире. Это люциферическое существо правит также в совместной жизни людей. И это люциферическое существо прежде всего хотело бы все, что является в мире закономерностью, то, что у людей действует как закон, удалить из мира. Больше всего Люцифер ненавидит в совместной жизни людей все то, что происходит по закону.

Ариман хотел бы везде установить закон; Ариман хотел бы все подчинить закону. И совместная жизнь людей представляет собой сплетение ненависти Люцифера к закономерности и симпатии Аримана к закономерности; и невозможно понять эту жизнь, если ее не рассматривать дуалистически. Ариман живет во всем, что имеет внешнюю форму, что может оцепенеть. Люцифер — «люциферическое» — живет во всем, что бесформенно, что растворяет форму, что является текучим и подвижным. В жизни нужно научиться держать равновесие между стремящимся к оцепенению и растеканием.

Рассмотрите формы нашего здания: повсюду прямые переходят в дугообразное, повсюду ищется равновесие, повсюду видна попытка оцепеневшее растворить в жидком, повсюду в движении находится покой, но покой снова переходит в движение. Это суть совершенно духовное в нашем здании. Мы, как люди будущего, должны в искусстве и в жизни формировать нечто, опираясь на знание: здесь внизу Ариман, который хочет все привести к оцепенению, там вверху Люцифер, который все хочет растворить; но оба должны оставаться невидимыми, ибо в мире майи видны только барашки волн. И горе, если сами Ариман или Люцифер проникли бы в то, что хочет быть жизнью! Итак, наше здание представляет равновесное состояние во Вселенной, выделившееся из царства Аримана и царства Люцифера. Все это достигает высшей точки в центральной фигуре нашей группы, в Представителе Человечества, в котором должно раствориться люциферическое и ариманическое. И это все извлечено из того, что должно оставаться только духовным, и представлено в группе, где люциферическое и ариманическое находятся в равновесии и наглядно противопоставлены друг другу, чтобы люди учились это понимать.

Это перспектива, на которую сегодня нужно указать людям, чтобы люди научились понимать, как они должны находить равновесное состояние

между ариманическим и люциферическим. Ариманическое всегда ориентирует нас, я бы сказал, также и в душевно-духовном смысле, прямолинейно; люциферическое приводит нас в волновое или дугообразное движение и ведет нас к многообразию. Когда в нас действует односторонняя тенденция к монизму, стремление весь мир рассматривать как единство, это Ариман нашептывает нам в одно ухо; если мы становимся монадистами, односторонними монадистами, если мы мир объясняем состоящим только из атомов или монад, не пытаюсь привести это к единству, это нашептывает нам в другое ухо Люцифер. И для того, кто видит это, все представляется так, что когда монист спорит с плюралистом, с монадологом, то сам спорящий человек в этом не виноват; ибо за монистом стоит Ариман, который нашептывает ему все те прекрасные аргументы, всю логику, которую он приводит в обоснование своего монизма; и если он последователь Лейбница или в каком-нибудь другом стиле монадолог, то Люцифер нашептывает ему все те прекрасные аргументы, которые он использует для защиты своего множественного мировоззрения или обосновывает множественность духовных существ. Ибо то, что следует найти, это равновесное состояние, единство во множественности и множественность в единстве. Но это менее удобно, чем искать либо множественность, либо единство, как и вообще неудобно искать равновесное состояние, чем нечто, на чем можно покоиться как на мягком диване. Люди становятся либо скептиками, либо мистиками. Скептик чувствует себя свободным духом, который во всем может сомневаться, мистик чувствует себя исполненным божественного, он все с любовью познает внутри себя. В принципе, скептик — это только ученик Аримана, а мистик — это ученик Люцифера. Ибо то, что исходит от человечества, это равновесное состояние: мистическое переживание в скепсисе, скепсис в мистическом переживании. Дело не в том, кто это, Монтень или Августин, но в том, чтобы Августином осветить то, что является Монтенем, и посредством Монтеня осветить то, что является Августином. Односторонность вовлекает человека в тот или иной поток.

Что же такое, собственно говоря, люциферическое? Люциферическое, собственно говоря, направлено на то, чтобы сделать нас безголовыми, отнять у нас собственный интеллект и свободную волю; и люциферические духи, люциферический элемент, хотят, собственно, чтобы мы умирали уже в двадцать восемь лет, они не хотят, чтобы мы становились старше. Вообще лучше говорить «люциферические духи», но «Ариман», поскольку хотя есть группа его последователей, сам Ариман представляет себя как единство, поскольку он стремится к единству, а люциферический элемент представляет себя как множественность, поскольку он стремится к многообразию; поэтому говорят о них так, как я это неоднократно делал сегодня в этой лекции. И если бы мы целиком следовали за Люцифером, за люциферическими духами, то мы были бы как дети, юноши и девушки, мы имели бы хорошие знания о пребывающем, но примерно в двадцативосьмилетнем возрасте получали склероз и вскоре после этого глупели, чтобы то, что мы могли бы развить как человеческое понимание, было вытолкнуто как склероз, и то, что мы восприняли в юности, было бы духовно автоматизировано. Люциферические духи хотели бы нас сейчас же забрать в духовный мир, чтобы мы не проходили стадии развития Юпитера, Венеры и Вулкана, прежде чем мы станем космическими существами. Они не считают это необходимым; они стремятся удалить человека от Земли и привести его к божественно-духовным целям с тем, что он уже развил в эпохи Сатурна, Солнца и Луны. Это поток, который хочет по возможности ускорить

развитие человека. Люциферические существа хотели бы ворваться туда с нами, и как можно скорее ввести нас в космическое сообщество существ. Ариманические духи хотели бы уничтожить наше прошлое и нас с Землей привести к исходному пункту, хотели бы удалить наше прошлое, законсервировать нас на Земле и затем сдвинуть нас туда, где мы были бы как существа Сатурна. Это движение вспять, попятное движение. В конечном итоге, жизнь состоит из этого ускоренного движения и попятного движения, и должно быть найдено равновесное состояние между обоими.

Вы не говорите, что эти вещи слишком сложны, ибо не в этом дело. Я говорил вам вчера, какие пространственные и временные переживания имели люди в древние времена, как они конкретно испытывали пространство, как они конкретно испытывали время. То, что мы испытываем абстрактно, они испытывали конкретно. Мы должны научиться так рассматривать окружающий мир, чтобы повсюду видеть в равновесии это взаимодействие застывания и растворения, убегания и возвращения, прямолинейности и искривления. Можно просто спать, глядя на мир. Но если смотреть на него бодрствуя, то видишь, как всем его существам грозит опасность оцепенения или растворения, если они выпадают из равновесия. Мы должны развить это чувство, чтобы в будущем человечество испытывало его так же живо, как в прошлом человечество испытывало чувства пространства и времени.

При рассматривании нашей группы могут возникнуть различные ощущения. В центре мы видим Представителя Человечества с его линиями, поверхностями и формами, где сглажено все люциферическое и ариманическое. Есть формы, но насколько это возможно, в человеческом облике уничтожено все люциферическое и ариманическое. Можно почувствовать Люцифера и Аримана в их формах. Можно ощутить эти противоположности центрального человека, Люцифера и Аримана, можно, руководствуясь этим чувством, идти через мир: и можно повсюду в мире найти то, что соответствует этому чувству. И тот, кто усвоит то, что живет в этом чувстве, которое можно развить, созерцая тройственность, тот очень многое усвоит для рассмотрения жизни. Мы многое откроем для себя в мире, если будем рассматривать его в смысле того чувства тройственности: центральный человек, Ариман, Люцифер. И как древнему пространственному чувству открывалась троичность, временному чувству открывалось единство божественного, так человечеству будущего откроются высшие мировые тайны, если оно будет в состоянии конкретно постигать цепенеющее и летучее, убегающее и возвращающееся, прямолинейное и криволинейное, любящее закономерность и ненавидящее закономерность и т. д. Повсюду в жизни познавать колеблющееся состояние — это и есть то, что требуется. Ибо жизнь невозможна без такого колеблющегося состояния. Вы можете, имея часы с маятником, хотеть прекратить колебания, остановить маятник; но тогда вы не сможете пользоваться часами; чтобы они показывали время, маятник должен качаться. Так и в жизни должно быть это качание маятника. Это нужно замечать повсюду. Далее об этом мы будем говорить завтра.

ЛЕКЦИЯ ДЕВЯТАЯ

Дорнах, 22 сентября 1918 г.

Если мы теперь представим себе, что следует не из отдельных частных, но из общего духа прочитанных здесь лекций, к примеру, из

вчерашней, то мы можем сказать: это то, что требует культура, призванная в будущем сменить нашу, чтобы люди глубже всматривались в истинную действительность, и чтобы прежде всего такие лозунги, такие теории как монизм, идеализм, реализм и т. д. перестали употребляться, и чтобы человек увидел, что майя, действительность внешних явлений, которая окружает нас, является слиянием действительности двух миров, и мы можем сказать, двух миров, которые находятся в борьбе между собой. Смотреть на действительность означает нечто совсем иное, чем только теоретически, как это делает, например, сегодняшнее естествознание, проследить то, что окружает нас в мире явлений, в мире феноменов.

Теперь, чтобы практически обсудить это положение, давайте рассмотрим конкретный пример. Не правда ли, никто не сомневается в том, что материалистическое мировоззрение, то материалистическое мировоззрение, которое особенно с шестидесятых-семидесятых годов прошлого столетия распространилось среди цивилизованных народов, и также материалистический образ жизни, вытекающий из представлений материалистического мировоззрения, воздействуя на людей, сделало их материалистами. Естественно, многие думают, если рассматривают мир соответственно явлениям, что происходит то, что выглядит как внешнее осуществление идей, которые сидят в голове человека. Но это не так. Если рассмотреть в действительности последовательность форм, то окажется, что совершенно не согласуется с наблюдаемым то, что мир каким-то образом управляется идеями, которые сидят в голове человека. И только тогда понимают, что это не согласуется с действительностью, когда видят, что человек по форме, как это мы показали, имеет двойственную природу, и что в нем действительно характерным образом постоянно переплетаются ариманическое и люциферическое. И только в силу этого возможно следующее конкретное явление. Представьте себе, что довольно длительное время какая-то эпоха предается материалистическим представлениям, как это мы наблюдаем в наше время. Под воздействием этих представлений в сознательной воле также развивается материалистический образ жизни. Но следствия этого не проявляются в той части человеческой природы, которая является носителем сознательной жизни. Этот носитель сознательной жизни вначале не оказывает глубокого влияния на человеческую жизнь, как ему приписывает это поверхностное воззрение; но действие происходит в бессознательном, так что схематично вы можете это себе представить так: в сознательной головной природе человека живет материализм, и подсознательное — это та природа, которая претерпевает метаморфозу, когда мы проходим через врата смерти и переходим в следующую земную инкарнацию, которую мы, однако, носим сейчас в себе, как незавершенное образование, — эта, скажем мы, нижняя природа человека является носителем бессознательной душевной жизни, и эта бессознательная душевная жизнь примечательным образом под влиянием материализма становится все более и более спиритуальной. Так что вы можете представить себе следующее. Если вы слишком углубляетесь в силовые и вещественные представления, и только о них думаете, и если вы свою жизнь строите так, что можете сказать: мы едим и пьем и потом со смертью превращаемся в ничто — и все отдельные деяния выполняете в этом стиле, то материализм действительно переходит в ваш образ жизни, и ваша нижняя природа тогда становится все более и более спиритуальной.

Но эта нижняя природа, которая становится все более и более спиритуальной, требует, чтобы нечто на нее воздействовало; свой путь в

мировом развитии она не может проходить в одиночестве. И следствием этого является то, что поскольку в голове, в верхней природе человека, наличествуют только материалистические представления и материалистические симпатии, эта верхняя природа не может воздействовать на нижнюю природу человека, и поэтому нижняя природа человека, из-за слабости верхней природы, подвергается другим воздействиям: она подвергается воздействию люциферического принципа. Люциферический принцип, как я сказал вчера, не изживается в чувственной действительности; люциферические существа — это духовные существа. Они вступают в нижнюю природу человека, если она под влиянием материализма становится все более и более спиритуальной, и также вследствие материализма человек не оказывает никакого влияния на нижнюю природу. И перед нашей душой встает парадоксальная истина, что материалистическая эпоха в действительности подготавливает приход спиритуальной, но люциферической культуры.

Рассмотрим также обратный случай, представим себе, что человек захвачен не пронизанной спиритуализмом, но чисто держащейся традиции церковной истиной. Родственным такой церковной истине является абстрактный идеализм, который особенно в моральном плане выдвигает только абстрактные идеалы, но не имеет понятия о том, как эти идеалы образуются; ибо какими бы прекрасными ни были эти идеалы, они никуда не годятся, если мы не знаем, каким путем эти идеалы могут стать силами. Следствием чисто религиозных и чисто идеалистических представлений может быть то, что нижняя природа человека будет все более и более материальной. Если материалистические представления способствуют спиритуализму в нижней природе человека, то чисто церковное, без спиритуального влияния, традиционно построенное воззрение или абстрактный идеализм, делает нижнюю природу человека все более и более материальной. Можно сказать, типичным для этого материального становления нижней природы человека посредством традиционно-церковного, абстрактно-церковного, простите, что я употребляю такое резкое сравнение, является образ толстого попа, который придерживается именно традиционно-церковного образа представлений и при этом все более и более нагуливает свой животик. Это только сравнение, а не факт и не закон, который я имею в виду; я хочу только сделать его наглядным, но это соответствует действительности, лежащей в основе вещей. И здесь снова это материальное становление нижней человеческой природы не находит себе подпитки, если голова занята только традиционными или абстрактно-идеалистическими представлениями. Поэтому человечество, которое развивает такую культуру, преимущественно попадает под влияние не своей собственной головной природы, но под ариманическое влияние. Так что мы должны сказать: абстрактно-религиозное, абстрактно-идеалистическое в сущности ведет к материализму, тогда как, наоборот, материалистические представления ведут к спиритуализму, а именно, к люциферически ориентированному спиритуализму.

Все эти вещи основаны, в принципе, на том, что истинная действительность устроена совсем иначе, чем внешняя кажущаяся действительность. Но здесь нужно указать на то, что необходимо истинную действительность, ее существо, познавать соответственно ее закономерностям, и особенно социальная наука, наука о совместной жизни людей и об исторической жизни человечества всегда должна быть пронизана такой

духовной наукой, которая, как показано мной в этих лекциях, действительно строит мост между природным и духовным порядком, реальный мост, не абстрактный, который строит монизм. Но для этого необходимо, чтобы определенные законы, которые со стороны посвященных (но неправильно мыслящих для современных условий посвященных) утаиваются от общего сознания человечества, нужно чтобы эти законы истинной действительности все более и более становились известными.

Один из таких законов вы можете следующим образом поставить перед душой. Если вы прослеживали действительный смысл моего «Тайноведения», то вы знаете, когда, собственно говоря, в земном смысле появилось на Земле то, что мы называем современным человечеством. Это человечество, как я говорил вчера, имеет космическую предысторию, историю Сатурна, Солнца и Луны, но земная история была сначала повторением, и земное человечество появилось только в совершенно определенное время. И если вы перечитаете мое «Тайноведение», то вы найдете, что человечество появилось в то время, когда на Земле ясно и отчетливо произошло становление минерального царства. Ибо вы знаете: то, что мы теперь называем минеральным царством, не существовало в таком же виде в эпохи Сатурна, Солнца и Луны. Существовали три предшествующие минеральному царству элементарных царства. Минеральное царство появилось только в ходе земного развития, и одновременно с этим макрокосмическим фактом образования минерального царства, в земное развитие вступил человек в его современной форме, в форме своего сегодняшнего тела. И хотя этот телесный облик полностью сформировался только с течением времени, начало ему было положено одновременно с вступлением в земное развитие минерального царства. Так что человек, в определенном смысле став земным человеком, установил связь между четвертым членом своего существа, которое потом преобразовалось в его «я», и минеральным царством. Можно также сказать, что в человеческом микрокосмосе «я» соответствует макрокосмическому минеральному царству.

Но мы знаем, — это дает нам простое поверхностное созерцание природы, — что космическое минеральное царство формируется кристаллически. Наши школьники также должны изучать на занятиях различные кристаллические формы, которые принимает тот или иной минерал: октаэдр, куб и т. д. Когда мы рассматриваем принимающие геометрические формы облики минерального царства, то мы, в сущности, видим перед собой исконные формы минерального царства. Эти кристаллические формы в определенном смысле являются врожденными для минерального царства, это его исконные формы. И Земля с влечением минерального царства в свое космическое развитие тотчас приняла тенденцию кристаллизовать свои минеральные вещества, кристаллизовать в формы, в которые кристаллизовано также минеральное царство.

Но есть противоположный полюс, полярная противоположность этой форме минерального царства. Как она себя ведет, я попрошу вас представить себе, используя следующий образ. Посредством образа мы попытаемся приблизиться к важному жизненному факту. Не правда ли, вам знакомо очень известное явление растворения какой-нибудь субстанции. Вы знаете, что если вы бросите щепотку соли в некоторое количество воды, то вода способна полностью растворить эту соль так, что соль в своем твердом состоянии больше не будет присутствовать, она растворится в воде. Вы

знаете также, что для определенных целей практической жизни твердая соль непригодна, эту твердую соль нужно растворить в жидкости. Но то, что в земном развитии имеет тенденцию к кристаллизации в минеральные формы, также не должно оставаться связанным с Землей, как для практических нужд соль не должна оставаться в твердой форме. Повариха должна быть в состоянии эту твердую форму соли перевести в форму раствора; она должна использовать растворяющие средства, иначе соль нельзя будет использовать. Точно также в Космосе должна быть растворена тенденция Земли к минеральной кристаллизации. Это означает, что должна быть противоположная тенденция, полярно противоположная тенденция, которая, если нужно, чтобы Земля достигла цели своего развития, чтобы она могла перейти в следующую форму, форму Юпитера, должна растворить эту тенденцию к кристаллизации, устранить ее, уничтожить. Юпитер не должен более иметь склонности кристаллизовать минеральные субстанции. Эта тенденция к кристаллизации должна сохраняться только для особых земных тел, и эта тенденция к кристаллизации должна быть устранена, как только Земля достигнет цели своего земного развития.

Итак, полярной противоположностью тенденции кристаллизации является та другая тенденция, которая присуща человеческой форме — не животной форме. И каждый труп, который мы в какой-нибудь форме оставляем земной планете, посредством погребения или сжигая его, или обходясь с ним как-нибудь иначе, каждый труп, в котором человеческая форма еще действует как голая минеральная форма, каждый труп, который оставлен своим душевно-духовным существом, действует противоположно минеральной тенденции к кристаллизации, подобно тому, как отрицательное электричество противодействует положительному электричеству, тьма противодействует свету. И в конце земного развития все эти преданные в ходе этого развития Земле человеческие формы, — я говорю человеческие формы, ибо в форме человека заложена силовая тенденция, и мы имеем в виду силы, а не субстанции, — эти человеческие формы должны космически растворить тенденцию к минерализации, минеральную тенденцию к кристаллизации.

Вы видите, что мы снова здесь пришли к пункту, где нам нужно проложить мост между двумя мировыми потоками, который не может быть построен средствами естествознания. Ибо естествознание исследует то, что происходит после смерти с человеческой формой, чисто минералогически; оно применяет только минералогические законы; оно ищет только то, что лежит в тенденции к кристаллизации Земли, и также рассматривает трупы. Вследствие этого оно никогда не сможет понять, какую роль в общем хозяйстве Земли играют трупы людей, мертвые человеческие тела, их форма. Земля уже существенно изменилась с лемурийских времен, этим мы обязаны растворившимся формам человеческих тел. И когда Земля достигнет своей цели, то она уже не будет содержать никакой кристаллизационной тенденции. Переданные Земле человеческие формы действуют как полярная противоположность и растворяют кристаллизацию. В первом случае, событие человеческой смерти рассматривается как чисто физическое явление в общем хозяйстве мирового устройства. Во втором, — перебрасывается мост между явлениями, которые, как явление смерти, были бы совсем непонятны в общем мировом хозяйстве, и теми явлениями, которые описывает сегодня естествознание. И очень важно, чтобы все более и более образовывались также такие воззрения, которые могут быть

найжены, исходя из сегодняшнего естествознания. Но есть один факт, к которому естествознание с его сегодняшними методами не может подступиться. Естествознание с его сегодняшними методами необходимым образом должно оставаться неполным, и поэтому не может постигать всю совокупность жизненных явлений в целом. Поэтому это естествознание должно быть дополнено духовной наукой.

И если познать такие всеобщие законы, как, например, следующий: посредством предания Земле человеческих форм растворяется тенденция к кристаллизации Земли, — если познавать такие законы, то эти законы подготовят человеческий дух к тому, чтобы глубже проникнуть в действительность относительно духовного развития. Тот, кто мыслит и исследует только в смысле сегодняшнего естествознания, тот не сможет перебросить мост между естествознанием и социальными и политическими науками. Но тот, кто знает великие, полученные средствами духовной науки законы, которые так относятся к величию природы, как я здесь показал, тот найдет возможность пройти через мост, который ведет от естествознания к наукам о человеке, прежде всего относящимся к исторической и политической жизни человечества. Естествоиспытатель сегодня вовсе не стесняется говорить о полярности в природе. Он различает два вида магнетизма, северный и южный магнетизмы; он различает два электричества, положительное и отрицательное электричества. И если бы естествознание более руководствовалось правильным путем, проложенным гётевским мировоззрением, тогда естествознание содержало бы в себе больше гётеанизма, нежели сегодня, когда оно его почти не имеет совсем. Тогда бы закон полярности во всей природе познавался как основной закон, как он, в принципе, уже фигурировал в древних мистериях и в атавистических исследованиях. В древних мистериях все строилось на полярности мира. В самом естествознании, т. е. в познании природного порядка, исследователи не стесняются сегодня признавать полярность; но в человеческом порядке, в духовном порядке они не хотят признавать полярность. И все же то, что мы называем люциферическим и ариманическим в отношении духовного порядка, в который включен также человек, полностью соответствует тому, что в естествознании называют, например, северным и южным магнетизмом или положительным и отрицательным электричеством. Никогда не смогут правильно согласовать дух и природу, если в духовном порядке не будут рассматривать конкретную полярность между ариманическим и люциферическим. Ибо не в абстрактных понятиях, которые просто переносятся с природы на духовное, может быть найдена истинная действительность, но благодаря углублению в сам дух, где находится соответствующая духу полярность.

Так же нужно обходиться и с другими природными фактами. Нельзя просто изучить природные факты и затем сказать: эти природные факты мы положим в основу духовного порядка, духовного мировоззрения. Из этого ничего не выйдет. Если мы хотим духовную жизнь изучать в ее действительности, если мы хотим также постигать те явления в жизни, в которых действует дух, Иногда мы должны решиться изучать сам духовный порядок. Как и то, что в какую-нибудь эпоху разыгрывается в человеческих душах и человеческих деяниях, невозможно объяснить естественнонаучным путем, но можно понять в действительности, если объяснить это с духовнонаучной точки зрения.

Если мы хотим рассмотреть, например, определенные явления современной культуры, то мы должны это делать так, чтобы определить, в какой мере в этой современной культуре действует люциферическое, и в какой ариманическое. Эту попытку я сделал в 1914 году, перед началом катастрофы, в лекциях «Внутреннее существо человека и жизнь между смертью и новым рождением», в одном из циклов, который я читал в Вене перед началом войны. И я хотел бы указать на важнейшие места, в которых излагается существенное из того, что разыгрывается в наше время. Там я сказал: эта духовная наука потому вступает сейчас в мир, что человеческое развитие делает это необходимым, что проникновение духовных миров и их условий бытия в человеческую душу все более и более изживается, вначале инстинктивно, затем сознательно. Я хочу вам сообщить только чисто внешние факты, чтобы вы увидели, что мы все более и более приходим к тому, что жизнь на физическом плане может быть понята в своем истинном облике только благодаря тому, что мы постигаем законы духовного бытия, чисто внешние факты, но которые чрезвычайно важны. Если мы взглянем на природу, то увидим примечательную картину, что всегда используется только малая часть семян для того, чтобы воспроизвести подобную жизнь, но огромное количество семян погибает. Мы видим в море огромную массу рыбьих икринок. Только малая часть их становится рыбами, другие погибают. Мы видим в поле огромное количество семян злаковых. Только некоторые становятся злаками, другие погибают как зерна, когда их используют в пищу людям и для других целей. Гораздо больше должно быть произведено в природе, чем требуется для того, чтобы в равномерно протекающем потоке бытия это могло стать действительным плодом и снова прорасти. Это хорошо устроено в природе, ибо во внешней природе господствуют порядок и необходимость, и то, что уклоняется от своего, принадлежащего ему самому, основанного на самом себе потока бытия и плодоношения, становится на службу другому потоку бытия. Существа не могли бы жить, если бы плодоносили все семена и каждое завершало бы свое развитие. Должны быть семена, которые используются для того, чтобы, так сказать, создать почву, из которой смогут вырастать существа. Создается иллюзия майи, что нечто теряется, в действительности же в природе ничего не теряется. В этой природе господствует дух, и то, что, кажется, теряется для непрерывного потока развития, находит свое обоснование в мудрости духа. Это духовный закон, и мы должны этот вопрос рассматривать с точки зрения духа. Затем мы придем к тому, насколько хорошо обосновано то, что, кажется, выпадает из непрерывного потока мировых явлений. Есть духовное обоснование; поэтому, поскольку мы ведем духовную жизнь, это может иметь значение также на физическом плане.

Мои дорогие друзья, возьмите один близко касающийся нас конкретный случай: нам нужно читать публичные лекции о духовной науке. Мы должны читать их публично, которая просто собралась по объявлению. Здесь происходит нечто подобное тому, что происходит с зернами злаковых, которые частично включаются в непрерывный поток бытия. Не следует пугаться того, что поначалу кажется, что многие люди должны вступить в поток спиритуальной жизни, но только очень малое их число выделяется и действительно вступает в спиритуальную жизнь, они становятся антропософами и движутся дальше в этом непрерывном потоке. В этой области дело обстоит так, что эти рассеянные семена проникают во многих,

которые, например, уходят после этой лекции со словами: «Что за чушь болтает этот парень!». При непосредственном наблюдении внешней жизни это выглядит, скажем мы, подобно икринкам, теряющимся в море; но глубокое исследование показывает, что это не так. Души, которые привела сюда карма, которые уходят со словами: «Что за чушь болтает этот парень!», — они еще не созрели для того, чтобы воспринять истину духа, но в их душах имеется в нынешней инкарнации то, что позволяет им почувствовать силу, заложенную в духовной науке. И это остается в их душах, они могут еще это ругать, но это остается в их душах для следующей инкарнации, и тогда семена оказываются не потерянными, но находят свой путь. Бытие в отношении духовного подчиняется одним и тем же законам, прослеживаем ли мы это духовное в природе или в случае, подобном приведенному выше.

Но представим себе теперь, что мы хотим перенести это на внешнюю материальную жизнь, и хотим сказать: во внешней жизни дело обстоит так же. Да, мои дорогие друзья, происходит то, что я описал, и мы вживаемся в будущее, где это будет проявляться все больше и больше! Все более и более производят наугад, открывают фабрики, не спрашивая: сколько нужно произвести? — как это было некогда, когда портной в деревне шил костюм только тогда, когда его закажут. Здесь был потребитель, который определял, сколько нужно произвести, сейчас же производят на рынок, товара производится так много, как это возможно. Производство целиком работает по принципу, по которому творит природа. Природа как бы продолжается в социальном порядке. И здесь все более наблюдается перепроизводство. Но здесь мы вступаем в область материального. Во внешней жизни духовный закон, поскольку он справедлив для духовного мира, не находит применения, и происходит нечто примечательное. Поскольку мы находимся среди своих, мы ведь можем говорить такие вещи. Мир, естественно, в этом нас не поймет.

Итак, сегодня производство работает на рынок, без оглядки на потребителя, не в смысле того, что я говорил в моей статье «Духовная наука и социальный вопрос», но продукция скапливается на складах, и затем ожидают, сколько будет куплено. Эта тенденция будет все нарастать, пока она — в ходе дальнейшего изложения вы поймете, почему — не упразднит самое себя.

В этом предложении заключена важнейшая современная так называемая причина войны; но она исходит из духовной жизни.

«Она возникает оттого, что такой вид производства в социальной жизни, в социальных взаимоотношениях людей на Земле представляет собой то же самое, что возникает в организме, когда в нем образуется рак. Совершенно подобным образом возникает рак образования, рак культуры! Те, кто духовно наблюдают социальную жизнь, видят эти раковые образования, они видят, как повсюду прорастают эти ужасные социальные опухолевые образования. Это вызывает большое беспокойство у тех, кто наблюдает это бытие в области культуры. Это ужасное зрелище подавляет, и даже тогда, когда оно действует так, что может подавить всякий энтузиазм в отношении духовной науки, если это можно подавить, заставляют искать лечебные средства для того, что с такой скоростью приближается и что внутренне становится все сильнее и сильнее. То, что в своей области должно служить распространению духовной истины в сфере, которая творит как природа,

становится раковым образованием, когда описанным образом вступает в область культуры.»

Ранее вы найдете в этой лекции обсуждение того, что касается люциферического и ариманического. Но вы можете видеть из этой лекции, что к познанию действительности в отношении социальных раковых образований мы придем только в том случае, если не просто будем сравнивать социальную жизнь с природными фактами, но если, исходя из ариманического и люциферического, мы сможем найти тенденцию, которая действует в современном социальном порядке, найти ее в соответствии с действительностью. То, что происходит в социальном образовании, следует искать духовным путем. И если это искать материалистическим путем, то невозможно придти ни к чему другому, кроме как к аналогии, к сравнению социальных явлений с абстрактными природными фактами.

Я тогда говорил, что в современном общественном устройстве существует некоторое количество раковых опухолей, — я читал лекции об этом с 9 по 14 апреля 1914 года, — это было как бы обобщением того, что, в принципе, в ходе нашего антропософского развития излагалось мной в различных формах, чтобы человечество подготовить к моменту, когда для социальной раковой опухоли наступит особенно критический момент, — 1914 год!

Но теперь появилась книга, сама по себе бесполезная, глупая книга, она вышла в 1918 году в издательстве Макса Рашера в Цюрихе: название книги «Weltmutation», ее автор С. Н. Меган. Я вам прочту некоторые места из этой книги, — автор которой целиком сосредоточил свой интеллект на голом рассмотрении хозяйственных фактов, — которая поэтому в отличие от тех лекций о внутреннем существе человека, помогающих понять действительность, уводит от истинной действительности, направляет мышление на ложный путь. Но я вам процитирую отдельные места из этой книги. В ней ведь сделана попытка посредством аналогий, посредством сравнения с природными фактами постигнуть ход развития европейской и американской цивилизации. В то время как в моих лекциях содержится истина о 1914 годе, здесь вы найдете абстрактные монистические сравнения, голые аналогии, которые ничего не значат, ибо если говорить о голых природных фактах, и затем указать на то, что нечто похожее есть и в социальном порядке, ничего не понимая в социальном порядке, но только указывая на него посредством аналогий, то понимание будет скорее затемняться, чем просветляться. Но что при этом происходит? Там показано, как постепенно в западной культурной жизни уже с античных времен было заложено зерно распада, которое внутренне разъедает цивилизацию. И такое *apercu* выразилось в следующих словах:

«Эти болезненные изменения начались в первоначально расцветающих городах эпохи Ренессанса, в еще чисто производственных городах-республиках нарождающейся буржуазии, когда их гигантские клетки были поражены раком, и они должны были стать аппаратом для питания раковых клеток ...»

Становление этой организации из структуры современного города шло одновременно с преобразованием производственной ткани, которую вообще нельзя рассматривать как принадлежащую своей собственной жизни.»

Он называет цивилизацию производственной тканью, т. е. он рассматривает природные факты, а не действительные духовные факты.

«Ибо при нормальных условиях образовавшиеся в теле чужеродные элементы не могут придти к соприкосновению друг с другом без того, чтобы не вызвать воспаление, — как в начале такого воспаления происходит столкновение солдат феодала с горожанами (вспомним сигнал колокола, который собирает горожан на собрание!) — нормальным было бы полное выталкивание ядовитого элемента. Но в тот момент, когда оба элемента, раковая клетка и работающая ткань уже могут выносить друг друга без воспаления, возникает нечто аномальное, аномальность, которая может существовать только при патологических условиях.

Такие аномальности возникают повсюду в организме, где опухоли, нарывы, нагноения, короче говоря, чужеродные элементы так вплетаются в организм, что не происходит никакого воспаления. Ткани, которые здесь образуются, это деформации, которые после лечения ни для чего больше не пригодны в организме. Однако во время болезни они служат для защиты организма, они представляют собой устройство, которое делает яды болезни безвредными для тела, хотя это образование гипертрофически разрастается и само по себе может стать тяжелым болезненным явлением.

Так и современный город является деформацией полноценной, работающей жизни, но при становлении которой все ткани должны совместно работать для собственной защиты, чтобы тем самым парализовать зло, и предотвратить разъедающее ядовитое воздействие. Соответственно этому, город возникает как обособленная структура, которая хотя и вплетена в производительную жизнь, но сама никогда не становится структурой, аппаратом производства. Система всего современного народного хозяйства также образуется обособленно, наряду с городом ...

Непосредственное отношение к ядовитым клеткам имеют богатейшие, которые для оборота своих товаров нуждаются в основательной охране. Поэтому они более усердно — как у богатейших у них для этого больше возможностей — поставляют горожанину повышенное питание; нужны ему деньги, они ему будут предоставлены; если он хочет чего-то достигнуть в городе, то он обращается к патрициям, причем в интересах последних лежит то, чтобы усиливались власти города, в то время как те, товарообмен которых лежит за пределами стен города, испытывают постоянную естественную неприязнь (физиологически: негативное хемотактическое действие) к горожанину. Они терпят его, собственно говоря, только поскольку он находится под защитой стен. Токсичное воздействие, т. е. ядовитое воздействие, больше уже не изменяет индивидуальность патрициев — или очень, очень редко они сами принадлежат к воинствующему дворянству — они уже более принадлежат к совершенно антитоксичной, работающей ткани. Их богатство возникло из нее и связано с ней: но оно оказывает токсичное влияние, но не на индивидуума, а на протоплазму,» — а под протоплазмой понимается имущество! — «и на имущество».

«Если раньше имущество еще не использовалось для того, чтобы функционировать как капитал, но служило только жизненным резервом и обеспечивало благополучие, его роль теперь изменилась: имущество начало себя связывать с производственным процессом».

В этом месте я прошу вас вспомнить, что в 1908 году в уже вышедших из печати лекциях в Нюрнберге, я обратил внимание на то, как в современной хозяйственной жизни постепенно угасает непосредственное

персональное влияние, и начинают работать деньги, т. е. капитал как таковой. Я сказал, что все более и более в современном социальном организме под ариманическим влиянием работа идет так, что вскоре одни оказываются внизу, другие наверху. От личности ничего больше не зависит, но хозяйствуют деньги как таковые, и человек то поднимается, то опускается. Акции, накопление капитала и его противоположность, кредитование, эта безличная и антиличная сущность представляет собой то, что как ариманическое противодействие Самодуху должно развиваться для будущего социального порядка.

Это все содержится здесь в этой книге, сказанное в ариманической форме. Но возникает опасность, что поскольку на каждой странице даются пространные ссылки на естествознание, все это может вызвать огромное уважение. Спустя годы после того, как на действительность было указано средствами духовнонаучных исследований, появляется описанный теми же словами, в отношении тех же явлений, этот ариманически искаженный образ духовной науки. Это будет импонировать людям несмотря на то, что он их соблазняет и искушает, поскольку никогда нельзя придти к пониманию действительности, если не перебросить мост между чисто внешними, естественнонаучными фактами, о которых здесь идет речь, и чисто духовнонаучными процессами, которые могут быть найдены только средствами духовной науки. Но наверняка случится так, что это и многое другое, о чем я говорил в докладах, будет воспринято как истинная наука, тогда как научность духовной науки, несомненно, в ближайшее время будет оспариваться так интенсивно, как, вероятно, вы себе и представить не можете.

Эти вещи нужно тщательно рассмотреть. Их тем более нужно тщательно рассматривать, что они лежат именно в поле кажущейся внешней реальности. Для понимания этих фактов требуется добрая воля — действительно проводить духовнонаучные исследования разумно, не теряя здравого человеческого рассудка.

Противоположные потоки, полярности, должны удерживаться в равновесии. Но этого можно достичь только, если постоянно в земные явления будут притекать новые потоки, исходящие непосредственно из духовного мира, т. е. если все новые и новые мировые факты будут открываться из духа.

Однажды в Риме ко мне притащился один иезуит, и мне пришлось вести с ним беседу на эту тему, хотя я знал, что это бесполезно и только пустая трата времени, но для этого были свои причины; также и здесь нужно смотреть на истинную действительность, а не на внешнюю видимость. Я попытался объяснить иезуиту, что он, во-первых, сам получает откровение сверхчувственного в ходе Мистерии Голгофы и того, что потом произошло, через инспирированных евангелистов, и что католическая церковь, которой он принадлежит как иезуит, *имеет в виду* непрерывное развитие спиритуальной жизни через своих святых. Он возразил мне, как и следовало ожидать, что все это правда, но это в прошлом; это все нельзя предоставить произволу. Когда хотят сегодня приобщиться к спиритуальной жизни, то это происки дьявола; нужно изучать Мистерию Голгофы, Евангелия, Жития Святых, но не следует, если не хотят попасть под власть демонических сил, стремиться как-нибудь вступить в непосредственные отношения с духовным миром. Это само собой

разумеется, что может быть сказано с этой стороны. И примеров этому я могу привести много.

С определенной стороны, здесь имеет место ожесточенная борьба против прилива все новых и новых спиритуальных истин. Например, католическая церковь ужасно боится также несимпатичного нам спиритизма, поскольку она живет в страхе, что посредством какого-нибудь медиума мы получим нечто из духовного мира, с чем церковь не сможет согласиться, поскольку она просто хочет оставаться в своих старых традициях. И она боится спиритизма, поскольку он ведь имеет материалистическую основу; и поскольку он легко — как в это верят в последние десятилетия — завоевывает себе приверженцев, и потому что он обходным путем может из спиритуального мира нечто внести в мир, на власть над которым претендует также римско-католическая церковь.

Вы знаете, что в семидесятые годы, в 1879, появилась возможность мощного, глубокого влияния со стороны духовного мира. Я часто говорил, что духовная борьба, которая развернулась в духовном мире, влилась в земной порядок, в михаилический порядок. С этого времени создались особые условия, при которых люди, если этого хотят, могут воспринимать спиритуальное. Не думайте, что посвященные римско-католической церкви этого не знают! Естественно, знают, но они воздвигают плотины на пути этого. И как раз в связи с тем фактом, что спиритуальная жизнь особенно стимулируется из духовного мира, начиная с 1879 года, римско-католическая церковь предусмотрительно выдвинула догму непогрешимости, чтобы посредством этой догмы непогрешимости возвести плотину против возможного влияния каких-нибудь новых спиритуальных истин. Само собой разумеется, если люди в отношении своего мировоззрения должны в себе перерабатывать только то, что возвещается с кафедры в Риме в свете догмы непогрешимости, то тем самым воздвигается мощная плотина против влияния каких-нибудь спиритуальных истин, которые исходят из самого духовного мира. Это один, римский элемент, который в прежние времена имел свое природное обоснование, и это природное обоснование прежних времен перевел в застой в традиционном, в застой, исключаящий то, что как спиритуальная субстанциальность из духовных миров могло бы вливаться в души людей.

Другой поток следует искать в том центре, который в высшей степени — примерно в то же время, когда из Рима начала распространяться догма непогрешимости — укоренился в английском и американском, т. е. в англоязычных народах. Мы уже в различной связи говорили об этом оккультном центре. Именно как традиционное и ложное идеалистическое действует в голове, освобождая место ариманическому в нижнем человеке, как вы видели, также и материализм способствует развитию спиритуального в нижнем человеке. И, само собой разумеется, если голова человека питается не новыми спиритуальными истинами, которые время от времени открываются в мире, то она оказывается захваченной люциферическими силами, люциферическими принципами. Центр, который оказывает огромное влияние на англо-американские народы, — лучше всего выразиться так, — стремится, главным образом, к тому, чтобы расщелкаться с другим полюсом. Та оккультная масонская деятельность, которая укоренилась в этом центре, и из этого центра оказывает большое влияние на весь ход внешней культуры всего цивилизованного мира, также способствует распространению материализма, как это делает Рим

посредством непогрешимости Папы. Рим посредством догмы непогрешимости хочет воздвигнуть плотину на пути притока духовных истин из духовных миров; тот же центр сознательным образом способствует распространению в культурном мире материалистических представлений и более или менее материалистического образа жизни. И своеобразие этого явления состоит в том, что, как правило, англо-американские посвященные говорят о Риме, они говорят правильные вещи; и когда они бранят Рим, они говорят правильные вещи. Но они знают также, что есть спиритуальная жизнь и возможность ее непрерывного влияния, но они держат это втайне, и позволяют этому только через неизвестные каналы вливаться в цивилизацию. И неанглоязычные народы цивилизованного мира в последние десятилетия, — можно сказать, в последние пятьдесят лет — в значительной мере восприняли в себя то, что вливается в них из этого центра. Ибо другие культуры в их современной структуре ни в коем случае не являются самобытными культурами, но они большей частью питаются от той материалистической тенденции, которая исходит из этого центра.

И опять же, когда Рим говорит об этом центре, об оккультном ордене франкмасонов, он говорит правильные вещи. Так что можно сказать: о Риме сказаны правильные вещи, об оккультных франкмасонах западных стран также сказаны правильные вещи. Но как раз в этом состоит трудность, что эти вещи в действительности явно склоняют человеческое существо либо на люциферическую сторону, либо на ариманическую сторону, и их в том, что они говорят, трудно уличить, поскольку они говорят правильные вещи. Когда они говорят о других, они говорят правильные вещи!

Это факт, который внутри современной тенденции нужно не упускать из виду. Ибо современное человечество также склонно к тому, чтобы смотреть не на то, что следует из самого существа вещи, но ориентируется на слова какой-нибудь пропаганды. Но не так важно содержание слов той или иной пропаганды, дело в том, что посредством внедрения материализма в мир представлений пытаются также и нижнюю природу человека сделать материалистической; но она именно благодаря этому спиритуализуется. И пытаются посредством абстрактного идеализма в речах, посредством всевозможных прекрасных идеалов сделать человека более моральным; но делают его, — прошу прощения, в переносном смысле, — ожиревшим, материалистичным в своей нижней природе; делают его тупым и сонным. И в то время как на одной стороне наблюдается сильная тенденция ариманически склеротизировать человека, и это в особенности является иезуитской тенденцией, на другой стороне преобладает решительная тенденция поставить люциферические существа на службу материалистическому мировому порядку, чтобы через материализм достигнуть духовности, спиритуализации, которая, однако, носит люциферический характер. Также в действительности недостаточно, если только то, что разыгрывается на поверхности, иметь в виду в его буквальном смысле, но нужно подступиться к истинной действительности, которая, — как показали наши сегодняшние случаи, выглядящие так парадоксально, — приводит зачастую как раз к противоположному результату, чем надеялись получить, ориентируясь на поверхностное обманчивое воззрение. Ныне дело обстоит так, что с различных сторон на мир влияют, опираясь на принципы оккультного ордена, но эти вещи держатся в тайне. Как Рим, так и другой центр работают согласно оккультным установкам. Но принцип власти состоит именно в том, чтобы людей держать в тупости, и не говорить им, что, собственно, происходит. Поэтому обе стороны враждебно

относятся к тем, кто говорит людям, что, собственно, происходит. И особенно вредна наивность, которой предаются некоторые люди, та наивность, которая все снова и снова верит, что чего-то можно достичь в отношении упомянутых потоков, если им сказать: из нашей спиритуальной науки следует прекрасное постижение Иисуса Христа, — или показать, какие глубокие духовнонаучные истины содержатся в истинном христианстве. Это наивность думать, что можно привлечь к себе определенные круги, если показать, что мы говорим истины, которые следуют из предпосылок самих этих кругов, и что поэтому они должны их признавать. Как раз это вызовет противодействие! Чем более мы будем показывать в определенных кругах, что мы имеем истину, тем ожесточенней будет противодействие, и чем более эта истина будет доказывать свою действительность, тем интенсивней будет это противодействие. В последнее время ожидали, не настал ли момент, когда антропософские книги начнут выходить большими тиражами, а тысячи и тысячи людей прислушиваются к антропософии, чтобы с определенной стороны, — не потому, что думают, что антропософия говорит неправду, но поскольку боятся, что она говорит истину, — ополчиться на антропософию. Это то, что нужно иметь в виду. Особенно на нашей почве не должно быть никакой наивности, но проникновенное познание, непредвзятое, свободное от предрассудков наблюдение того, что происходит.

Я очень хотел бы, чтобы вы из этой лекции вынесли одно ощущение; поэтому я еще раз повторю то, что я говорил во вступлении к сегодняшнему докладу: дело не в отдельных частностях, но в том, чтобы мы сохраняли общее ощущение того, что выражает общий дух этих лекций, и чтобы мы делали все способнее и способнее занять в современной культуре и современной жизни такую позицию, какую должен занимать действительно бодрствующий, не спящий человек. Завтра мы продолжим эти обсуждения.

ЛЕКЦИЯ ДЕСЯТАЯ

Дорнах, 4 октября 1918 г.

Сегодня и в последующие ближайшие дни я хотел бы из наших предыдущих рассмотрений вывести некоторые заключения о самой Человеческой жизни. Вначале я сделаю некоторые замечания относительно мыслей, которые внешний мир развивает в отношении антропософии, как таковой, и объясню, какого взгляда следует придерживаться в отношении этих мыслей, и что здесь заслуживает особого внимания. В жизни природы, в естественном порядке, все люди познают — только в отношении природного порядка — то же самое, что мы хотим установить посредством антропософской духовной науки для духовной жизни, для духовного мирового порядка. Однако антропософская точка зрения будет неправильно понята, если она каким-то образом допустит, чтобы современная духовная наука связала себя с какими-нибудь устаревшими, граничащими с суевериями, заблуждениями или мистицизмом. Мы должны привыкнуть такие термины как ариманическое, люциферическое, употребляемые нами для описания духовного порядка, использовать, но на более высокой ступени бытия так же, как естествоиспытатель использует термины в своей области, скажем мы, обозначая положительное и отрицательное электричество, положительный и отрицательный магнетизм и т.п. Но в отличие от обычного, полного предрассудков естествознания, нужно ясно сознавать,

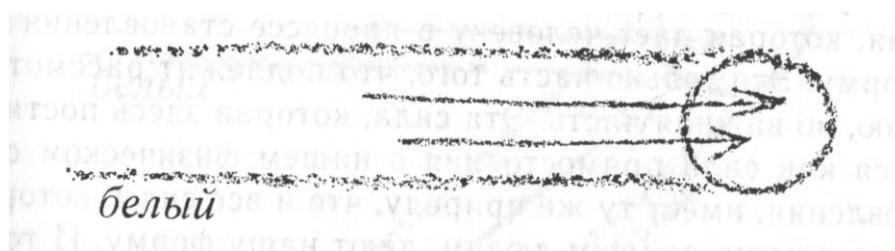
что, естественно, в тот момент, когда мы поднимаемся до рассмотрения духовного мирового порядка, такие понятия, которые в естествознании имеют определенное, можно сказать, даже очень абстрактное содержание, должны постигаться в более конкретном, духовном смысле.

Мы знаем, что человеческое существо, каким оно выступает перед нами в жизни между рождением и смертью, представляет нам то, что мы привыкли называть физическим телом, затем то, что мы называем эфирным телом или, употребляя более ходовое выражение, я назвал его телом образующих сил, затем то, что имеет уже сознательный характер, что мы привыкли называть астральным телом, но которое имеет еще не тот сознательный характер, который свойственен нашему сегодняшнему сознанию. То, что сегодня многие называют подсознательным, относится к астральному телу. Затем то, что мы обозначаем как наше обычное сознание, колеблющееся между сном и бодрствованием, которое в состоянии сна поставляет нам только хаотические грезы, и которое в бодрствующем состоянии не довольствуется созерцанием, но прибегает к абстрактным суждениям и понятиям, все это мы обозначаем как член человеческого существа, и называем «я». Только в этом последнем члене человеческого существа, в собственно «я», можно сказать, ориентируется современный человек. Это «я» отражается в его сознании. Это «я» есть то, в чем, собственно говоря, разыгрываются такие душевные свойства, как мышление, чувства и воля. Все остальное, астральное тело, эфирное тело и физическое тело в его истинном облике, лежат ниже сознания, а также ниже Я. Ибо то, что обычная наука, анатомия, физиология и т. п., может констатировать в отношении физического тела, это только внешняя его сторона; в принципе, это не что иное, как содержание нашего сознания в отношении человеческого физического тела, которое мы приобретаем таким же образом, каким приобретаем любое другое чувственное содержание. Для нашего сознания это внешний образ физического тела, но это не само физическое тело.

Итак, три члена человеческого существа, которые мы, рассматривая их в аспекте развития, называем доземными, — вы знаете это развитие из моего «Тайноведения», — эти три члена прежде всего лежат вне поля человеческого сознания. Вы знаете, что, говоря о духовном порядке, мы указываем на существ, которые возвышаются над человеком как иерархии, как члены иерархий подобно тому, как ниже человека располагаются три природных царства: животное, растительное и минеральное. В тот момент, когда мы духовно рассматриваем человека, мы уже не можем больше говорить только о том содержании астрального, эфирного и физического тел, о которых говорит обычная наука или также антропософия, если она смотрит только на ту жизнь человека, которая открывается в чувственном мире. Поэтому уже в моих прежних осенних рассматриваниях я упоминал, что с этими, — назовем их нижними членами человеческой природы, — что с этими нижними членами человеческой природы, если мы наблюдаем их в истинном виде, в сущности, связаны духи отдельных иерархий.

Итак, мы можем в смысле того, что я вам недавно излагал в связи с мировоззрением Гёте, сказать: поскольку человек посредством своих трех членов развивается во времени, поскольку он проходит то развитие, которое можно проследить от его рождения и до смерти, постольку он связан с определенными духовными силами, которые стоят за его развитием. Я попытался пояснить вам это, сказав: если мы это (см. рис.) будем

рассматривать как существо сегодняшнего человека, то мы должны в ретроспективе мыслить связанными с его существом духовные силы, которые мы познаем как члены высших иерархий.

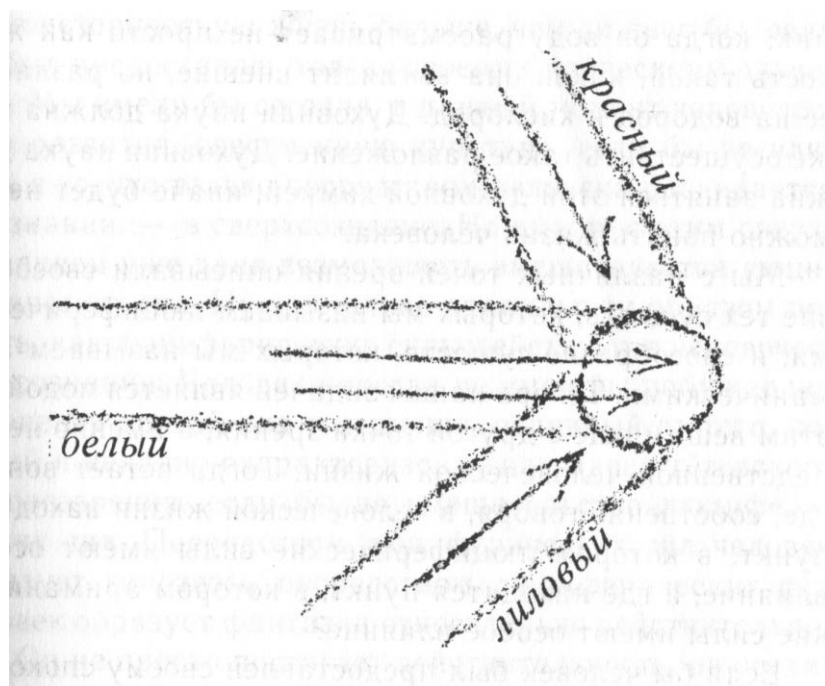
Эти духовные силы, как вы знаете, у нормального человека не действуют непосредственно в его «я», за исключением Духов Формы (в христианской терминологии «Власти»). Итак, кроме Духов Формы, тех сил, которые дают человеку его исконную форму, другие духовные силы не действуют в современном сознании человека. Мы получим хотя и весьма скудное, но все же до некоторой степени удовлетворительное понятие о Духах Формы, если мы обратим наш взгляд на то формирование человека, — это только часть, только член его общего формирования, — которому он подвергается еще во время его физической жизни. Мы все рождены, как более или менее ползающие существа. Принимать вертикальное положение не в нашей власти. Однако с прямостоянием человека, — не с математической вертикалью, но с силой, обеспечивающей прямостояние, — связано очень многое в существе человека. И если различия между человеком и животным рассматривать по чисто внешним признакам, то нужно смотреть не на те вещи, на которые обычно обращают внимание, на число костей или мускулов и т. п., которые обычно совпадают у человека и животного, но нужно обращать внимание на эту силу прямостояния, которая дает человеку в процессе становления его форму. Это только часть того, что подлежит рассмотрению, но важная часть. Эта сила, которая здесь постигается как сила прямостояния в нашем физическом становлении, имеет ту же природу, что и все силы, которые нам, людям, земным людям, дают нашу форму. И только силы такого рода проникают в наше «я».

Напротив, другие силы, мы называем их силами космического движения, космической мудрости, космической воли, обозначаемые как Силы, Господства, Престолы (эти старые имена мы употребляем для этих рассматриваемых в современном духе вещей), суть те, которые недоступны сознанию человека, то есть они принадлежат его астральному телу, его телу образующих сил или эфирному телу и его физическому телу. Так что если эти члены человеческой природы рассматривать без их духовного содержания, о котором сейчас шла речь, то мы будем предаваться голой иллюзии, видеть обманчивый образ. В действительности же мы находимся не в том, что являет нам внешний обманчивый образ, но в указанных духовных силах.

Но на человека влияют до некоторой степени временно, — как я недавно описывал это в связи с гётевским мировоззрением, — без непосредственной связи с его развитием, те оба вида сил, которые мы обозначаем как люциферические или ариманические. Мы можем сказать: более духовно действуют люциферические силы (см. рис., красное), более из подсознания действуют ариманические силы (см. рис., лиловое). Таким

образом, мы имеем трехчленность в космическом вчленении человека в бытие. Так что мы можем сказать: в человеческой природе есть определенные духовные силы, которые связаны с его потоком развития. И имеются также два других силовых потока, люциферический и ариманический, которые не связаны с его непосредственным потоком развития, но временно действуют на него, которые добавляются к тому, что, собственно, принадлежит человеку.

Рассмотрим теперь жизнь. Когда мы рассматриваем жизнь, мы видим не только силовой поток, который, собственно говоря, принадлежит нам, но мы всегда видим нечто, представляющее собой слияние трех силовых потоков. Что бы мы ни рассматривали, будь это чувственный мир, будь это человеческая историческая жизнь, протекающая между удовольствиями и страданиями, радостью и болью, деятельностью и инертностью, мы видим ее так, что в ней сливаются три потока. В обычной жизни мы не делаем того, что делает, например, химик, когда он воду рассматривает не просто как жидкость такой, какой она выглядит внешне, но разлагает ее на водород и кислород. Духовная наука должна также осуществить такое разложение. Духовная наука должна заняться этой духовной химией, иначе будет невозможно понять жизнь человека.

Мы с различных точек зрения описывали своеобразие тех существ, которых мы называем люциферическими, и своеобразие существ, которых мы называем ариманическими. Теперь нашей задачей является подойти к этим вещам еще с другой точки зрения, а именно непосредственной человеческой жизни. Тогда встает вопрос: где, собственно говоря, в человеческой жизни находится пункт, в котором люциферические силы имеют особое влияние, и где находится пункт, в котором ариманические силы имеют особое влияние?

Если бы человек был предоставлен своему спокойному, в его исконном существе заложенному развитию, — но он этого не может, вы знаете это из предшествующих рассмотрений, он только во второй половине жизни может придти к некоторому самопознанию, — он не был бы

подвержен временному влиянию люциферических и ариманических сил. Но в действительной жизни, так, как мы ее проживаем, человек подвержен этому временному воздействию люциферических и ариманических сил, он даже должен считаться с действием этих люциферических и ариманических сил. Но во всем том, что у человека более принадлежит сфере его сознания, но так, что этого сознания человек достигает не просто через природу, но выходит за рамки природы, — мы выходим за рамки природы, когда мы, например, в первой половине жизни уже приходим к самопознанию, — во всем, чего человек достигает посредством своего сознания, заложено нечто, что мы не можем назвать иначе, чем сверхсознательное. Наше сознание выглядело бы совсем по-другому, если бы в этом сознании не было заложено сверхсознательное. Сверхсознательное состоит в том, что человек вносит в историческую жизнь больше, чем он внес бы, если бы был предоставлен только своему физическому развитию. Мы имели бы сегодня, в данный момент человеческого развития, совсем иную культуру, если бы не влились в то, что только посредством человека развивается в сознании, — в сверхсознание. Но вместе с этим сверхсознанием уже дана возможность вмешательства люциферических сил. Нужно только правильным образом познать, как люциферические силы действуют в человеческом сознании. Человек никогда не имел бы побуждения развивать другой вид мышления, отличный от того, который я недавно охарактеризовал как идеал гётевского мировоззрения, если бы не вмешательство люциферических сил. Посредством люциферических сил человек образует гипотезы, посредством люциферических сил человек образует фантазии относительно действительности. Он не просто постигает действительность, он соединяет с сознательным сверхсознательное. Он создает различные идеи относительно действительности, идеи, которые позволяют ему основательно срастись с действительностью, чем это было бы возможно без этого. И если мы рассмотрим всю область искусства, то мы должны подчеркнуть, что в искусстве, в котором сверхсознательное играет такую большую роль, если искусство не хочет выродиться в голый натурализм, в высшей степени должен действовать люциферический элемент. Мы не должны, — я не устаю все снова и снова это подчеркивать, — просто говорить, что человек в своей жизни должен возможно дальше держаться от люциферического. Если человек будет держаться в отдалении от люциферического, он не сможет вести действительную жизнь, станет архифилистером. То, что как закваска все снова и снова спасает человечество от филистерства, постоянно прищипоривает его, это люциферическая деятельность.

Но вся эта люциферическая деятельность обуславливает в то же время то, что человек до определенной степени, можно сказать, склонен взирать на мир как бы с высоты птичьего полета. Все то, что в ходе времен выступает как программы, как прекрасные идеи, посредством которых надеются тем или иным способом вступить в золотой век, все это исходит от вливающих в человека люциферических наклонностей. Все то, что лишает человека его связи с действительностью, то, посредством чего он хочет воспарить выше, чем позволяют эти связи, которые определяют его место как человека, все это указывает на люциферическое. Люциферическое в человеке является склонностью, которая побуждает нас к потере интереса к нашим ближним. Если бы мы следовали своей исконной человеческой природе, то есть следовали бы тем силам развития, которые заложены в самом человеческом потоке, наш интерес к нашим ближним значительно превышал бы тот, который мы имеем в действительности. Люциферическое

существо в природе человека действует так, что он теряет интерес к другим людям. И если человека изучать в его сущности, то именно на этот пункт нужно обратить особое внимание. Многие в мире выглядело бы совсем по-другому, если бы мы в реальности познавали это наше стремление развивать большой интерес к тому, что мы варим внутри себя, и мало интересоваться тем, что думают, чувствуют и волят другие люди. Правильное познание человека достигается только тогда, когда наше воззрение на человека пронизано вопросом: что уводит меня от интереса, который я должен испытывать к другим людям? И задачей будущей человеческой культуры будет именно развитие когнитивного познания человека. Сегодня большей частью еще называют познанием человека то, что некто сказал о людях, в зависимости от того, какими он их себе представляет, что они должны быть такими-то или такими-то. Способность принимать людей такими, какие они есть, и ясно сознавать, что каждый таков, каков он есть, даже преступник — также следует допустить и это, — может всегда сказать нам о мире нечто более важное, чем фантазии, которые мы создаем о человеческом существе, какими бы прекрасными эти мысли ни были: сказать так, означает поставить в себе люциферическое на должное место. Такое стремление к познанию человека открывает нам бесконечно многое. И в ходе человеческого земного развития не было эпохи более удаленной от действительного, истинного интереса к непосредственной природе человека, чем наше время. Но не надо путать то, что здесь имеется в виду с нескритичностью в отношении человека. Тот, кто исходит от идеи: всех людей нужно рассматривать как одинаково хороших, и всех одинаково любить, — тот рассматривает предмет с удобной люциферической точки зрения, ибо он исходит только из своей фантазии. Рассматривать всех людей равными поистине является люциферической фантазией. Дело вовсе не в том, чтобы лелеять общую идею, но в том, чтобы конкретно подходить к каждому отдельному человеку и развивать в отношении него любовное, лучше сказать, исполненное интереса познание.

Вы можете спросить: какие цели, собственно говоря, преследуют в нас эти люциферические силы, когда они препятствуют развитию терпимости, в мудром смысле, в отношении человеческой природы и интереса к ней? Они вполне оправдываются в общем хозяйстве Духа, если будет мне позволено употребить это филистерское выражение. Эта люциферическая сила должна присутствовать в нас, поскольку, если бы мы находились только в прогрессирующем потоке и развивали бы согласную с природой и духом склонность к познанию каждого человека, то мы были бы опьянены — простите мне это резкое выражение — познанием людей. Мы бы захлебнулись, мы не могли бы правильным образом вернуться в себя. Как раз это связано с многими тайнами бытия, что в этом бытии, собственно говоря, нет ничего, что вело бы к злу, к несчастью, если проследить это до конца. То, что правомерно влечет нас к другим людям, что побуждает нас находить других людей в нас самих, действовало бы так, что мы захлебнулись бы в нашем познании людей, если бы постоянно не присутствовало люциферическое жало, которое все снова и снова не дает нам утонуть, которое нас все снова и снова выносит на поверхность и приводит нас к самим себе, и пробуждает в нас интерес к самим себе. Именно в нашем отношении к людям мы живем в постоянном колебании между нашими исконными силами и люциферической силой. И тот, кто сказал бы, что было бы разумней, если бы человек следовал только своей исконной силе и не имел бы дела с люциферической, тот должен был бы

согласиться и с тем, что, имея весы с двумя чашками, он согласился бы удалить одну из них и взвешивать на весах с одной чашкой. Жизнь протекает также в равновесных состояниях, а не в абсолютно определенных отношениях. Это то, что прежде всего можно сказать в отношении вмешательства люциферического в человеческую жизнь: оно захватывает сознание, но так, что сверхсознательное примешивается к сознанию.

Ариманическое вмешательство захватывает прежде всего и главным образом подсознательное в человеческой жизни. Ко всему тому, что является подсознательными, зачастую рафинированными побуждениями человеческой природы, примешиваются ариманические силы. Если мы хотим, я бы сказал, персонально охарактеризовать Аримана и Люцифера, то мы должны сказать: Люцифер — это высокомерный дух, который любит парить в высотах и обозревать все с птичьего полета; Ариман же — это одинокий дух, который неохотно дает себя увидеть, который пребывает в подсознании человека, действует на подсознание человека, и из этого подсознания начаровывает суждения. Тогда человеку кажется, что он судит из своего сознания, тогда как эти суждения зачастую начаровываются, исходя из его подсознательных побуждений и из его рафинированных импульсов, или начаровываются ариманическими силами.

Религиозные представления, как нам известно, часто исходят из древних, осовремененных духовнонаучных воззрений. И Петр вовсе не без оснований называет именно Аримана крадущимся львом, который ищет, кого бы поймать, чтобы проглотить. Петр потому так называет Аримана, что, в самом деле, Ариман обитает в сокровище, то есть в подсознании человеческой природы, и стремится достичь своей мировой цели тем, что он отвлекает на себя подсознательные силы человека, чтобы посредством их в мировом развитии духовно достигнуть других целей, отличных от тех, которые лежат в прямом человеческом потоке.

В отношении исторической жизни люциферические силы всегда навязывают нам грандиозные, но не считающиеся с человеческой природой мировые грезы. В ходе развития человеческого мышления сколько предлагалось идей осчастливить мир. И по убеждению тех, которые выдвигали эти идеи всемирного счастья, мир может быть осчастливлен только посредством этих идей. Причина этого в том, что такое люциферическое мышление носит перспективный характер, оно смотрит на все с высоты птичьего полета, оставляя без внимания все то, что копошится там внизу, и думает, что, следуя направлению мыслей, намеченных с высоты птичьего полета, можно исправить мир. Такие идеи всемирного счастья, основанные на недостаточном знании человеческой природы, носят люциферический характер. Грезы о мировом господстве, исходящие из особых человеческих областей, носят ариманический характер. Ибо эти грезы о мировом господстве исходят из подсознания. Взять отдельную область человеческого бытия и попытаться в этой отдельной области охватить весь мир, это значит поступать ариманически. Все, что связано с желанием человека властвовать над другими людьми, все, что противоречит здоровой социальной воле, все это имеет ариманическую природу. Человек, про которого можно сказать, — но не в суеверном, а в нашем смысле, — что он одержим Люцифером, теряет интерес к своим ближним. Человек, одержимый Ариманом, хотел бы приобрести власть над возможно большим количеством людей; и если он умен, он старается использовать человеческие слабости, чтобы посредством этих слабостей овладеть

людьми. Ибо это в стиле Аримана: в подземном, в подсознательном отыскивать человеческие слабости, чтобы посредством них господствовать над людьми.

Теперь мы должны спросить: откуда все это пришло? Это вопрос, который должен нас интересовать прежде всего: откуда все это пришло? Какова природа этих ариманических и люциферических сил? Не правда ли, мы знаем, что наша Земля является метаморфозой, употребляя это выражение Гёте, предшествующих мировых тел, четвертой метаморфозой. И пользуясь определенной терминологией, мы говорили: Земля вначале была воплощена как Сатурн, затем как Солнце, затем как Луна и теперь воплощена как Земля. Итак, мы знаем, что эта Земля является четвертым воплощением своего космического существа, четвертой метаморфозой. Она будет претерпевать и дальнейшие метаморфозы. Это все мы должны учесть, если хотим спрашивать дальше: какое значение во всех космических взаимосвязях, в которые вплетен также человек, имеют ариманические и люциферические силовые существа? Мы знаем, что с формированием наиболее близкой нам части Космоса, Земли, Связаны Духи Формы. И если обратить внимание на особенно характерное в земном образовании, то оно — как я уже говорил — идентично, хотя и в ограниченной степени, с тем, как мы посредством нашей собственной силы противостояния преодолеваем силу тяжести. Эти Духи Формы являются до некоторой степени управляющими силами земного бытия, современной метаморфозы нашей планеты. Но Духи Формы действуют, как мы знаем, через других духов, которых мы, употребляя в современном значении старую терминологию, называем Архаями, Архангелами и Ангелами.

Из этих существ нас интересуют прежде всего Архаи, или Прасилы, Начала. Мы знаем, что в иерархическом порядке Духи Формы стоят непосредственно над Прасилами. *Вследствие этого в ходе развития изначальным для человека, — я изображаю это здесь схематически белым, просто заштриховывая мелом, показываю, что силы Архаев стоят на службе Духов Формы.* В нашем человеческом существе действуют Архаи, действуют Власти: духи, которых мы называли Прасилами, которых мы называли Духами Формы. Но кроме этого всегда есть еще определенные духовные силы Формы, Духи Формы, которые маскируются под Прасилы, под Архаев. Они могли бы быть Властями, но действуют они не как Власти, но выступают как Архаи, они маскируются. Существенным является то, как в мировом устройстве маскируются духовные существа, которые, собственно говоря, стоят на другой ступени развития.

Это имеет совершенно определенные последствия. От этих Прасил, которые, собственно говоря, являются не Прасилами, но Духами Формы, может зависеть то, что живет во внешних земных формах подобно тому, как оно, собственно, зависит от Духов Формы. Но важным является то, что в нашем земном бытии все то, что связано с пространством, поскольку оно формируется в пространстве, формируется из непространственного. Мы только в том случае будем полностью постигать пространственное, если мы от его образности вернемся к праобразам, которые имеют непространственный характер. Естественно, это представляет трудности для западного мышления, поскольку трудно себе представить непространственное. Но все же дело обстоит так, что все то, что связано с нашим изначальным человеческим бытием, что исходит от Духов Формы, поскольку принимает определенную форму в пространстве, является

действием непространственного. Конкретно говоря, когда мы, будучи отдельными людьми, ползающими на четвереньках, выпрямляемся, преодолеваем в своем прямостоянии силу тяжести, мы ориентируем себя в пространстве; но силы, лежащие в основе этого, вливаются в пространство из непространственного.

Те существа, которые являются собственно Духами Формы, но маскируются под Архаев, Прасилы, были определены по своему существу, собственно говоря, для непространственного. Но они вступают в пространство, они действуют в пространстве. Собственно говоря, определяет их ариманический характер то, что эти духовные существа, которые по своей сущности определены для того, чтобы быть непространственными, предпочитают действовать в пространстве. Вследствие этого в пространстве появляется возможность формировать так, что это формирование не исходит прямо из непространственного, но пространственное снова образует пространственное, одно пространственное образуется через другое.

Может быть, мне следует привести конкретный пример: мы, люди, все отличаемся друг от друга, поскольку явились в эту жизнь из непространственного. Наши праобразы находятся в непространственном. Все различается между собой. Вы все знаете знаменитую историю, как побуждаемая Лейбницем одна принцесса — принцессам иногда бывает нечего делать — обошла весь сад в поисках двух полностью одинаковых листьев, и так их и не нашла, поскольку в действительности не существует двух одинаковых листьев. Итак, мы все в определенном отношении сформировались из непространственного, поэтому мы и отличаемся друг от друга. И все же мы подобны друг другу, особенно если мы родственны по крови. Мы подобны друг другу, поскольку есть духовные существа, которые пространственное образуют из пространственного, образуют по образцу пространственного. Мы подобны друг другу, поскольку нас пронизывают ариманические силы. Это должен признать человек, иначе он вечно будет просто бранить ариманические и люциферические силы, не пытаясь их понять.

На этом примере вы наглядно можете видеть, как Ариман вмешивается в жизнь. Поскольку вы осмеливаетесь себе сказать: я — человек, соответствую моему образу, и я не идентичен никому другому, — постольку вы идете по прямому пути развития. И если бы только это действовало в мире, если бы не вмешивался ариманический боковой поток, то ни одна мать не могла бы радоваться тому, что ее дочка так похожа на нее, поскольку ей бросилось бы в глаза, что каждый отдельный человек является пространственным отображением непространственного, и ни одно пространственное не подобно другому. Вступление определенных Духов Формы в пространство дает побуждение к ариманическому. Естественно, ариманическое не ограничивается только подобием людей, оно распространяется на многое; но мы смогли показать это на одном примере.

Теперь я прошу вас вспомнить о тех рассматриваниях, которые я сделал не для того, чтобы вас обнадежить, но просто исходя из самого предмета, когда я сказал, что человек, собственно говоря, становится способным к самопознанию только во второй половине своей жизни. Я сказал: поскольку наша жизнь приобретает во времени такое течение, и поскольку только это течение во времени действует на нас, и никакое другое, то мы в действительности можем прийти к самопознанию только во

второй половине жизни. Но я сказал в тот раз, что в первой половине жизни действуют люциферические силы и побуждают к самопознанию, которое не вытекает из нашей исконной человеческой природы. Но я противопоставил тому, чем была бы человеческая жизнь, если бы она следовала только своей изначальной природе, то, что я назвал «царством пребывания» (Вечности). В отношении всего того, что относится к изначальной человеческой природе, мы в пятьдесят лет являемся совсем другими людьми, чем были в двадцать; мы развились. В отношении же всего того, в чем мы не развились, мы принадлежим не нашей телесности, но духовно-душевному, и связаны с царством пребывания, с тем царством, в котором время не играет никакой роли. Подобно тому, как в основе пространственного лежит непространственное, так и в основе временного лежит пребывающее. Мы были бы совсем другими людьми, если бы не были связаны с царством пребывания. Мы пробуждались бы, как я недавно говорил, из определенных жизненных грез, только достигнув двадцативосьмилетнего, двадцатидевятилетнего возраста. Но мы живем в царстве пребывания, и посредством этого царства пребывания мы сглаживаем нашу дремоту в первой половине жизни и ужасную ясность бытия во второй половине жизни.

Этому царству пребывания принадлежат все духовные силы существ высших иерархий, которые мы знаем, за единственным исключением Духов Формы. Они вмешиваются в царство временного развития. Они создают формы — поскольку некоторым образом свою жизнь проводят между непространственным и пространственным, — перенося их из непространственного в пространственное. Но это допускает временные процессы, их жизнь протекает во времени. Но другие существа, которые в иерархии стоят выше Духов Формы, являются существами, принадлежащими области пребывания. Говорить о них как о существах, живущих во времени, можно только в сравнительном смысле; но считать, что так и есть в действительности, было бы глупостью. Очень трудно говорить об этих вещах по той простой причине, что в современную эпоху очень мало людей, которые имеют живое ощущение понятий и идей, которые развиваются, тогда выходят за пределы пространства и времени. Большинство людей вообще считает непространственное только фантазией, а также вневременное, пребывающее, непреходящее, но также неизменное.

Итак, выше есть иерархии существ порядка Властей есть только существа, принадлежащие царству пребывания. Но среди них есть такие, которые маскируются под существ, действующих во времени, выступающих во времени. И подобно тому, как другие существа, которых я охарактеризовал как ариманических, выступают в пространстве, так есть существа, которые выступают во времени. Это люциферические существа, которые в иерархическом порядке принадлежат к Духам Мудрости, но действуют как Духи Формы, поскольку они действуют во времени. И то, что иначе в жизни действовало бы вневременно в душе человека, сдвигается этими духами в область временного. И поэтому получается, что, например, определенные вещи, которые всегда были бы для нас в наличии, если бы мы ориентировались только на царство пребывания, также подчиняются времени; например, могут быть забыты нами и т. п., что связано только с нашей телесно-душевной природой — воспоминанием, памятью, — но не с нашей духовно-душевной природой.

Итак, Духи Пребывания, которые маскируются под Духов Времени, это люциферические силы; собственно говоря, существа, силы которых в

космическом порядке имеют очень высокую природу, более высокие силы, чем те, о которых многие пасторы, какими бы высокообразованными в теологии они себя ни считали, говорят как о божественных. Те, о которых говорят пасторы, в действительности являются гораздо менее возвышенными силами, чем те, о которых говорилось здесь.

Эти люциферические силы способны то, что иначе представлялось бы нашему сознанию чисто духовно пребывающим, смещать в некотором смысле во временную область, давать ему видимость временного течения. И эта видимость протекания во времени определенных явлений в нас самих является единственной причиной того, что люди доказывают, что их духовная деятельность связана с вещественными процессами.

Если бы наша душа не была пронизана люциферическими существами, то наша духовная деятельность выглядела бы как непосредственно духовная. Тогда не приходило бы в голову, что духовная деятельность может быть привязана к материальному. Мы должны сознавать, что образ, который я часто приводил, является единственно правильным: тот, кто думает, что духовная деятельность исходит из материального, подобен человеку, который, стоя перед зеркалом, думает, что его собственный отраженный образ расположен за зеркалом. Конечно, образ зависит от того, как сконструировано зеркало; также и наше мышление, зависит от нашей телесности. Но тело только играет роль зеркала. Это непосредственно открывалось бы сознанию человека, если бы не было люциферической иллюзии, что духовная деятельность формируется на основе вещественного, но поскольку Люцифер вмешивается в сверхсознательное, но создает видимость, которая водит нас за нос, подобно тому, как если бы мы подошли к зеркалу и разбили его, чтобы посмотреть, кто стоит за ним.

Видимость того, что духовное может происходить из вещественного, является, в сущности, люциферической видимостью. И можно сказать: тот, кто доказывает, что духовное является вещественным продуктом, объявляет Люцифера своим богом, хотя и не говорит этого открыто. Доказательство, что духовное исходит из вещественного, целиком идентично утверждению, что зеркало представляет чувствам существ, размещенных за зеркалом; утверждение, что вещество производит духовное, человеческое духовное, идентично признанию, хотя и не высказанному, что Люцифер есть бог.

Теперь мы должны обратиться к противоположному полюсу. Люциферический обман состоит в том, что будто бы зеркало, вещественное, может производить из себя духовное. Противоположным полюсом является заблуждение людей, что якобы то, что находится в чувственном мире, некогда могло действовать на внутреннюю жизнь человека. Если бы не было ариманической иллюзии, которая возникает вследствие действия сил, которые из непространственного вступают в пространственное, то человек видел бы, что никогда на его существо не могут влиять силы, которые коренятся в вещественном. Утверждение, что в вещественном коренятся силы, коренится энергия, которая может продолжать действовать в человеке, это чисто ариманическое утверждение, и тот, кто так говорит, провозглашает Аримана своим богом, хотя и не высказывает этого прямо.

Итак, человек колеблется между этими двумя иллюзиями; с одной стороны, между иллюзией, которая постоянно обманывает его, что якобы зеркало производит из себя образы, как действительные существа, как будто вещество может осуществлять духовную деятельность. Другая иллюзия

состоит в том, что во внешнем чувственном бытии содержится энергия, которая в преобразованном виде может привести к человеческой деятельности. Первая — это люциферическая иллюзия, вторая — ариманическая иллюзия.

Характерным для нашего сегодняшнего времени является то, что оно не склонно обращаться с духовным так же, как оно обращается с природным. Однако гораздо легче говорить о духе с точки зрения туманного мистицизма или с точки зрения абстрактных естественнонаучных понятий, чем действительно научным образом, как это делается в отношении природы, конкретно вникать в духовные процессы и духовные импульсы. Однако мы живем в эпоху, когда человек должен начать сознательно уяснять себе, что действует в его душе. Мы знаем основания, почему минуло время, когда в своем подсознании человек мог найти импульсы, которые давали ему дальнейшее направление; сегодня человек должен начать сознательно вступать в область, в которой живет его душевное, и это душевное вырабатывает сознание.

Итак, мы можем сказать, что человек, собственно говоря, был бы совсем другим существом, если бы он следовал в своем развитии только своей исконной природе и добрым духовным силам в мире, чем он есть теперь, когда он в действительности следует этому исконному развитию при совместном временном воздействии на него люциферических и ариманических сил. Вопрос состоит в следующем: как установить равновесие между этими тремя силами. Чтобы установить это состояние равновесия, или чтобы по меньшей мере понять, как оно устанавливается, нужно рассмотреть следующее.

Внешнее естествознание чувствует себя очень удобно, когда оно в определенных областях судит по принципу: нож предназначен для еды, и тогда берут нож для бритья и нарезают им то, что предназначено подавать к столу. Так образуются сегодня многие естественнонаучные суждения, например, в отношении смерти. В отношении явления смерти сегодняшнее естествознание не идет дальше ближайшего по значению понятия прекращения деятельности организма. Это удобно, ибо тогда можно, как это в гротескной форме делают некоторые, называющие себя исследователями, говорить в том же смысле о смерти растений, смерти животных и смерти человека. Но это действительно ни что иное, как если, говоря о ножах, относить к одной категории столовый нож и нож для бритья. В действительности же то, что может быть названо смертью, различается у растений, животных и у человека. Генерализируют же понятие, если во всех трех царствах понимают при этом прекращение деятельности органических функций.

Если изучать смерть в человеческой природе, — и мы часто говорили о таком явлении, как смерть человека, — она является такой сущностью, что ее можно рассматривать в некотором смысле как сглаживающую силу для люциферических сил. Не правда ли, смерть является не только одноразовым явлением, ибо человек начинает, собственно говоря, умирать, как только он родился, поскольку импульсы умирания уже заложены в нем; сама же смерть приходит в определенный момент времени. Все то, что как силовые импульсы ведет к смерти, является в то же время теми силами, которые устанавливают равновесие в отношении люциферических сил. Ибо

через смерть человек выводится из области временного в область пребывающего.

Мы знаем теперь, что сущность люциферических сил состоит именно в том, что они, собственно говоря, принадлежат царству пребывающего, и то, что они должны делать в царстве пребывающего, они вносят в царство временного. И не происходило бы в этом отношении никакого сглаживания, если бы в царстве временного не было смерти, которая снова возвращает человека из царства временного в царство пребывающего. Смерть выполняет сглаживающую функцию в отношении люциферического. Люциферическое вносит пребывающее в область временного; смерть вносит временное в пребывающее. Так можно абстрактно это выразить, однако в этой абстракции содержится значительная сумма конкретного.

Но что мы должны сказать об Аримане? Он делает подобие подобного. Я привел вам конкретный случай подобия в человеческой природе в связи с ариманическим. Этому подобию также нужно создать противовес, здесь нужно создать противовес, направленный против подобия. Но только подобие удивительным образом связывают с этим противовесом посредством одного спутанного понятия, которое возникает, если мы не вникаем в глубокие взаимосвязи. Противовесом для подобия является сила наследственности: мы не только подобны по форме, которую принимает наш род, но мы несем в себе внутренние силы наследственности. Посредством сил наследственности, которые мы носим в себе, мы, собственно говоря, противодействуем подобию форм. Только путанная наука отождествляет подобие с наследственностью. Мы выглядим подобными нашим родителям, но в то же время от наших родителей в своем внутреннем существе мы наследуем определенные силы, которые стремятся к тому, чтобы вернуть нас к человеческому праобразу. Собственно говоря, то, что мы унаследовали, находится в борьбе с подобием. Тонкое наблюдение человеческой жизни, без всякого сверхчувственного видения, посредством внешнего созерцания уже может прийти к этому. Попробуйте только правильным образом задавать жизни вопросы, попробуйте как-нибудь рассмотреть человека, который по своим тем или иным формам особенно похож на своих родителей, дедушку с бабушкой и т. д., и посмотрите затем на унаследованные моральные импульсы: и вы увидите, что унаследованные моральные импульсы, как правило, действуют в направлении, противоположном подобию форм.

Если вы рассмотрите портреты выдающихся исторических личностей, которые по своим формам подобны своим предкам, то вы повсюду увидите, что в то же время в их биографиях отмечены душевные свойства, — и они являются именно унаследованными свойствами, — которые обращены против тех, от кого они получили эти подобные формы. В этом состоит одна из существенных тайн жизни. И предки гораздо лучше понимали бы своих потомков, и родители лучше понимали бы своих детей, если бы они совершенно непредвзято имели бы в виду этот факт. Если бы, например, — простите, что я говорю такие вещи, но мы ведь не находимся в обществе филистеров, — какая-нибудь мать, имея сыночка, который особенно похож на нее, очень радовалась, что сыночек так на нее похож; но для воспитания могло бы быть особенно полезно, если бы она себе сказала: Что, если у моего сыночка разовьются свойства, подобные тем, которые являются причиной частых ссор с моим мужем? Нужно обращать внимание на такие конкретные импульсы, которые имеют в жизни огромное значение. И

особенно необходимо познание таких импульсов для задач воспитания в будущем, для будущего человеческого развития. Ибо мы должны будем в будущем воспитывать, исходя не из абстрактных основоположений, но на эмпирической, конкретной основе.

И мы не сможем овладеть этой эмпирической, конкретной основой, если не научимся читать жизнь. Нужно научиться ее читать, но для этого нужно выучить буквы. В конкретном, как вы знаете, их гораздо больше, но самыми необходимыми буквами для ближайшего будущего являются три: нормальное развитие, ариманическое и люциферическое. Но тот, кто их не знает, не сможет читать, также как тот, кто не знает азбуки, не может читать книги. Это просто буквы, посредством которых познается жизнь, посредством которых учатся читать жизнь. И утопический дух, который так широко распространился в человечестве, должен быть преодолен тем, что мы будем учиться читать жизнь. Но тогда нужно будет заняться изучением действующих в жизни сил.

Естественно, некто может сказать: ты рассказываешь нам здесь нечто, касающееся исконного человеческого существа, которое нигде не встречается. Само собой разумеется, это так; но это возражение подобно тому, которое делают те, которые говорят: ты объясняешь нам здесь, что в протекающей речной воде содержатся водород и кислород; я же не нахожу ни того, ни другого. Но необходимо вникнуть в эти вещи и прежде всего создать себе правильное понятие о том, что такое форма. Прежде я приводил следующее сравнение, которое хочу повторить сейчас.

Можно приехать в Кобленц или в какое-нибудь другое место, например, в Базель, и любоваться там Рейном, и это может явиться побуждением к высказыванию: вот течет Рейн, неизвестно с каких времен, наверняка в продолжение столетий, быть может, с доисторических времен. Как стар этот Рейн! Но что в нем, собственно, является старым? Вода, которую мы видим, полностью сменится за несколько дней, она утечет: она наверняка не так стара, поскольку несколько дней назад ее здесь не было, она была где-то в другом месте. То, что вы здесь видите, наверняка не так старо, оно не насчитывает сотен лет. И если вы говорите о Рейне, вы говорите вероятно не о канаве в земле, по которой течет вода; вы говорите о том, чего вы, собственно, не имеете перед глазами. А именно, если вы говорите о действительности, вы не можете говорить о том, что вы видите перед собой, ибо то, что вы видите перед собой, является только слиянием проходящих через мир потоков, это только равновесное состояние. Куда бы вы ни направили свой взор, вы повсюду увидите только равновесные состояния. Действительность, в которую вы еще только должны проникнуть. Но только посредством проникновения в действительность возможно также научиться азбуке жизни.

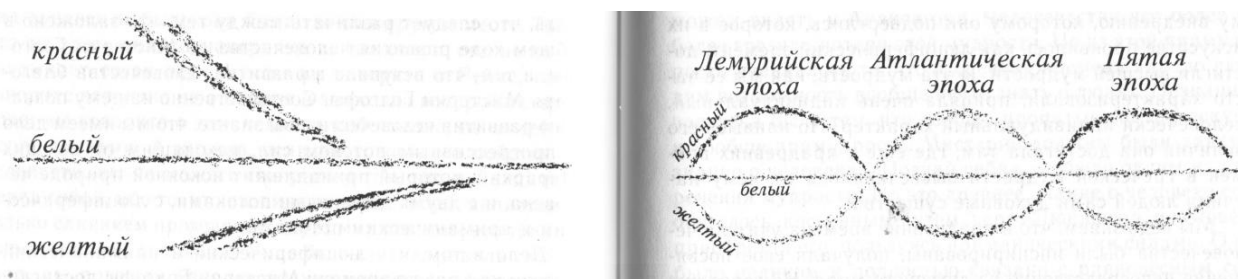
Завтра я буду говорить о связи люциферического и ариманического импульсов с импульсом Христа-Ягве, чтобы вы увидели, как этот импульс Христа-Ягве в действительности вчленен в эти потоки.

ЛЕКЦИЯ ОДИННАДЦАТАЯ

Дорнах, 5 октября 1918 г.

Из многочисленных указаний и объяснений, которые я давал относительно Мистерии Христа, вы можете понять, что следует различать между тем, что заложено в общем ходе развития человечества до Мистерии Голгофы, и тем, что вступило в развитие человечества благодаря Мистерии Голгофы. Соответственно нашему познанию развития человечества, вы знаете, что мы имеем дело с прогрессивным потоком сил, исходящим от высших Иерархий, который принадлежит исконной природе человека, и с двумя побочными потоками, с люциферическим и ариманическим потоками.

Дело в том, что люциферический и ариманический потоки как раз ко времени Мистерии Голгофы достигли, в некотором отношении, высшей точки их полезного воздействия на развитие человечества, и, в определенном смысле, если можно употребить это выражение, человечеству стала грозить опасность, что они перешагнут эту высшую точку, и тем самым будет нарушено для всего человеческого развития равновесие между ариманическим и люциферическим воздействиями. В ходе этого развития человечества произошло следующее. Если мы будем рассматривать прогрессивное развитие человечества как прямую линию (см. рис.), то мы сможем сказать, что оно относится, — нам удобно начать с лемурийского периода, — к лемурийскому, атлантическому и нашему периоду, который мы привыкли называть послеатлантическим. Если я изображу красной линией интенсивность люциферического воздействия, то я должен сделать это примерно так. Можно сказать, что в лемурийском периоде мы имеем определенную интенсивность, которая нарастает, затем снова убывает, и эта люциферическая интенсивность становится совсем слабой и спускается вниз в атлантическом периоде, и затем снова нарастает в послеатлантическом периоде. То есть в атлантическом периоде, в принципе, — я говорю здесь не об отдельных людях, но я говорю о развитии человечества, — в историческом развитии человечества было мало непосредственного влияния люциферического (см. рис., красное).

Зато в этот период ариманическое развитие, которое я изображаю здесь желтой линией, я должен так рисовать, чтобы оно было особенно интенсивным в атлантическом периоде, а здесь, в послеатлантическом периоде оно снова ослабевает, — я говорю здесь об историческом развитии, — и мы должны уяснить себе, что мы, если мы это так охарактеризовали, всегда должны учитывать то, что я недавно сказал: когда Люцифер действует особенно интенсивно, он усиливает в подсознании деятельность Аримана. То есть если в нашем пятом периоде особенно выражена люциферическая кривая, это не означает, что, поскольку Люцифер действует особенно интенсивно, значит Ариман лежит вне круга воздействия; напротив, именно это означает, что, поскольку Люцифер особенно интенсивно действует в сфере истории, Ариман особенно обживает подсознательные регионы человека.

Итак, вы видите, что в ходе земного человеческого развития проявляются своего рода волновые линии, как для ариманического действия, так и для люциферического действия. Используя обе интенсивности ариманического и люциферического, нужно установить равновесное состояние. Но это равновесное состояние в историческом развитии никогда не может быть совершенным. Были времена, когда люциферическое воздействие было особенно интенсивным, и времена, когда особенно интенсивным было ариманическое воздействие.

Если мы рассмотрим эпоху человеческого развития, когда человечество приблизилось к Мистерии Голгофы, то мы найдем, что равновесное состояние между люциферическими и ариманическими силами было исключительно неустойчивым, собственно говоря, истинного равновесия не было. С одной стороны, мы имеем тот человеческий поток, движущийся к Мистерии Голгофы, который исторически проявился в истории семитских народов. Этот человеческий поток стал особенно доступен воздействию люциферических существ, вследствие чего в подсознательном усилились ариманические влияния.

Напротив, греческое существо оказалось доступным для исторических ариманических сил, вследствие чего люциферические воздействия сместились в подсознание. Мы только тогда полностью поймем семитскую и греческую культуры, которые являют полярные противоположности, если надлежащим образом примем во внимание это колебание мирового развития человечества между ариманическим и люциферическим. Для западных народов в то время, когда Мистерия Голгофы вступала в земное развитие, влияние греческой культуры было особенно важным. Но оно уже угасало, вернее сказать, миновало уже свою высшую точку. Греческому миру угрожало нисходящее развитие. И это нисходящее развитие, угрожающее греческой культуре, можно выразить следующим образом: греки, именно благодаря ариманическому внедрению, которому они подверглись, которое в их искусстве проявилось как люциферический элемент, достигли высшей мудрости. И эта мудрость, как мы ее часто характеризовали, приняла очень индивидуальный, человечески индивидуальный характер. Но наивысшего величия она достигала там, где еще с прадревних времен в греческой мудрости высвечивалось то, чему научили людей сами духовные существа.

Мы ведь знаем, что в прадревние времена учителя человечества были инспирированы, получали свое посвящение непосредственно из духовного мира. Но через них духовные существа говорили, обращаясь к миру, и мы могли бы, если бы еще в начале пятого периода взгляделись в эти прадревние времена человеческого развития, увидеть удивительную прамудрость. Она была в некотором отношении так очищена и выражена в понятиях и идеях, что была особенно приспособлена для человеческого существа. Если в более ранние времена Великие Посвященные сообщали ее в более образной, имажинативной форме, греками она постигалась в идеях, в понятиях, тем самым она была приспособлена к восприятию ее людьми. Но то, что, собственно говоря, у греков было самым удивительным, то, что звучало еще в философии Платона, это было отголоском той прамудрости, которую человечество, можно сказать, получило из уст самих богов. Но человечеству угрожала потеря этой мудрости.

Если оглянуться на ту эпоху греческого духовного развития, которую Ницше назвал трагической эпохой, то мы увидим великих

греческих философов Анаксагора и Гераклита, мы увидим в них, я бы сказал, последних носителей божественной мудрости, но которая уже была переплавлена в идеи и понятия. Фалес, собственно говоря, был первым, кто опирался на чисто природные понятия; он уже далек был от непосредственного живого восприятия прамудрости человечества, которое мы еще можем видеть у Анаксагора. Человечеству все более и более грозила потеря этой мудрости. Но из этой прамудрости изливалось то, что в древние времена давало людям возможность вообще нечто знать о людях. Познание человека было тем, что вообще пропитывало греческую и вообще прамудрость. Мистерии должны были давать знание о человеке. «Познай себя», — было одним из изречений мудрости. Но это древнее знание о человеке сообщалось косвенным путем, через Люцифера, и человек приобретал его, пользуясь ариманическими силами. Оно было целиком и полностью связано с равновесным состоянием между ариманическими и люциферическими силами.

Теперь представьте себе время, когда старый мир приближался к своему концу и, с другой стороны, приближалась Мистерия Голгофы, когда в отношении человечества наблюдалось легкое преобладание ариманических сил. В этот период ариманические силы действовали особенно интенсивно. Теперь, начиная с XVI столетия, произошло нечто подобное, некоторого рода ренессанс ариманических сил. Но в то время, когда случилась Мистерия Голгофы, ариманические силы также действовали особенно интенсивно. И вследствие этого человеческая душевная жизнь повернулась к абстракции, вплоть до той абстракции, которая выступает перед нами в римском существе, которое целиком подчинено абстракции. Спрашивается: что случилось бы с человечеством, если бы охарактеризованный сейчас поток развития продолжал действовать в эволюции человечества, если бы не было Мистерии Голгофы? Тогда случилось бы, что человек не мог бы приобрести ни одного понятия, ни одного представления, ни одного ощущения относительно человеческой личности.

Этим сказано нечто исключительно важное. Это угрожало людям, поскольку ничего больше не могли узнать от богов, поскольку даже была потеряна традиция получать от богов мудрость относительно личности, людям угрожала опасность все больше и больше становиться для себя загадкой. Люди могли достигать мудрости, но только через природу, но не через себя. И они постепенно должны были забыть, что они рождены из духа. Они должны были полностью забыть это.

Но тогда наступила Мистерия Голгофы. И из различных точек зрения, с которых можно охарактеризовать Мистерию Голгофы, мы обратим наше внимание на одну точку зрения, что вследствие Мистерии Голгофы людям вновь была дана способность с духовных высот, которые были ими потеряны в земной жизни, постижения себя как личности. Импульс Христа принес людям возможность снова постигать себя как личность, но теперь постигать себя как личность посредством внутренних сил.

Сегодня людям исключительно трудно представить себе, как древние люди приходили к познанию своей личности, поскольку они не хотят верить тому, что внешнее мировоззрение у древних людей было совсем другим. Невозможно понять такую личность, как Юлиан Отступник, во всем его историческом значении, не зная, что он был одним из последних людей, которые солнце видели иначе, чем мы видим его сегодня. Сегодняшний

человек видит солнце как физическое тело. Лунное воздействие несколько дольше оставалось для него природным влиянием. Еще сегодня влюбленные любят прогуливаться при луне, грезить и мечтать, при луне растет и расцветает фантазия; поэзия лунного света, истинная и ложная, еще сегодня широко распространена среди людей. Так же, но гораздо интенсивней, чем некоторые еще сегодня чувствуют луну, чувствовали древние люди, когда пробуждаясь они видели солнце. Когда пробуждаясь они видели солнце, то говорили не только о солнечном свете, они ощущали: из этого небесного существа изливается в нас вместе с лучами света, которые согревают и освещают нас, то, что делает нас личностями.

Это еще чувствовал Юлиан Отступник и верил, что это может сохранить человек. И это было его заблуждением; это было также его великой трагедией. Развивающееся человечество уже не могло больше ощущать свою личность в лучах физического солнца. Это познание личности человек должен был приобретать теперь духовным путем. То, что внешнее солнце в пространстве не могло больше дать, что уже не могло больше придти к человеку извне, должно взойти из внутренних глубин человека. Христос сам должен был связать свою мировую судьбу с человечеством, чтобы в этом постоянном колебании чашек весов между Ариманом и Люцифером оно не сошло с предписанного ему пути. И нужно с полной и глубокой серьезностью воспринять то, что Христос с духовных высот сошел к людям и свою судьбу связал с судьбой людей. Что это означает? Это означает следующее: когда человек до Мистерии Голгофы всматривался в чувственный мир, он видел в то же время духовное. Я вам уже пояснял это на примере солнечного мировоззрения. Это людьми было утрачено. Зато люди должны были получить другое *восприятие духовного*, и из этого духовного в то же время получать впечатления от чувственной действительности. Это характерная черта Мистерии Голгофы и ее отношения к человеческому познанию.

И Мистерия Голгофы, которая собственно дала смысл земному развитию, произошла незаметно для римлян в маленьком уголке мира, и Тацит, собственно говоря, не имел никаких верных сведений о Мистерии Голгофы, хотя он спустя сто лет после Мистерии Голгофы написал свои замечательные рассмотрения римской истории. История, собственно говоря, ничего не говорит о Мистерии Голгофы, ибо Евангелия — это не исторические книги; они написаны так, как я представил это в моей книге «Христианство как мистический факт»: они являются обращенными к жизни мистическими книгами. И сколько бы теологи ни пытались представить Мистирию Голгофы как событие, подобное любому другому историческому событию, они этого никогда не достигнут. Ибо именно характерным для Мистерии Голгофы является то, что исторически, на пути внешней фактической истории, о ней ничего невозможно узнать. Тот, кто хочет нечто знать о Мистерии Голгофы, должен верить в сверхчувственное. Мистерия Голгофы не допускает исторически-чувственных доказательств.

Подобно тому, как древний человек всматривался в чувственное и получал сведения о духовном, так и современный человек, если он не хочет потерять знание о личности, должен смотреть на Мистирию Голгофы как на сверхчувственный факт, и на основании созерцания сверхчувственного приходиться к убеждению: это является также историческим событием, хотя история ничего о нем не сообщает. Кто не учитывает того, что в ходе исторического развития человечества о важнейшем историческом событии ничего не сообщает история, что об этом не сохранилось никаких

исторических свидетельств, кто этого не учитывает, тот не понимает всего отношения Мистерии Голгофы к современному человечеству. Так в отношении Мистерии Голгофы человек должен учиться говорить о факте, которому нет никаких исторических свидетельств. И это фактическое должно действовать. Ибо что мы вчера говорили об исходящем от Аримана и Люцифера? Мы говорили, что Люцифер отвращает людей от интереса к своим ближним. Если бы в человечестве действовало только люциферическое, мы все больше и больше теряли бы интерес к нашим ближним. Нас мало бы затрагивало, как мыслит тот или иной человек. Мы могли бы хорошо определить меру люциферического в человеке, задав вопрос: интересуется ли человек другими людьми объективно, толерантно, или он интересуется ими только ради себя самого? Люциферические натуры мало испытывают интереса к своим ближним, они упрямы, скрытны, они только то считают правильным, что выдумали сами, что ощутили сами, они недоступны для суждений других людей. Если бы люциферическое также продолжало действовать в человеческом развитии, как это было до Мистерии Голгофы, то человечество постепенно встало бы на путь, который можно охарактеризовать так, что человек стал бы в своей душе замкнутым и жестким, каждый бы беспокоился только о себе, каждый принимал бы за истину только выдуманное им самим, и не имел бы никакого желания всматриваться в сердце другого. Но это ни что иное, как обратная сторона потери личности. Ибо когда мы теряем возможность познавать человека как личность, мы теряем также понимание личности нашего ближнего.

Было очень много людей, — гораздо больше, чем думают, именно в эпоху, когда приближалась Мистерия Голгофы, — в греческом, римском мире, в Африке, в западной Азии, много людей, которые в известном смысле были высокомерными, надменными, которые шли через мир как, не сказать оригиналы, но как высокомерные, одинокие люди, дорожившие своим одиночеством. Таких было много, были даже такие, которые делали из этого философию, которая призывала не беспокоиться о других людях, но следовать только тому, что сам носишь в себе. Это было следствием выпадения люциферического из равновесного состояния.

И присутствовало также ариманическое, и даже в избытке. Ярче всего это выразилось в воззрении первого римского цезаря Юлия, и из числа цезарей первым посвященным был только Август, да и то сомнительным путем; в то время как среди других были такие, кто принудили считать себя посвященными, которые считали себя сыновьями богов, якобы они от них произошли. Ибо ариманическое открывается в особенности в том, что человек не хочет жить как личность среди личностей, но что он хочет достигнуть власти, как я показал вчера, что он хочет господствовать, используя слабости других. Это были две величайшие опасности ко времени Мистерии Голгофы, которым несомненно подверглось бы человечество, если бы не явилась Мистерия Голгофы: потеря интереса к своим ближним и желание каждого индивидуума властвовать. Но когда Христос связал свою судьбу с судьбой человечества, он привил нечто чрезвычайно глубокое человечеству. Быть может вы поймете меня лучше всего, если я схематически укажу вам на то, что, собственно говоря, Христос привил человечеству. Мы, люди, носим в себе, как я показал, силы, которые мы развили посредством нашего исконного существа. Вы ведь знаете, что только во второй половине жизни мы становимся умнее, благодаря нашему изначальному существу. Я говорил об этом много и часто. Но этого

еще недостаточно. То, что я вам говорил относительно становления разума человека в период между рождением и смертью, справедливо, собственно говоря, только для земного развития, но мы должны дальше совершенствоваться, проходя в своем развитии через Юпитер, Венеру и Вулкан. Силы, которые мы должны развить, проходя через состояния Юпитера и Венеры, уже заложены в нас сейчас.

Но происходит следующее: вы знаете, что человек, приобретая самопознание в первой половине своей жизни, не может его приобрести посредством своего изначального человеческого существа. Он должен его приобретать посредством Люцифера. Его изначальное человеческое существо продолжает двигаться дальше. Люциферическое дает ему, поскольку оно внедряется в него в первой половине жизни, самопознание; это блестящее самопознание подавляется во второй половине жизни Ариманом.

С импульсом Христа в развитие человечества вступает другой поток; к глубокому внутреннему существу человека говорит импульс, который исходит от Мистерии Голгофы. И если бы человек должен был только своими изначальными силами развивать то, что его должно привести к тем космическим воззрениям, которые через Христа вступили в земное развитие, тогда этой способности человек достиг бы только на Венере. Итак, как бы ни был умен человек в период до своей смерти, он до самой своей смерти на Земле не смог бы достигнуть того, что он достигает благодаря тому, что импульс Христа связал свою судьбу с земным развитием.

Итак, мы проживаем нашу земную жизнь, не зная, может ли наше развитие до нашей смерти привести нас к тому, чтобы постигнуть импульс Христа. Но отсюда вы можете вывести следующее: были современники Христа, его ученики; они общались с ним, используя традиции прамудрости, они достигли такой мудрости, что позже могли написать о нем Евангелия; но они, собственно говоря, понять его не могли. Конечно, они до самой своей смерти не могли придти к пониманию импульса Христа. Когда же они смогли придти к нему? После своей смерти. Если мы будем считать Петра или Иакова современниками Христа, то когда же Петр и Иаков созрели для того, чтобы понять импульс Христа? Только в III столетии после Мистерии Голгофы, ибо до своей смерти они еще не созрели, они созрели только во II — III столетиях.

Тем самым мы коснулись одной очень важной тайны; давайте ее совершенно отчетливо проведем перед душой. Современники Христа должны были пройти через смерть, должны были жить в духовном мире до II-III столетия, тогда в жизни после смерти они смогли достигнуть познания Христа, и тогда они могли инспирировать тех, кто в конце II или начале III столетия писали об импульсе Христа. Поэтому все описания импульса Христа, поскольку они были получены посредством более или менее отчетливой, или более или менее смутной инспирации Отцов Церкви, носили особые черты, но только начиная с III столетия. Поэтому также Августин, бывший определяющей фигурой для Средневековья, жил в это время. Из этого вы видите, как обстоит дело с пониманием импульса Христа. Мудрость Венеры, если можно так выразиться, человек сегодня еще не может испытать до своей смерти, но только после своей смерти — в последующие столетия — он должен будет инспирироваться мудростью Венеры на Земле. И только благодаря счастливому случаю, — это звучит

довольно глупо, но трудно подобрать более удачное выражение, — оказалось возможным получить инспирацию во II и III столетиях, это было началом инспирации; иначе нужно было бы ждать дольше, и после 333 года человечество все более и более ожесточалось бы против духовного мира и не принимало бы никакой инспирации.

Вы видите, что действие импульса Христа в человечестве в течение столетий христианского развития было связано с различными тайнами. И каждый, кто стремится к ним в наши дни, найдет важнейшие составные части познания импульса Христа, только прибегнув к сверхчувственному познанию. Ибо первые действительные учителя человечества, в принципе, были мертвы в отношении импульса Христа, как вы видели из сказанного мной выше, — люди, бывшие современниками Христа, только в III столетии созрели для полного его понимания. В IV столетии это понимание могло возрастать, но возрастали также трудности получения человеком инспирации. И в VI столетии еще больше возросли эти трудности, пока наконец пришло время, когда Рим внес порядок в эту практику посвящения человечества в духовные тайны посредством мистерии Христа и подавил оппозицию ожесточенного человечества. Этот порядок был установлен Римом в IX столетии, в 869 году, на Соборе в Константинополе, где было окончательно покончено с духом. Вся эта возня с инспирациями стала слишком обременительной для Рима, и он провозгласил догму, что человек в своей душе имеет нечто духовное, но веру в духа стали считать ересью. Человек должен быть отвлечен от духа. Это то существенное, как я часто упоминал, что связано с восьмым Вселенским Собором, проходившим в Константинополе в 869 году. И это есть только следствие упразднения духа, когда иезуиты сегодня — я уже ссылаюсь на это — говорят: да, конечно, раньше была инспирация, но в наше время инспирация — это дьявольская вещь, не следует стремиться к сверхчувственному знанию, ибо это то, откуда приходит дьявол.

Все это связано, однако, с глубочайшими вещами, которыми мы должны интересоваться, если действительно хотим проникнуть в духовную науку. Они связаны с признанием определенного характера мудрости, который не признают многие так называемые духовидцы, особенно такие, которые часто объединяются в тайные общества. Существует, я бы сказал, определенный обман, который все снова и снова распространяется среди людей, распространяется теми, кто знает духовные тайны. И этот обман состоит в ложном противопоставлении, в ложной полярности. Разве вы не слышали, как люди говорят: есть Люцифер и его противником является Христос, — и люди выставляют как полярную противоположность Христа и Люцифера. Я вам уже говорил, что даже гётевская идея Фауста страдает от смешения Аримана и Люцифера, что Гёте не смог разделить ариманическое и люциферическое. Об этом говорится во второй главе моей книги «Духовный склад Гёте».

Но тем самым сказано нечто чрезвычайно важное. Те, кто хотят сообщить людям истину из духовного мира, утверждают, что истинная противоположность существует между Ариманом и Люцифером, импульс же Христа вносит нечто иное, и он не имеет ничего общего с полярностью Ариман-Люцифер, но он движется по равновесной линии. И от признания этого факта зависит нечто чрезвычайно важное. Но об этом мы будем говорить завтра.

ЛЕКЦИЯ ДВЕНАДЦАТАЯ

Дорнах, 6 октября 1918 г.

Вчера я сделал два замечания, извлеченных из науки, которую можно назвать наукой инициации, о которых я хочу вам напомнить, поскольку с ними мы должны связать дальнейшее. Прежде всего я сказал в отношении Мистерии Голгофы: глубочайшие истины, которые относятся к Мистерии Голгофы, должны по своей природе быть такими, которые не могут быть доказаны посредством внешних, чувственных, исторических свидетельств. И тот, кто на внешнем историческом пути ищет доказательство того, что была Мистерия Голгофы, подобно тому, как ищут исторических свидетельств других фактов, тот не сможет найти таких свидетельств, поскольку Мистерия Голгофы так вчленена в человечество, что доступ к ее истинности может быть найден только на сверхчувственном пути. Человек должен привыкнуть, тривиально выражаясь, так подходить к важнейшему в земном бытии, чтобы можно было приблизиться к нему не только чувственным, но также сверхчувственным путем. Второе, о чем я говорил вчера, это то, что человек с тем разумом, который он приобрел в ходе своего развития как земное существо, собственно говоря, до самой своей смерти, — заметьте, до самой смерти, — не способен, исходя из своего собственного, развившегося внутри чувственного мира, разума, придти к пониманию Мистерии Голгофы. Я сказал: только после смерти, только *post mortum*, т.е. когда человек находится в сверхчувственном мире, развиваются в человеке понимание и силы для этого понимания, которые могут ему дать полное разъяснение относительно Мистерии Голгофы. Поэтому я сказал вчера нечто, что, само собой разумеется, внешним миром может быть воспринято как абсурд, как парадокс. Я сказал, что, собственно говоря, даже сами современники Христа только во II и III столетия после Мистерии Голгофы смогли придти к ее пониманию, — т.е. в потусторонней жизни, — и те истинные писатели, которые в эти столетия писали о Мистерии Голгофы, были инспирированы из духовного мира этими современниками.

В кажущемся противоречии с этим стоит то, что Евангелия, книги, явившиеся плодом инспирации, как это следует из моего труда «Христианство как мистический факт», являются инспирированными книгами христианства. Инспирированные Евангелия только потому могут выразить истину о христианстве, что они, как я часто подчеркивал, написаны не исходя из изначального существа человека, но оперировали последними остатками атавистически-ясновидческой мудрости.

То, что я сказал об отношении человечества к Мистерии Голгофы, почерпнуто из самой науки инициации. Если таким путем, из этого сверхчувственного познания, могут быть получены какие-то сведения, то может встать вопрос: как к этому следует относиться, если сравнить с ним факты внешней исторической жизни? И я хочу в начале наших сегодняшних рассмотрений, как особенно характерный случай, — прежде всего как вопрос, ответ на который мы получим только в конце сегодняшних рассмотрений, — представить одного типичного церковного автора второго столетия. С таким же успехом я мог бы (но тогда все рассмотрение я должен был бы вести в другой форме) выбрать Климента Александрийского, Оригена, я мог бы выбрать какого-нибудь другого церковного автора.

Но я выбрал того, кого чаще всего упоминают — Тертуллиана. И, рассматривая личность Тертуллиана, я задаю вопрос: как внешнее течение христианской жизни относится к этим сверхчувственным фактам, о которых я говорил вчера, и существенное содержание которых я повторил сегодня?

Тертуллиан — это весьма примечательная личность. Те, кто слышат о Тертуллиане такие вещи, которые обычно о нем говорят, вряд ли знают о нем больше того, что он якобы пытался обосновать веру в существо Христа, в его жертвенную смерть, в его воскресение известным изречением: *Credo, quia absurdum est* — Верю, поскольку это абсурдно, поскольку не поддается разуму. Мы не найдем во всех сочинениях Тертуллиана этих слов: *Credo, quia absurdum est*. Их не найти также во всех других сочинениях Отцов Церкви; они выдуманы, но впоследствии легли в основу мнения о Тертуллиане, и сегодня их часто воспринимают как догму. Напротив, если изучать самого Тертуллиана, — при этом не обязательно быть его последователем, — то по мере того, как знакомишься с личностью Тертуллиана, все более и более проникаешься уважением к этому замечательному человеку. Прежде всего уважение вызывает то, как Тертуллиан пользуется латинским языком, этим латинским языком, который является выражением абстрактнейшего человеческого образа мышления, который к его времени у других писателей уже давно стал выражением для насковозь прозаического выражения римского духа, с каким истинным пылом он его использует: он вкладывает в свои описания темперамент, подвижность, священную страсть. И хотя он является типичным римлянином, который выражается так абстрактно, как только это может делать римлянин в отношении реальностей того времени, хотя по мнению людей, получивших греческое образование, он был не слишком образованным человеком, он пишет выразительно, с внутренней силой, он пишет так, что на основе абстрактного латинского языка он становится творцом христианского стиля. И сама его манера говорить является достаточно впечатляющей. И когда он пишет в защиту христиан, то, надо сказать, написанное слово действует так, как если бы оно непосредственно произносилось охваченным священной страстью человеком. Есть такие места, где Тертуллиан становится защитником христиан, которые, когда их обвиняют в ходе процедуры допроса, весьма близкого к пыткам, не отрицают, но подтверждают, что они являются христианами и говорят, во что они верят. Тертуллиан говорит: обычно тех, кого пытаются, обвиняют в том, что они лгут; с христианами все совсем наоборот: их называют безумными, когда они высказывают то, что живет в их душе. Посредством пыток их хотят принудить не к тому, чтобы они сказали истину, единственное, что имело бы смысл; их хотят принудить к тому, чтобы они говорили неистину, тогда как они говорят истину. И если их душа высказывает истину, на них смотрят как на злодеев.

Короче говоря, Тертуллиан был человеком, имевшим тонкое чувство для абсурдного в жизни. И Тертуллиан был уже духовной личностью, которая срослась со всем тем, что развилось как христианское сознание и христианская мудрость, он был тонким наблюдателем жизни. Он говорит нечто действительно важное, когда произносит следующие слова: вы имеете изречения, в жизни же вы часто говорите, исходя из непосредственного ощущения души: Бог велит, Бог хочет и т.п. Но это есть вера христиан: душа, именно когда она говорит бессознательно, говорит как христианка. Тертуллиан — это человек независимого духа. Тертуллиан говорит римлянам, к которым он принадлежит сам: рассмотрите Бога-Христа и

рассудите, что вы сами ощущаете в отношении истинной религиозности. И я спрашиваю вас, действительно ли то, что римляне принесли в мир, соответствует истинной религиозности, или истинной религиозности больше соответствует то, чего хотят христиане. Вы вносите в мир войну, смерть и убийство; этого как раз не хотят христиане. Ваши святилища обременительны для богов, поскольку они являются победными трофеями, но победные трофеи являются не святилищами, а признаками осквернения святилищ. Это говорит Тертуллиан своим римлянам! Этот человек обладал независимым чувством и, глядя на римские деяния, говорил: молятся ли люди, когда они естественно смотрят на небо или когда смотрят на Капитолий? При этом Тертуллиан ни в коем случае не был человеком, погруженным в абстрактную римскую культуру, ибо он глубоко чувствовал присутствие в мире сверхчувственно-сущностного. Тех, кто ведет себя так независимо и свободно и говорит, исходя из сверхчувственного, как Тертуллиан, их следует искать в той эпохе, когда сверхчувственное было ближе к людям, чем когда-либо позже! И Тертуллиан говорит не только в рациональном смысле: христиане говорят истину, а их обвиняют в злодействе, тогда как если человек лжет под пытками, он может быть обвинен в злодействе. Конечно, это было не только разумно, но также мужественно, но Тертуллиан высказывал и другие вещи; он говорил, например: если бы вы, римляне, действительно взирали на ваших богов, которые суть демоны, и действительно спрашивали у ваших демонов, то вы бы узнали истину. Но вы не хотите узнать от демонов истину. Поставьте человека, одержимого демоном, из которого говорит демон, перед христианином, и спросите его правильным образом о христианине, тогда демон признается, что он демон, и о Боге, которого признает христианин, он скажет, хотя и со страхом: это Бог, который теперь принадлежит миру! Тертуллиан апеллирует не только к свидетельству христиан, но и к свидетельству демонов, когда он говорит, что демоны признают себя демонами, если только их бесстрашно спросить, и они точно так же, как описано в Евангелиях, признают Иисуса Христа действительным Иисусом Христом.

Во всяком случае, это замечательная личность, которая во II столетии, сама будучи римлянином, противостояла римлянам. Особенно поражает нас эта личность, когда мы видим, как она ведет себя в отношении Мистерии Голгофы. Слова, которые произнес Тертуллиан в отношении Мистерии Голгофы, следующие: распятый — это Сын Божий. Мы не стыдимся этого, поскольку это постыдно. Умерший есть Сын Божий; это полностью заслуживает доверия, поскольку это глупо. Слова Тертуллиана означают: *Prorsus credibile est, quia ineptum est*. Это заслуживает доверия, это полностью заслуживает доверия, потому что это глупо. Итак: умерший есть Сын Бога; это заслуживает полного доверия, потому что это глупо. И Он похоронен и воскрес, это несомненно, поскольку невозможно. *Prorsus credibile est, quia ineptum est* — из этих слов произвели другое, ложное изречение: *Credo, quia absurdum est*.

Нам нужно правильно понять слова, которые говорит Тертуллиан о Мистерии Голгофы. Тертуллиан сказал: распятый — это Сын Божий. Мы не стыдимся этого, поскольку это постыдно. Что он, имеет в виду, говоря это? Он имеет в виду, что наилучшее, что может произойти на Земле, должно быть постыдным, потому что людям свойственно делать постыдное, а не превосходное. Тертуллиан считает: если где-то что-то было объявлено превосходным деянием, осуществленным человеком, то оно не будет

превосходным для земных явлений. Превосходным для земных явлений деянием будет такое, которое человеку приносит стыд, а не славу; вот что имеет в виду Тертуллиан.

Далее: умерший есть Сын Божий. Это полностью заслуживает доверия, поскольку человеческий рассудок находит это глупым. Если бы человеческий рассудок находил это разумным, то этому нельзя было бы доверять, поскольку то, что человеческий рассудок находит разумным, не может быть наивысшим, не может быть высшим на Земле. И поскольку человеческий разум не слишком высок в своей разумности, чтобы придти к наивысшему, он приходит к наивысшему, когда он становится глупым.

И Он похоронен и воскрес, это несомненно, поскольку невозможно. В пределах природных явлений это невозможно, чтобы мертвый воскрес; но Мистерия Голгофы, по мнению Тертуллиана, не имеет никакого отношения к природным явлениям. Если где-то нечто можно было бы посчитать природным явлением, то это не могло быть наиценнейшим на Земле. Наиболее ценное на Земле не должно быть природным явлением, т.е. должно быть невозможным внутри природных царств. Именно поэтому Он был погребен и воскрес, и это несомненно, поскольку это невозможно.

Во первых, я хотел бы самого Тертуллиана, особенно с его словами, которые я привел из его книги «*De carne Christi*», поставить в качестве вопроса. Я попытался его охарактеризовать, во-первых, как свободную, независимую духовную личность, во-вторых, как личность, которая в непосредственном окружении людей видела также демонически-сверхчувственное. Но я привел также три его изречения, из-за которых все разумные люди должны считать Тертуллиана простаком.

Однако в таких вещах всегда нужно учитывать, что люди судят односторонне; если они берут одно, к тому же неправильное предложение, такое как *Credo, quia absurdum est*, они по нему судят о всем человеке. Но также необходимо эти три предложения, которые не так-то легко понять, — Тертуллиан также не объясняет их, — связать, во-первых, с независимой духовностью Тертуллиана и затем с его полной уверенностью в воздействии сверхчувственного мира в окружающем человека мире.

И теперь давайте поставим перед своей душой то, что снова позволит нам некоторым образом с другой точки зрения осветить Мистерию Голгофы. То, что позволяет пролить свет на Мистерию Голгофы, это два явления в жизни человечества, о которых позавчера я сказал несколько слов: первое явление — это смерть, второе явление — это наследственность. Смерть, которая связана с концом жизни, наследственность, которая связана с рождением. В отношении смерти и наследственности важно то, чтобы уяснить себе их отношение к человеческой жизни и человеческой науке. Из всего того, что я вам представлял в течение нескольких недель, вы должны усвоить следующее: когда человек воспринимает посредством своих внешних чувств окружающий мир и хочет понять своим рассудком чувственное, тогда среди чувственных явлений ему встречаются также феномены наследственности: до некоторой степени в потомках прослеживаются свойства предков, и в человеке из подсознания действуют эти силы наследственности. То, что связано с мистерией рождения, это все различные наследственные признаки, мы их изучаем, зачастую не думая о них; когда мы, например, изучаем народоведение, мы всегда говорим о наследственных признаках, не заостряя на этом внимание. Невозможно изучать народ без того, чтобы все, что изучают, не рассматривать в кругу

наследственных признаков. Когда вы говорите о каком-нибудь народе, о русских, англичанах, немцах и т.д., то речь идет о наследственных признаках, которые передаются от отца к сыну, от деда к отцу и т.д. Область наследственности, связанная с мистерией рождения, весьма широка, и когда мы говорим о внешней жизни, мы говорим, часто не сознавая этого, о фактах, о силах наследственности.

То, что мистерия смерти разыгрывается в чувственной жизни человека, это всегда находящийся у нас перед глазами факт, так что для описания этого не нужно много слов. Но если, я бы сказал, рассмотреть познавательные способности человека, то дело представится несколько иначе. А именно, окажется, что эти человеческие познавательные способности пригодны для того, чтобы многое постигать в природном порядке, но они ведут себя суверенно и хотят познавать все, что принадлежит этому природному порядку. И эти человеческие познавательные способности непригодны для постижения факта наследственности, связанного с мистерией рождения, и факта смерти. И своеобразное явление наблюдается в человеческой жизни: все человеческое воззрение пронизано ложными понятиями, поскольку это воззрение приписывает эти факты чувственному миру, и помещает их в чувственный мир, хотя они по своей природе имеют духовный характер. Человеческую смерть, — со смертью животных и растений дело обстоит несколько иначе, позавчера я уже обращал на это ваше внимание, — мы причисляем к явлениям, которые разыгрываются в чувственном мире, поскольку это так выглядит. Но тем самым мы теряем возможность узнать что-либо о человеческой смерти. Никогда естествознание не может ничего сказать о смерти человека, но мы достигаем только того, что все наше человеческое воззрение превращается в ложный образ, ибо мы всюду примешиваем факт смерти. И мы сможем нечто узнать истинное о природе, если мы исключим из нее смерть, а также наследственные признаки. Своеобразие человеческого знания состоит в том, что оно портится, — если можно употребить такое выражение, — становится ложным образом, если оно думает, что может распространиться на весь чувственный мир, в том числе на смерть и рождение; и поскольку к постижению природы примешивается смерть и рождение, искажается все воззрение в отношении чувственного мира. Мы никогда не сможем постичь человека как чувственное существо, если к чувственному миру будем причислять наследственные свойства, которые связаны с рождением. Искажится весь образ человека — в нем я представил три потока: прямая линия нормального развития и две боковые — люциферическая и ариманическая, — искажится и все развитие человека по прямой линии, если рождение и смерть причислить к человеку, если рассматривать человека принадлежащим чувственному миру.

Так странно обстоит дело с человеческими познавательными способностями, которые под водительством природы сами склоняются к ложному мышлению, поскольку при мышлении, согласном с истиной, они должны были бы из природы выделить образ, в котором не было бы места в человеческой жизни ни смерти, ни наследственности. Нужно абстрагироваться от смерти и наследственности; нужно также отбросить смерть и рождение, и нужно, отказавшись от всего этого, создать образ; тогда мы получим образ природы. В мировоззрении Гёте не нашли себе места наследственные признаки и смерть. Они в него не вошли, они сюда не подходят. В этом как раз состоит своеобразие гётевского мировоззрения: в рамках гётевского мировоззрения вы не можете оперировать с наследствен-

ностью и смертью. Именно поэтому оно так доброкачественно, и поэтому его можно принять как истинный природный образ действительности, так как в нем не нашли места смерть и наследственность.

Во времена до Мистерии Голгофы, исходя из определенных духовных оснований, еще естественным образом мыслили смерть и наследственность. Семитские народы рассматривали наследственные признаки как непосредственное продолжение бога Ягве; можно понять воззрение, связанное с Ягве, только если знать это. Они представляли себе наследственность, — по меньшей мере там, где хорошо понимали воззрение, связанное с Ягве, — чисто на природной основе, и видели в ней непосредственное продолжение действия Ягве. Бог Авраама, бог Исаака, бог Иакова, это было не что иное, как продолжение, унаследованные признаки. И греческое мировоззрение искало (хотя в своем упадке оно мало чего достигло), возможность открыть в человеческой природе нечто, что жило бы в человеке также в период между рождением и смертью, но что не имело бы отношения к смерти, искало нечто возвышающееся над суммой явлений, в которые может вмешиваться смерть. Греческое мировоззрение испытывало некоторый ужас перед постижением смерти; поскольку оно было обращено именно на чувственное, оно не хотело постигать смерть, так как инстинктивно чувствовало: если направлять взгляд только на чувственный мир, — как это делал Гёте, — то смерть предстанет чем-то чужеродным. Она не подходит к чувственному миру, она нечто чужеродное.

Но из этого возникли некоторые другие воззрения, и это иное становление определенных старых воззрений особенно характерно для задающих тон народов и людей, когда приблизилось время Мистерии Голгофы. Люди — я позволю себе выразиться популярно — все более теряли способность посредством атактистического ясновидения всматриваться в духовный мир; вследствие этого они все более и более склонялись к мнению, что рождение и смерть, или наследственность и смерть, принадлежат чувственному миру. Ведь наследственность и смерть играют очень ощутимую роль в чувственном мире. И человечество все более и более склонялось к воззрению, что наследственность и смерть принадлежат чувственному миру. И это угнездило во всем мировоззрении. Все человеческое мировоззрение еще за несколько столетий до Мистерии Голгофы было пронизано верой, что наследственность и смерть имеют какое-то отношение к чувственному миру. Вследствие этого возникло нечто весьма примечательное. Вы поймете это, если дадите правильным образом воздействовать на вас духу того, о чем я говорил в эти дни.

Вы найдете факты наследственности, если углубитесь в рассмотрение природных явлений. Их считают природными явлениями; все более и более распространяется мнение, что наследственность является природным явлением. Всякий такой факт, проявляющийся в жизни вызывает полярно противоположный; вы не можете в человеческой жизни найти ни одного такого факта, который не вызвал бы прямо противоположного. Жизнь человека протекает в равновесии противоположностей. Основным условием всякого познания является признание того, что жизнь протекает в противоположностях и нужно только стремиться к состоянию равновесия между противоположностями.

Что же явилось следствием этой веры в то, что наследственность вливается в природные явления, что она принадлежит к природным

явлениями Следствием этого было величайшее оскорбление человеческой воли. Это оскорбление человеческой воли состояло в том, что — поскольку образуются противоположности — в человеческую волю влился в древние времена один факт, который мы в тайноведении определяем как воздействие люциферических и ариманических духов, и один факт, который, собственно, искали в природе, который так подействовал на человеческую душу, что стал побуждением к созданию одного морального мировоззрения. Поскольку наследственность причислили к природным явлениям и стремились познать ее на этом пути, образовалась противоположность: вера в то, что через человеческую волю некогда произошло то, что распространилось в мире, как первородный грех. Именно вследствие ложного причисления наследственности к природным явлениям произошло величайшее зло — внесение первородного греха в моральное поле.

Тем самым было повреждено также мышление людей; ибо это мышление не пришло к правильному воззрению, что то, что обычно человек представляет себе как первородный грех, является богохульным представлением, является ужасным богохульством. Бог, который, как это представляет себе большинство людей, чисто из амбиций допустил то, что произошло в раю, сделал это не из тех импульсов, которые описаны в «Тайноведении», но так, как обычно это представляют, поистине не был бы высшим Богом. И приписывать Богу такие амбиции является величайшим богохульством. И только тогда, когда придут к тому, чтобы наследственные признаки, то, что передается от предков к потомкам, рассматривать и не пытаться толковать с моральной стороны, как это представлено в теологии раввинов, но как чувственные факты рассматривать в сверхчувственном свете, только тогда мы поймем то, что здесь произошло. Теология раввинов всегда посредством рассудка интерпретировала то, что как силы наследственности распространяются в чувственном мире, но их следует изучать посредством духовного созерцания, чтобы уже в наследственных признаках в чувственном мире открыть дух. Это то, к чему нужно стремиться. И особенно важно для вас видеть, что без Мистерии Голгофы человечество ко времени Мистерии Голгофы пришло бы к отрицанию духа, потому что люди перестали бы распознавать дух в наследственных признаках, проявляющихся в чувственном мире, поскольку люди все больше и больше приходили к тому, чтобы на место духовного видения поставить интерпретации раввинов или социалистические интерпретации. От этого зависит чрезвычайно многое, чтобы мы могли сказать: ты ничего не поймешь в чувственном мире, если не подготовлен к тому, что в чувственном мире является чужеродным элементом, поскольку он находится в духовных связях. К наследственным взаимосвязям следует подходить с духовным, сверхчувственным воззрением. Но рассудок, который чувственное, уже даже сверхчувственное, духовное, преобразует в постигаемое рассудком моральное, противостоит духу Христа, духу Мистерии Голгофы. Это относится к наследственности и к смерти.

Конечно, именно Отцы Церкви могли констатировать, что среди язычников тоже было множество людей, которые были убеждены в бессмертии. Но что при этом имелось в виду? В древние времена при этом имелось в виду, что смерть в чувственном мире уже является сверхчувственным явлением. Уже ко времени Мистерии Голгофы мировоззрение было искажено тем, что смерть стали рассматривать как чувственное явление и тем самым силы смерти распространились также и во всем остальном чувственном мире. Смерть должна внутри чувственного мира

рассматриваться как чужеродный элемент. Только тогда может быть создана чистая наука о природном порядке.

Сюда добавились рассуждения некоторых философов на исходе древнего мира о бессмертии. Они обратились к проблеме бессмертия в человеке и были правы, отрицая бессмертие, поскольку предполагали, что смерть находится в чувственном мире. Но они говорили это, исходя из упадочного мировоззрения; ибо если бы они исходили не из него, то должны были сказать: смерть не существует в чувственном мире, только кажется, что она принадлежит чувственному миру. И постепенно у них складывалось такое представление о чувственном мире, что в нем содержится смерть. Тем самым были искажены и все остальные вещи. Естественно, если представлять себе, что смерть находится в чувственном мире, то будут искажены и все остальные вещи. Но если за исходную точку зрения взять упадочное мировоззрение, тогда нужно сказать: мы должны где-то нечто найти, что противоречило бы смерти, мы должны обратиться к сверхчувственному, которое противоречит смерти.

И вследствие того, что на исходе древнего мира люди, исходя из упадочного мировоззрения, обратились к неличностному духовному, этот бессмертный духовный мир — хотя его и называли иначе — приобрел люциферический характер. Не важно, как люди называют те или иные вещи, важно то, что действительно стоит за их представлениями. Итак, мы имеем люциферический мир. И хотя употребляли при этом другие слова, философы конца языческого периода, собственно говоря, во всех своих интерпретациях говорили следующее: мы, будучи душами, чтобы избежать смерти, хотим улететь к Люциферу, который нас примет, так что мы будем бессмертными. Умирая, мы устремляемся в царство Люцифера. Таков был истинный смысл их слов.

Последствие этих сил, которые, как я показал, действовали в человеческом сознании, заметно еще и сегодня. Ибо что вы должны, собственно говоря, сказать, если вы серьезно воспримете слова, которые я вам говорю, исходя из мудрости инициации? Вы должны сказать: человек имеет начало и конец. И то и другое невозможно постигнуть с помощью рассудка, который пригоден для познания природы. Мы придем к ложному воззрению относительно как сверхчувственного, так и чувственного, если рождение и смерть мы примешаем к чувственному, которому они не принадлежат, поскольку они являются в нем чужеродными элементами. В обоих случаях мы получим искажения. Мы исказим как постижение духа, так и постижение природы. Каковы же будут последствия этого? Одним из последствий будет, например, следующее: существует антропология, которая происхождение человека сводит к низшим существам, и очень умно интерпретирует это средствами естествознания. И посредством всех этих антропологий, которые происхождение человека сводят к низшим существам, формируется представление, как будто то, что мы наблюдаем сегодня среди диких народов, было в начале появления человеческого рода. С естественнонаучной точки зрения эти рассуждения совершенно правильны, если взять за основу такие представления. Но выводы, которые должны следовать из этого, будут следующие: поскольку с точки зрения естествознания все это правильно, если предполагать, что рождение и смерть принадлежат чувственному миру, постольку оно ложно, так как истинное происхождение человека совсем другое. И Кант и Лаплас выдумали свою теорию, исходя из естествознания. Кажется, что нечего на

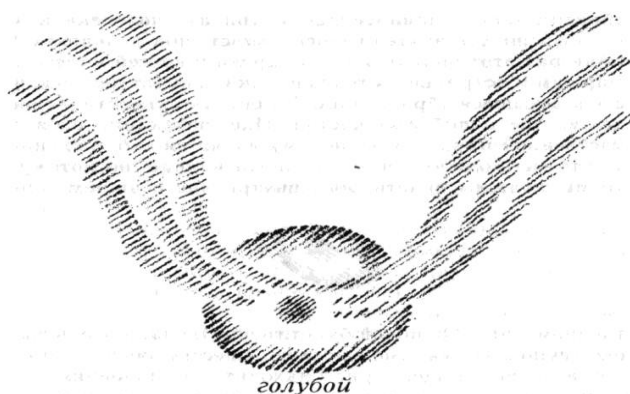
это возразить, но именно потому все было иначе, что теория Канта-Лапласа правильна с точки зрения сегодняшнего естествознания. Вы придете к правильной точке зрения, если в отношении происхождения человека и его целей, а также происхождения мира и целей мира, примете прямо противоположное тому, что является правильным в смысле современного естествознания. Антропософия тем более может сказать нечто правильное о происхождении Земли, чем более она стоит в противоречии с тем, что может сказать истинное в сегодняшнем смысле естествознание. Но из этого не следует, что антропософия противоречит сегодняшнему естествознанию! Она признает естествознание, но расширяет его не за его границы, а указывает на те пункты, где требуется перейти к сверхчувственному наблюдению. И чем более логична антропология, чем больше правильного она может сказать относительно сегодняшнего природного порядка, который необходим человеку и является его природным свойством, тем более она будет воздерживаться от того, чтобы утверждать то, чего не было в начале развития человека на Земле! И тем менее естествознание будет знать о смерти, чем более оно будет предаваться своим фантастическим представлениям о смерти.

Но без Мистерии Голгофы земной судьбой человека стало бы то, что он должен был бы именно о важнейших вещах судить, исходя из упадочного мировоззрения; ибо это зависит не от человеческой воли, и здесь нет никакой вины человека, но это зависит исключительно от человеческого развития. Человек просто в ходе своего развития пришел к тому, чтобы это сочетание плоти, крови и костей, внутри которого он находится, считать самостоятельным самим по себе. Древнему египтянину в лучшие времена египетской цивилизации показалось бы ужасно комичным, если бы кто-нибудь стал утверждать, что то, что ходит на двух ногах, состоит из крови, плоти и костей, это и есть человек. Но эти вещи не зависят от теоретических рассуждений, они не могли быть результатом какого-либо мудрствования; постепенно для человека стало само собой разумеющимся то, что образование из плоти, крови и костей, которое в действительности является отражением деятельности всех Иерархий, стало рассматриваться как самостоятельное само по себе. Тем более распространилось заблуждение относительно этих вещей, что курьезным образом некоторые видевшие эти заблуждения сами впали в еще большие заблуждения.

Конечно, некоторые пришли к воззрению, — но они пришли к нему люциферически-ариманическим путем, — что человек — это не то, что состоит из плоти, крови и костей. Они говорили: если мы есть нечто лучшее, чем это образование из плоти, крови и костей, то давайте отбросим плоть, давайте рассматривать человека как нечто высшее, давайте отбросим чувственного человека! И как раз этот образ из плоти, крови и костей вместе с эфирным и астральным телами, как его видит человек, и есть кажущееся образование. В действительности же он есть чистое подобие божества. Идентификация себя с чувственной природой не потому является заблуждением, что мы должны видеть дьявола в мире, но потому, что мы должны видеть Бога внутри нас в нашем собственном мире. Ошибкой будет говорить: да, я очень высокое существо, ужасно высокое существо, очень возвышенная душа, и здесь (рис.) находится малоценная, отвратительная окружающая среда.

Это не так, в действительности нужно представлять себе следующее: царство высших Иерархий, божественных существ (см. рис.), в качестве своей божественной цели хотят совместно сформировать такое образование (голубой круг), которое является их отображением. Это образование внешне представляется как видимое человеческое тело. И мы клеветаем на это образование, которое является отображением божества, если мы презираем его как нечто низшее; в это образование Духи Формы вложили человеческое «я», нынешнюю душу, которое является ребенком среди остальных членов человеческого существа, как это я часто вам говорил (точка в голубом кругу).

То есть если бы не было Мистерии Голгофы, человек мог бы иметь только ложные воззрения относительно наследственности и смерти, и эти ложные воззрения все больше и больше нарастали бы. Теперь они иногда выступают атавистическим образом, — так в некоторых социалистических кругах сегодня придерживаются атавистического мировоззрения, — в виде такого воззрения, которое смерть и рождение причисляет к чувственным явлениям. И в ходе дальнейшего развития человечества может произойти то, что перед человеком вообще закроются врата в сверхчувственный мир, и то, что он сможет еще найти в чувственном мире от бессмертия, наследственности и смерти, станет для него соблазном, который особенно коварным образом выступит, когда он будет говорить: мы чувственны, тогда как люди таковыми не являются. Только если мы не будем доверять природе, которая представляет нам рождение и смерть, мы придем к истине. В таком парадоксальном отношении человек находится к миру.

В человека должно быть внедрено нечто, способное это развитие удерживать в равновесии, которое может удержать человека от этого заблуждения, что наследственность и смерть в человеческой жизни являются чувственными явлениями. Для этого ему должно быть представлено нечто, проясняющее: смерть и наследственность — это сверхчувственные, а не чувственные явления. Поэтому событие, которое снова возвращает человека к истине в отношении этих вещей, непостижимо посредством обычных человеческих сил, ибо они находятся на пути к упадку и могут быть восстановлены только посредством мощного противоположного толчка. И этим противоположным толчком была Мистерия Голгофы, поскольку она вступила в человеческое развитие как нечто сверхчувственное, так что человек в дальнейшем встал перед

выбором: либо ты веришь в это сверхчувственное и посредством него приближаешься к его познанию сверхчувственным путем, либо ты придержишься всевозможных других воззрений, которые рассматривают смерть и наследственные признаки как принадлежащие чувственному миру. Поэтому ингредиентами истинного воззрения на Мистерию Голгофы являются оба ее пограничных факта: Воскресение, которое не может быть мыслимо без связи с *Conseptio immaculata*, и рождение, не такое, как это понимают, говоря о рождении человека, но сверхчувственным образом, и сверхчувственный же проход через смерть. Это два главных факта, которые являются пограничными в жизни Иисуса Христа. Никто не поймет факта Воскресения, который должен быть истинным представлением, противопоставленным ложному представлению о том, что смерть принадлежит чувственному миру, никто не поймет этого факта Воскресения, если не признает также его коррелята, *Conseptio immaculata*, беспорочного зачатия, Рождения как сверхчувственного факта. Люди должны это понять, Воскресение и *Conseptio immaculata*; и новейшие протестантские теологи даже в рамках своей теологии хотят понять эти факты с помощью обычного человеческого рассудка, который всего лишь является учеником чувственного мира, а именно, упадочным мировоззрением, образовавшимся со времен Мистерии Голгофы. И поскольку они не могут их понять, они становятся гарнакианцами или чем-то подобным, отрицают Воскресение и делают различные высказывания на этот счет. *Conseptio immaculata* они также рассматривают как нечто, о чем разумный человек не должен говорить.

Однако с Мистерией Голгофы тесно связано то, что в ней содержится метаморфоза смерти, т.е. ее метаморфозирование из чувственного факта в сверхчувственный факт, и метаморфоза наследственности, т.е. то, что отражается нам в чувственном мире посредством наследственности, связанной с Мистерией Голгофы, переводится в сверхчувственное посредством *Conseptio immaculata*.

Однако сколько бы ошибочного и неверного не было сказано об этих вещах, задачей человека является не принимать этого бездумно, но усвоить такое сверхчувственное познание, чтобы эти вещи, которые не могут быть постигнуты в чувственном, учиться постигать посредством сверхчувственного. Если вы изучите различные циклы, в которых речь идет об этих вещах, особенно если вы изучите содержание излагаемого мной Пятого Евангелия, то вы найдете целый ряд путей, которые ведут к пониманию обеих этих вещей, но только это понимание достигается сверхчувственным путем. Можно согласиться с тем, что — пока рассудок ученика остается чувственным, как это сегодня проявляется в человеческом мировоззрении, — человек не может понять эти факты. Именно, поскольку высшие факты Евангелий таковы, что рассудок ученика, пока он остается чувственным, не может их постичь, постольку они верны. Поэтому не удивительно, что так называемая внешняя наука побеждает науку инициации, поскольку последняя говорит о вещах, которые, само собой разумеется, — именно поскольку они не стоят в противоречии с истинным естествознанием, — противоречат природному порядку, который вытекает из упадочного воззрения на природу. И теология, если она не возьмет другого направления, также впадет в это упадочное воззрение на природу. И если вы учтете также то, о чем я говорил вчера, что человек только после смерти может придти к правильному воззрению на Мистерию Голгофы, то вам это уже больше не будет казаться непонятным, поскольку человек по-

средством смерти, проходя через врата смерти, вступает в мир, в котором он уже не может обманываться, что смерть принадлежит чувственному миру, ибо он видит смерть с другой стороны, — я часто описывал эти вещи, — и он все более и более познает смерть с другой стороны. Но благодаря этому он становится все более зрелым для того, чтобы Мистерию Голгофы рассматривать в ее истинном виде. Итак, можно сказать: если бы не было Мистерии Голгофы, — но то, о чем здесь идет речь, постигается только в сверхчувственном познании, — то люди бы умирали. Это было бы злом в мире, и было бы также мудростью в мире. Но поскольку люди в ходе своего развития должны были придти к упадочному воззрению на природу, они должны были также иметь ложное представление о смерти. Вследствие этого, желая быть бессмертными, они обратились к Люциферу, и они попадают под власть Люцифера именно тогда, когда хотят обратиться к духу. Если они не пытаются обратиться к духу, то становятся подобными бессловесному стаду, если же они обращаются к духу, то попадают под власть Люцифера. Стремление видеть мир будущего означает хотеть стать бессмертным в Люцифере; стремление видеть прошлое означает желание так интерпретировать мир, чтобы то, что в наследственных признаках содержится как сверхчувственное, перевести в моральное и вследствие этого сфабриковать средневековое богохульство о первородном грехе.

От всех этих вещей оберегает истинная верность Мистерии Голгофы. Она представляет истинное воззрение, обретенное на сверхчувственном пути, истинное воззрение на факты рождения и смерти в мире. И посредством такого истинного воззрения люди должны быть исцелены от ложного, упадочного воззрения. Поэтому Иисус Христос является Целителем, Спасителем. Поэтому действует Он, — поскольку люди не просто из-за своей никчемности выбрали путь упадочного мировоззрения, но пришли к нему в ходе своей эволюции, в силу своей природы, — исцеляюще, поэтому Он в действительности является не только учителем, но также врачом человечества.

Эти вещи следует тщательно обдумать, — я часто это говорил и снова должен это повторить, что только посредством сверхчувственного познания их можно видеть, — и если спросить себя: к какому познанию могли придти души, которые во II столетии были инспирированы тем же духом, что и Тертуллиан? — то мы должны обратиться к мертвым, которые, возможно, были современниками Иисуса Христа и инспирировали Тертуллиана. В мире было много упадочных знаний, многое было извращено, замутнено, выступало в тех или иных замутненных нюансах. Но если мы сквозь слова Тертуллиана слушаем умерших к тому времени, но инспирированных современников Христа, тогда мы начинаем понимать слова Тертуллиана, такие его изречения как: «Распят Сын Божий. Мы не стыдимся этого, поскольку это постыдно». Люди должны были бы, вследствие упадочного воззрения, испытывать стыд; то, что должно составлять высший смысл Земли, в человеческой жизни проявилось как позорное дело. «Умер Сын Божий. Это полностью заслуживает доверия, поскольку это глупо, *Prorsus credibile est, quia ineptum est*». Поскольку для того, что человек в течение своей физической жизни может достигнуть посредством своего обычного разума, это является глупостью, именно поэтому оно является истиной в том смысле, в котором я вам это излагал. И Он был погребен, и Он воскрес. Это несомненно, поскольку это

невозможно, поскольку этого не может быть для упадочного воззрения на природу.

Если вы возьмете слова Тертуллиана в сверхчувственном смысле, как инспирированные давно уже к тому времени умершими современниками Христа, то вы, может быть, скажете: да, конечно, Тертуллиан воспринял их так, как это позволили ему его душевные свойства! Но вы можете почувствовать их инспиративное происхождение. К таким истокам может приблизиться только такой человек, который основательно своим внутренним знанием стоит в сверхчувственном, который о демонах, как свидетелях божественного, говорит как о человеческих свидетельствах; ибо Тертуллиан говорит о том, что демоны сами считают себя демонами, и что они признают Христа. Это было подготовкой к тому, чтобы Тертуллиан вообще мог воспринять то, что должно было его инспирировать.

Для тех, кто хотят быть в ложном смысле христианами, эти вещи очень и очень неудобны, поистине крайне неудобны. Ибо представьте себе, если сами демоны высказывают истину и указывают на истинного Христа, то что могут сказать демоны, будучи спрошенными иезуитом! Где-то кто-то, про кого иезуит говорит, что он находится в контакте с демонами, может быть спрошен о действительном происхождении иезуитского Христа, и демон, будучи спрошенным в свою очередь, может ответить на это: твой Христос — это вовсе не Христос, а нечто другое. Вы испытываете иезуитский страх перед духовным миром! Вы понимаете, насколько страшно подвергнуться опасности быть дезавуированным из какого-нибудь уголка сверхчувственного мира! Ведь кто-то может призвать в свидетели Тертуллиана и сказать: «Смотри-ка, любезный иезуит, демон, который сам говорит, что твой бог — это ложный бог, и Тертуллиан, которого ты все же должен признавать истинным Отцом Церкви, говорит, что именно демоны говорят истину о себе и Христе, как это сказано также в Библии». Короче говоря, дело становится очень щекотливым, когда оно интерпретируется из сверхчувственного мира, хотя и не совсем в ортодоксальной форме, когда демоны свидетельствуют истину. Ибо если бы мы цитировали самого Люцифера, он бы не мог сказать о Христе ничего неистинного! Однако может оказаться, что существует нечто неистинное в отношении Христа.

Истина инициации иногда звучит иначе, чем то, что люди находят для себя удобным признавать. Однако многое идет вкривь и вкось, когда пытаются сегодня истину инициации ввести в непосредственную действительность. Как только становится открытым поле, где говорят, исходя из сверхчувственного, то возникают большей частью многочисленные конфликты, когда сказанное наталкивается на то, что не имеет своим источником сверхчувственное!

Это часто может быть применимо к обычной жизни. Мне доставило определенное удовлетворение то, что однажды я высказал мнение просто как свое убеждение, никого ни к чему не обязывающее, и это имело такие последствия, что, исходя из определенных условий нашего времени, это здание было названо «Гётеанумом». Я сказал, что поскольку это произошло с учетом некоторых сверхчувственных импульсов, это хорошо и правильно. И если бы от меня кто-то потребовал, чтобы я рассудочным образом по пальцам перечислил все основания для этого, то мне бы показалось весьма филистерским занятием, перечислять все возможные рассудочные обоснования того, что я ощущаю как глубокую необходимость; и перечисление всех аргументов за и против представляется мне чистейшим педантизмом.

Люди часто говорят: «Этого я не понимаю, это для меня непостижимо». Но так ли важно, постигают ли какую-то вещь другие люди или я сам? Ибо что означает «постигать» (схватывать)? Постигать означает ведь не что иное, как представить вещь в таком свете, когда выявляются мысли, которые мы десятилетиями находим удобными для себя. Это и есть то, что люди называют «пониманием»! То, что называют пониманием, зачастую не много значит в отношении истины, которая открывается из сверхчувственного мира. Как раз в отношении сверхчувственных областей, если они непосредственно не являются голым учением, но должны влиться в волю, влиться в мир деяний, то в этом есть нечто нездоровое, когда спрашивают: «Почему, почему, почему произошло то или иное? — Или: как следует понимать то или иное?». В этом отношении нужно привыкнуть определенные вещи сверхчувственного мира рассматривать параллельно с тем, что подходит для природных фактов, но только параллельно. Я не знаю, — если вы выйдете отсюда и по дороге вас укусит волк или собака, и вас никогда до этого никто не кусал, будете ли вы спрашивать: «Почему меня укусили? — Или: как мне это понимать? в какой рассудочной связи все это находится?». Об этом рассказывают сами факты. И точно так же нужно рассказывать об определенных сверхчувственных вещах. И таких вещей много, как вы можете видеть из того, что я вам сегодня рассказал, что в чувственном мире есть две иллюзии, которые скрывают свою собственную сущность: смерть и рождение человека, которые, собственно говоря, сверхчувственное вносят в чувственное; они являются чужеродными элементами в чувственном мире, но маскируются под чувственные явления и вследствие этого набрасывают обманчивую маску также на всю остальную природу, так что и всю остальную природу сегодняшней человек видит в ложном свете.

Основательное понимание этих вещей, основательное принятие их в свой познавательный настрой, это одно из требований будущей человеческой жизни, особенно требование, которое Духи Времени ставят перед теми, кто ищет познание для будущего и хочет в какой-нибудь области развернуть свою волю. Особенно это касается духовных областей культуры: теологии, медицины, юриспруденции, философии, естествознания, самой техники и социальной жизни и даже политики; да, да, действительно, политики, этого довольно странного образования! И те, кто чувствует дух времени, должны вводить в эти области то, что следует из духовной науки.

ЛЕКЦИЯ ТРИНАДЦАТАЯ

Дорнах, 11 октября 1918 г.

Вы узнали с самых различных сторон, что развитие современного человечества прошло критическую точку в XV столетии, в начале пятого послеатлантического культурного периода. Оно, как вы знаете, характеризуется тем, что в этот момент времени произошло вступление человечества в развитие через душу сознательную, тогда как до этого, в греко-римский период, развитие человечества протекало преимущественно в регионе души рассудочной, или души характера. Но все дело в том, чтобы такую истину как эта, что мы с XV столетия вступили в эпоху души сознательной, воспринимать не теоретически, не абстрактно, но с полной жизненной серьезностью, чтобы в некотором смысле обладать волей постоянно обдумывать: как обстоит дело с нашим душевным настроением, что мы должны

сделать для этого душевного настроя, чтобы он удовлетворял тому факту, что мы вступили в период развития души сознательной?

Главное в том, что эпоха души сознательной создает предпосылки для того, чтобы сознательно вырабатывать мировоззрение, которого в прежние эпохи достигали бессознательно. Вы ведь знаете, что среди многих более или менее важных вещей, касающихся сказанного выше, есть важнейшее событие, которое разыгралось в земной жизни: это Событие Голгофы. И мы часто подчеркивали: Событие Голгофы так вступило в человеческое развитие, что не могло быть полностью осознано в его значении человеческими душами, но что к полному его осознанию можно было придти только постепенно. И мы часто подчеркивали, что всегда под действием известных сил у человечества появлялась склонность, с одной стороны, задерживаться в своем развитии, с другой стороны, проскакивать мимо цели. Так мы находим в человеческой духовной культуре многочисленные устремления сохранить бессознательный способ постижения События Голгофы, и по возможности меньше использовать для познания События Голгофы сознательное развитие, которого достигло современное человечество. И совсем недавно мы были свидетелями в среде одного религиозного сообщества борьбы между стремлением сохранить прежнее, бессознательное отношение к Событию Голгофы, и стремлением, хотя и неподходящими средствами, все же придти к тому, что называют модернистским католическим течением, к более сознательному, чем было до сих пор, постижению Мистерии Голгофы. Нападки на духовнонаучное постижение Мистерии Голгофы представляют собой ни что иное, как стремление держать Мистерию Голгофы по возможности в бессознательной сфере для человеческих душ.

Если мы хотим действительно приблизиться к пониманию, которое особенно необходимо для развития души сознательной, то мы должны прежде всего попытаться с разных сторон прояснить себе свое собственное человеческое существо, прояснить не посредством болтовни, но посредством ориентирования в фактах. Итак, рассмотрим нашу эпоху по возможности фактически; обратим внимание прежде всего на факты, которые особенно важны для развития в эпоху души сознательной.

С величайшей гордостью, с истинным высокомерием говорят в Новое время, в эпоху души сознательной, об эпохе естествознания. И те, кто говорят так, имеют в определенном смысле на это право, ибо не только те, кто имеет естественнонаучное образование, живут в эту естественнонаучную эпоху, но также большинство образованных людей живут в естественнонаучном потоке времени; ибо жить в естественнонаучную эпоху вовсе не означает мыслить так, как ботаник мыслит о растениях, зоолог — о животных, антрополог — о человеке, и дело не в том, чтобы знать более или менее антропологию, ботанику, зоологию, но это значит так образовывать свои мысли о мире, чтобы они были ориентированы в направлении естественнонаучного мышления. И этому направлению естественнонаучного мышления следует большинство людей, которые сегодня имеют хотя бы только школьное образование, т.е. которые не вовсе неграмотны. То есть люди, которых вообще имеет смысл рассматривать, придерживаются естественнонаучного образа мыслей; но это не мешает им иногда аккуратно посещать церковь, слушать проповеди, так что они, как говорится, являются религиозными, благочестивыми людьми. А теперь спросите себя, насколько это религиозное благочестие сегодня еще влияет

на общую человеческую жизнь, даже если эти люди считают себя благочестивыми или считают, что должны стать таковыми? Религиозные ощущения, которые развивают в том или ином вероисповедании, исключительно мало влияют на мысли о мире. Повсюду во внешней жизни, в широких кругах сегодняшнего населения мышление ориентировано в естественнонаучном направлении. Религия для большинства людей сегодня является в большей или меньшей степени только придатком. То есть уже можно сказать, что новая эпоха души сознательной горда и даже чванлива в отношении своих естественнонаучных достижений, и связанным с этим естественнонаучным направлением своего мышления, и эта эпоха свысока взирает на прежние эпохи.

Подумайте только, с каким чувством, с каким самодовольным чувством истинно современный человек оглядывается на своих предков, о которых он говорит, что они верили в духов. Нет необходимости пытаться опровергнуть это утверждение, наши предки верили в духов. Это было. Давайте сегодня будем меньше обращать внимания на понятийное содержание предложения: наши предки верили в духов, но мы стали настолько умны, что больше не верим в духов, — но давайте больше обратим внимание на чувственное содержание, на то, что мы при этом ощущаем, когда мы видим, как современность судит своих глупых предков, которые верили в духов, и как мы, наконец, достигли естественнонаучной эпохи и больше не верим в духов. Это суждение, что предки верили в духов, является половинчатой и поэтому чрезвычайно опасной истиной; ибо половинчатая истина часто бывает хуже, чем полное заблуждение, поскольку полное заблуждение легко распознается, а половинчатая истина сама парит в мире, как приведение.

В самом деле: если мы оглянемся на предшествующие эпохи, на время до и после Мистерии Голгофы и на еще более ранние времена, на третью послеплатоническую культуру, то мы обнаружим, главным образом, что люди верили в духов, в демонов, как я показал вам на примере Тертуллиана. Это так на самом деле. Но этой эпохе предшествовала еще другая, когда люди также говорили о духах, но не в том смысле, как они думали о духах в охарактеризованный ранее период. Они говорили о духах во второй, в первый послеплатонический культурный период, сознавая: то, что они представляли себе, это было результатом их силы представления. Соответственно своей силе представления они могли представлять себе только духов. Но когда они представляли себе духов, эти духи были для них образами стоящего за ними духовного мира. Итак, в течение длительного периода, хотя люди и образовывали представления о духах, но они знали, что за этими духами, которые являлись им как образы, стоял духовный мир. В мире своих представлений, который они изображали в виде духов, они отображали духовный мир. Но потом духовный мир стал в большей или меньшей мере забываться, лучше сказать, стал недоступен наблюдению; остались голые образы, которые стали рассматривать как реальность, и из этого появилась вера в духов, которая представляет собой упадок того, что ей предшествовало.

Так что можно сказать: древние так образовывали свое сознание, что они развивали те силы, которые были даны их сознанию, и они инстинктивно ограничивались тем, чтобы в своих представлениях не иметь ничего иного, кроме духов. В древние времена они через духов представляли себе богов, позже же они стали рассматривать духов как

реальность. Дело не в том, что духи были ложными, но воззрение человека на духов стало ложным.

Итак, то, что наши предки представляли себе духов, и что эти представления о духах являются суеверием, таково суждение современного человека о древних. И он доволен этим и находит себя очень умным. Человек не очень стремится познать, что в древние времена люди посредством духов представляли себе духовный мир, поскольку духовный мир его сегодня не очень интересует, он интересуется только природным миром. Итак, он чувствует свое бесконечное превосходство над предками, поскольку он из своего сознания образует представления относительно природы. Однако эпоха души сознательной требует от нас иного, чем от наших предков. Мы должны выяснить, что мы, собственно говоря, имеем, когда образуем воззрение на природу.

Итак, исходя из нашего сознания, мы образуем представления относительно природы, поскольку являемся истинно современными, самодовольными, просвещенными, умными людьми. Но если мы возьмем весь этот мир представлений относительно природы и испытаем его, непредвзято испытаем, то найдем, что хотя мы имеем представления, но этими своими представлениями мы не в состоянии охватить природу. И тогда люди говорят, что существуют границы познания природы. Я часто цитировал одного современного философа, который мало известен как философский писатель, который открыто говорил многое, чего не сказали другие, которые не так глубоко исследовали эти вещи: а именно, Рихарда Вале, который написал две большие книги и множество маленьких, одна из больших книг была написана в девяностых годах и называлась: «Общая философия и ее конец»; и несколькими годами позже была написана книга «О механизме духовной жизни». Этот Рихард Вале был человеком, которого можно назвать типичным представителем современных людей, можно сказать, что так, как мыслит Рихард Вале, мыслят, собственно говоря, все люди, которые ориентированы в естественнонаучном направлении. Они мыслят так же, как он; но только он доводит эти мысли до логического конца, и таким образом в нем мы находим странный, поразительный случай, когда профессор философии пишет толстую книгу о конце философии, книгу, в которой он пытается, исходя из естественнонаучного воззрения, доказать, что не должно быть никакой философии. В своей книге «О механизме духовной жизни» этот профессор философии и философский писатель выражается совершенно необычным образом о своих коллегах-философах. Он говорит о своих коллегах примерно следующее: Философы и философия подобны ресторану; ранее в нем сновали повара и официанты, готовили невкусную пищу и подавали ее гостям; теперь же они слоняются вообще без дела. Итак, этот повар, или официант, или философ говорит, что философию можно сравнить с рестораном, в котором поварами и официантами — коллегами этого философа — готовилась невкусная пища и подавалась посетителям, но в наше время философскими поварами уже не готовится эта нездоровая пища, но повара и официанты просто слоняются без дела. И поскольку он сам является таким поваром, или официантом, или философом, ему представляется, что он сам слоняется без всякой пользы. И он в обеих своих книгах ставит перед собой, как ему кажется, последнюю задачу; поскольку больше не должно быть никакой философии, он должен быть последним философом. Примерно таково глубокое содержание его книг. Он должен быть последним, ибо он поставил перед собой такую

задачу — и как это должно быть охарактеризовано? Итак, Рихард Вале является официантом или поваром среди других официантов и поваров, которые раньше готовили нездоровую философскую пищу, а теперь вообще ничего не делают, и он среди этих поваров и официантов занимается приготовлением яда, чтобы прикончить всех остальных! Это исключительно интересный спектакль! И когда мы привыкнем симптоматически рассматривать историю в ее развитии, то мы увидим в этом весьма примечательный симптом нашей эпохи. Ибо этот философ весьма остроумен и довольно далеко проник в проблемы естественнонаучного мышления.

Я убежден, что большинство из вас, взяв в руки эти книги, очень скоро отложат их, поскольку эти книги написаны ученым языком современной философии, а этот язык насыщен терминологией, непонятной для неспециалиста, которую нужно сначала изучить. И все же, кто владеет этим языком, те должны знать, что в этих книгах содержится огромное количество остроумных замечаний, возможных в наше время, и что в этих горестных замечаниях, собранных в этих книгах, содержится предчувствие знания, которое, однако, должно быть уточнено иначе, чем это делает Рихард Вале. Но можно сказать: эта его страсть, которая заставляет его трудиться над приготовлением яда для других поваров и официантов, о которой я говорил, показывает, что в нем пульсировало это знание, иначе он, как уважаемый профессор философии, не стал бы утверждать, что человек имеет не больше мудрости, чем животное, и отличается от животного только тем, что животное по крайней мере не так разумно, чтобы стремиться к мудрости, человек же стремится к мудрости, т.е. он разумен, поскольку предчувствует то, чего не может постичь.

Здесь пульсирует важное знание, хотя оно носит более или менее негативный характер, а именно понимание в отношении современного знания о природе. Предполагается, что естественная наука должна говорить о природе, в форме представлений готовить знания о природе для современного сознания. Но если действительно сделать обзор представлений, которые образуются сегодня в отношении природы в самых ученейших кругах, то можно заметить, что человеческое сознание сегодня, собственно говоря, курьезным образом не делает ничего другого, кроме как выдумывает духов, но только древние духи представляли богов, духи же современных людей представляют природные факты. Ибо то, что современные люди представляют себе как естествознание, это не природа, но относится к природе как духи к действительности. Такой человек, как Рихард Вале, чувствовал, что эпоха души сознательной должна придти к этому: мы вовсе не так возвысились над нашими предками, которые применяли сознательные силы и образовывали представления о духах, и мы тоже образуем представления о духах. Различие состоит только в том, что древние имели более прекрасных духов, чем те, которые фабрикуют сегодняшние естественнонаучные мыслители, и которые, в сущности, являются ужасными призраками абстрактных понятий. Но это духи, подобные духам наших предков. И эти естественнонаучные духи, это призрачное естествознание относятся к действительности не иначе, чем древние духи относились к божественной действительности.

Эпоха души сознательной должна понять, что когда живут в представлениях, то на самом деле живут в духах. Это дело исключительной важности, чтобы эпоха души сознательной усвоила этот факт. Древние жили не в эпоху души сознательной, поэтому для них должен был оставаться

бессознательным факт, что они представляют себе духов. Наши естествоиспытатели тоже представляют себе духов; но в эпоху души сознательной нам следует знать, что мы представляем себе не природу, но только природных духов. И как наши предки, которым предшествовали их собственные предки, принимали духов не за действительность, но за отображение божественной действительности, за отображение сверхчувственной интеллигенции, так и мы должны именно в эпоху души сознательной придти к действительному пониманию: наши естественнонаучные духи не являются действительностью, как это представляется сегодняшним естествоиспытателям, но указанием на действительность, которую мы должны найти благодаря им. Если мы будем обманываться в отношении духов естествознания, то мы не придем к ясному пониманию человека. Ибо природу мы можем рассматривать посредством наших призрачных представлений, она все же предстанет перед нашим взором в ее истинном облике; самого же человека в эпоху души сознательной мы должны познавать сознательно. Здесь не годится, чтобы мы просто применяли призрачные представления, иначе мы сами себя превратим в призраков, что в значительной мере уже произошло.

Учение об эволюции, гётевское учение об эволюции не ложно, поскольку оно имеет тенденцию познавать человека как действительность. Материалистическое, окрашенное дарвинизмом учение об эволюции говорит о происхождении человека от животных. И в самом деле, в нас есть нечто, что берет начало от животных или, по крайней мере, имеет общее происхождение с животными, но это не то, в чем мы являемся человеческими существами; это тот призрак, который естествознание принимает за человека. Сначала естествознание превращает человека в призрак, поскольку оно знает только призраков, и затем спрашивает: откуда взялся этот призрак? И когда мы признаем, что имеем дело не с человеком, но с его призраком, как это делает современное естествознание, тогда мы встанем на правильную точку зрения. Я думаю, что вы согласитесь со мной: поскольку вы пришли сюда, это означает, что вы не просто прислали вместо себя гомункулуса, призрака, которого вы представляете себе, согласно естественнонаучным представлениям. И если бы здесь сидели только гомункулусы, которые представляют вас в вашем сознании, то я не мог бы говорить с этими гомункулусами! Вы носите в себе своего действительного человека, но не в своем сознании. Эпоха души сознательной должна ввести в сознание действительного человека. Нужно от гомункулуса вернуться к гомо. Если же этого не произойдет, то человек придет к полярной противоположности своего призрачного бытия. Нужно воспринимать себя не как призрака, но в его действительности, как это делали древние, — которые хотя и представляли себя призраками, но поскольку они имели в себе атавистические силы, они могли еще в себе чувствовать действительность, тогда как сегодняшний человек имеет в себе только то, что ему доступно посредством своей души сознательной. Если в его душе сознательной присутствует только призрак человека, тогда через его душу сознательную не проходят морально-спиритуальные импульсы. И если вы рассмотрите сопутствующие явления этого призрачного естествознания, то вы обнаружите, что эта новая эпоха, в которую господствует призрачное естествознание, никогда не допустит, чтобы импульсы для нравственных деяний приходили из самого духовного мира. Те нравственные импульсы, с которыми сегодня работают люди, устарели, они исходят от атавистической эпохи; ибо сегодняшнее человечество, когда ему требуются импульсы для

его деятельности, не хочет спрашивать у духа, оно спрашивает у природы. Оно хочет спросить: что представляет собой человеческая природа? что за побуждения лежат в человеческой природе?

Это ужасно, что новое человечество хочет, собственно говоря, спрашивать только у природы, но познает только призрак природы. Поэтому в современном человеке подсознательно зреет и активизируется действительность, требуя доступа в сознание, поскольку мы живем в эпоху души сознательной.

Таким образом, я прояснил для вас нечто важное в современной ситуации. Я подвел вас к тому, что в этой современной ситуации дело обстоит так, что, с одной стороны, люди образуют себе призрачные представления о природе, и естествоиспытатели ставят эксперименты во всех областях; но затем перед ними воочию предстает человек во всей своей действительности. Однако призрачные понятия естествознания являются неподходящими для этого средствами: люди не видят человека, но видят призрак человека. Это психоаналитики. Психоанализ — это поистине дитя призрачного естествознания; поэтому я всегда называю психоанализом нечто, что работает с неподходящими средствами.

Итак, мы можем спросить: что привело к этой ситуации? Эта ситуация создалась потому, что благодаря конstellляции, которая сложилась в земном развитии, установилось определенное отношение между исконным человеческим развитием и обоими побочными потоками, ариманическим и люциферическим. Я различным образом указывал на нормальное развитие, а также на оба боковых потока: люциферический, который влился в земную жизнь в лемурийский период, и ариманический, который влился в атлантический период. Итак, в человеческом развитии действуют эти три потока, и то, что происходит в человеческом развитии, находится под влиянием этих трех потоков.

Все то, что содержится в этих потоках, действует так, чтобы во всем человеческом развитии в определенный год наступил важный узловый момент. И на этот год, когда сливаются все три потока, приходится узловый момент человеческого развития, который скрыт за внешними спутанными отношениями, так что отчетливо не видно, что происходит, но видны только спутанные отношения. Этот важный узловый момент приходится на 666 год после Мистерии Голгофы. Тогда, в 666 году после Р.Х. должно было и могло нечто произойти, но не произошло. И вы сейчас услышите, каковы были основания для того, чтобы это не произошло.

В 666 году могло прийти — видимым для внешнего человечества, а именно для западного человечества — особо важное существо, которое не должно было появиться на физическом плане, но которое все же отчетливо воспринималось бы человечеством также и внешне, так что люди подпали бы под его власть. Если бы это существо явилось в образе, который оно само планировало, то мы сегодня писали бы не 1918 год, но — минус 666 — только 1252; ибо это существо так инспирировало бы людей, чтобы они соответственно этому вели бы свое летоисчисление. Это существо, если бы оно появилось так, как оно само планировало, оказало бы весьма своеобразное воздействие. Дело обстоит следующим образом: за 333 года до этого, т.е. именно в 333 году по Р.Х., была как раз середина четвертого послееатлантического периода, греко-латинского периода. Вы можете посчитать: начало в 747 году, конец в 1413 году, это составляет 2160 лет, как и должно быть. Возьмите половину от 2160 лет, тогда вы получите 1080

лет, так что 1080 лет протекло от 747 года до середины 4-го послеатлантического периода. Итак, если мы отнимем 747, то получим 333: так что на 333 год приходится середина греко-римского периода. Эта середина приходится не на время до Мистерии Голгофы, но на время после нее; она означает наивысшую возможную, но, собственно, не внешнюю действительность, поскольку во внешней действительности она переплелась с другими потоками. Но если бы развитие проходило по прямой, и не было бы побочных потоков, тогда это была бы истинная середина, и здесь была бы достигнута наивысшая точка эпохи души рассудочной. Здесь душа рассудочная должна была бы достигнуть наивысшей точки своего развития. Но этого не произошло, поскольку ее уже подтачивал червь, который планировал, спустя 333 года, в 666 году проделать совершенно определенную процедуру над человеческим развитием. Процедура, которую собиралось проделать над человеческим развитием это существо (Зорат, Зверь), должна была состоять в том, чтобы это существо, с вполне сформированной душой сознательной, тогда как у человека была сформирована еще только душа рассудочная, дало человеку все душевно-духовные свойства, не присущие душе рассудочной, но которые он должен был получить только вместе с душой сознательной, в последующую эпоху. Оно хотело слишком рано привить человеку культуру души сознательной. И, соответственно сложившейся в мире ситуации, 666 год был самым благоприятным для этого моментом времени; тогда это существо могло так повлиять на Землю, чтобы сказать: я обучу людей всему тому, что они когда-нибудь смогут найти посредством своей души сознательной. Я уже теперь, в эпоху души рассудочной, волью в человека то, что другие боги, с которыми я борюсь, хотят дать ему только в следующем культурном периоде. Было предусмотрено неправильное смешение души рассудочной с душой сознательной.

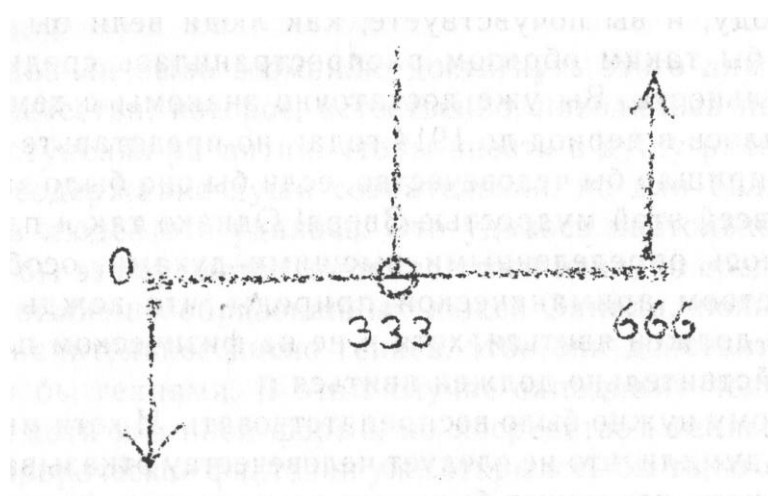
Едва ли было возможно достигнуть этого для всего человечества, которое, естественно, находилось на разных ступенях развития, чтобы внести в душу рассудочную содержание души сознательной, но для большого числа людей это бы удалось. Это удалось настолько, что, если бы это существо достигло своей цели, то среди людей, особенно образованных людей Запада, появилось бы значительное число гениев. Ибо они действительно были бы гениями. В этом случае западному человечеству, хотя и в иной форме, но посредством гениальных сил пророческой фантазии уже открылось бы то, что люди которые шли бы по пути нормального развития, узнали бы только в 2493 году, — посчитайте сами: к середине эпохи, начавшейся в 1413 году, добавьте половину культурного периода, т. е. 1080, и вы получите 2493.

Были запланированы весьма примечательные явления. Если вы учтете естественнонаучные идеалы современности, и услышите как люди описывают, как далеко мы продвинулись за последние десятилетия, — представьте же себе, какие представления те же самые люди могли образовать о людях 2493 года, если они были уже так умны в 1918 году! То есть машины и тому подобное люди в 666 году еще не могли бы создать, и не имели бы такой экспериментальной базы, но они не тащились бы так медленно, а пользуясь своими гениальными силами, многое бы предвидели и многое бы сделали. Этот 666 год был решающим, когда человечество могло быть затоплено этим знанием и культурой, которую изначальные боги хотели дать человечеству только в третьем тысячелетии. Невозможно представить себе, и не нужно, в какой ситуации оказался бы так называемый

образованный мир, если бы он был затоплен этим знанием, отмеченным числом 666. При недостатке самовоспитания человечество пришло бы в полное расстройство. Обратитесь к историческим книгам, которые всегда рассказывают только односторонние вещи о душевном складе, которое человечество имело в 666 году, и вы почувствуете, как люди вели бы себя, если бы таким образом распространилась среди них гениальность. Вы уже достаточно знакомы с тем, что развилось в период до 1914 года; но представьте себе, куда пришло бы человечество, если бы оно было затоплено всей этой мудростью Зверя! Однако так и планировалось определенными высшими духами, особенно существом ариманической природы, что вождь этих духов должен явиться, хотя и не на физическом плане, но действительно должен явиться.

Этому нужно было воспрепятствовать. И хотя многие люди думали, что не следует человечеству отказываться ни от чего, что может быть ему дано, все же это не вписывалось в духовном смысле в развитие человечества, и этому нужно было воспрепятствовать. Этому можно было воспрепятствовать, удерживая весы в равновесии. Имеется в виду следующее: 333 год был центральной точкой четвертого послееатлантического периода; 333 года спустя наступал 666 год, когда ариманические силы мощно вознесли бы вверх все материалистическое высокомерие с помощью сил гениальности. И равновесие можно было удержать только тем, что 333 годами ранее, т.е. в начале летоисчисления, должно было выступить существо, которое свою собственную субстанцию влило бы в человеческое развитие для установления равновесия и воспрепятствовало бы тому, чтобы через 333 года после 333 года выступило то существо, о котором я говорил.

Итак, вы имеете здесь одно плечо рычага: от 333 до 666 прошло 333 года. И вы имеете второе плечо, которое удерживает равновесие: от 333 в обратном направлении до Мистерии Голгофы. Благодаря этому было установлено равновесие. Вследствие этого произошло нечто, что, собственно говоря, разыгралось за кулисами внешней популярной истории. Нечто, что могло произойти, было остановлено тем, что действительно произошло, но это, как я вам недавно объяснял, постижимо только с помощью сверхчувственных сил, поскольку весь этот процесс имеет сверхчувственное значение для развития Земли.

Но что же должно было, собственно говоря, произойти в 666 году, если бы Зверь внедрился в развитие человечества, если бы до этого не

произошла Мистерия Голгофы? Что тогда случилось бы? Вы можете составить себе представление о том, что должно было случиться, если обдумаете то, что я вам перед этим охарактеризовал. Люди приближались к XV столетию; если бы Зверь творил свои бесчинства с людьми в период с 666 года до XV столетия, то он полностью овладел бы всем, что должно было произойти в дальнейшем. А в дальнейшем должно было появиться призрачное естественнонаучное постижение мира и тем самым эмансипация человеческих желаний. И поскольку душа сознательная схватывала бы только призрак человека, действительный человек отстал бы в развитии; он не познавал бы себя. Ибо в эпоху души сознательной человек только благодаря тому становится человеком, что он сознает себя, иначе он остается животным, отстает в своем человеческом развитии.

Но этого хотело существо, которое собиралось явиться в 666 году: оно хотело сделать себя Богом. Оно говорило: придут люди, которые больше не будут направлять свой взор на духовное, дух их больше не будет интересоваться. И я позабочусь о том, — и этого все же достигло это существо, — чтобы в 869 году в Константинополе состоялся Собор, на котором дух будет отменен. Люди в дальнейшем не будут интересоваться духом, они обратят свой взор на природу, они будут образовывать призрачные представления о природе. И тогда я, я возьму в свои руки всю власть над душой сознательной, люди этого не заметят, поскольку они не познают себя как действительных людей, но только как призраков. Я введу человека в заблуждение относительно его самого; я предоставлю ему возможность постигать себя только как призрака, и я в его душу волею всю мудрость души сознательной. Тогда я им овладею, тогда он будет пойман мной.

Что же было бы этим достигнуто? Человек, при нормальном развитии прогрессировал бы в направлении Самодуха, Жизнедуха, Духочеловека; но он был бы совершенно лишен этого. Он остался бы при душе сознательной, должен был бы сохранять то, что дала ему Земля, но он никогда не достиг бы развития Юпитера, Венеры, Вулкана. Если бы он пришел к тому, чтобы в соответствующую эпоху посредством первоначальных своих сил получить содержание души сознательной, то уже благодаря тому развитию, которое он получил в нормальном смысле, в нем были бы заложены задатки для развития в направлении Самодуха и т. д. Но это было бы у него отнято и содержание души сознательной влилось в душу. Тогда человек остановился бы в своем развитии на стадии души сознательной; тогда он был бы невосприимчив к знаниям, которые ему должны быть предоставлены, начиная с шестого периода! И тогда было бы с ним покончено; он не мог бы развиваться дальше, впитал бы в свою душу сознательную все то, что с величайшим эгоизмом поставил бы ей на службу.

Таково было намерение существа, которое стремилось появиться в 666 году, прервать будущее развитие Земли; замкнуть земное развитие эпохами Сатурна, Солнца, Луны и Земли. Человек не должен был далее идти по пути, на котором его сопровождали существа высших иерархий, которые с самого начала направляли его нормальное развитие.

Этому можно было воспрепятствовать только тем, чтобы установить в мировом развитии человечества равновесное состояние; этого можно было достичь тем, что, считая от середины четвертого послеплатонического периода» на таком же временном отрезке в прошлом произошло явление

Христа, Мистерия Голгофы, на каком в будущем должно было произойти пришествие Зверя.

Вы видите, какие взаимосвязи скрываются за фактами, которые содержит, собственно говоря, внешняя майя. В эпоху души сознательной нужно поступать не иначе, как стараться прояснить для людей эти вещи. Ибо осознать — означает не предаваться им больше бессознательно. Подумайте о том, что все мы находимся в таком положении, которое, — как сказано в одном из посланий Нового Завета, — сложилось благодаря тому, что Зверь был скован Иисусом Христом. Это весьма примечательный факт, что в Послании Якова, которое рассматривается как истинное во многих ранних изданиях Нового Завета, но западной церковью признано апокрифическим, приводится тот важный факт, что посредством Иисуса Христа уравнивается действие Зверя. В определенных кругах знали, что нужно утаить от западного человечества этот факт, чтобы предотвратить проникновение в душу сознательную все усиливающееся познание тайны Христа.

Если вы усвоите то, что я вам сегодня сказал, то вы не удивитесь, что автор Апокалипсиса говорит об этом весьма темпераментно. И то, что я сегодня говорил вам в отношении временного, вы легко сможете соединить с тем, что я с другой точки зрения говорил о числе Зверя 666. Эти вещи нужно рассматривать с разных точек зрения; вы знаете, что мы должны так поступать. Автор Апокалипсиса выражается весьма темпераментно в том месте, где речь идет о пришествии Зверя; он говорит следующее: «Число Зверя есть 666, и это есть число человека». Лучше сказать, это число человека, человека, который выступает против слов «Не я, но Христос во мне». Все более и более должны люди осознавать эти вещи, поскольку человечество уже вступило в эпоху души сознательной.

Итак, вы должны только принять факты, как они представлены сегодня! Вы должны подходить к ним не с педантичной критикой, но рассматривать их как требование к действительному действию, вы должны брать факты такими, какие они есть. Если бы можно было сегодня говорить об этих вещах обращаясь к умнейшим людям современности (представьте себе, что вы сидите с одним из умнейших людей в какой-нибудь современной области и рассказываете ему о таких вещах), — подумайте, какое он составит себе о вас мнение! Но если вы серьезно отнесетесь к тому, что должны здесь представить себе, то вы скажете: однако мы вступили в эпоху человеческого развития, в которой менее всего понимают, когда речь идет о духовной науке, которая более всего соответствует этой эпохе.

Я бы сказал, никогда две партии в мире не понимали одна другую так мало, как ныне духовная и недуховная. То есть духовная могла бы понять недуховную, это не особенно сложно; но недуховная руками и ногами, и особенно словом защищается против возможности какого-нибудь понимания духовного.

Но не следует удивляться этому факту, ибо также и другие вещи слабо согласуются с современностью, и наша эпоха — это эпоха величайших противоречий и величайшей дисгармонии, эпоха непосредственного столкновения противоречий. Если сегодня какой-нибудь человек из числа «умных» людей возьмет в руки статью, написанную о таких вещах, о которых я вам сегодня докладывал, то он скажет: удивительно, как это могло появиться в наше время, оно совершенно ему не

соответствует! Ибо он находит, что только то, что он сам думает, соответствует нашему времени, а все другое ему не соответствует. Но эти, если не чувственные, то сверхчувственные соответствия, мы будем обсуждать завтра и послезавтра.

Но другие вещи также не согласуются с нашей современностью. Возьмите только описания, рефлексированные описания того, как далеко человечество до начала XX столетия продвинулось в вопросах гуманности, в вопросах взаимного понимания народов! Вы можете в начале XX столетия найти на эту тему великолепно написанные статьи, целые книги, источающие мед и елей! Такой далеко продвинувшийся современный человек воспримет описание своей собственной эпохи как нечто, подобное меду по вкусу. Такие описания есть и они многочисленны: как далеко продвинулось человечество! И теперь сравните с этим события последних четырех лет, действительно ли все так согласуется.

Но все это основано на страхе, который испытывают перед вступлением в душу сознательную. Ибо если мы действительно должны вступить в эпоху души сознательной, то откроются многие истины в отношении человеческого развития. И потому сегодня в важнейших вопросах проявляется столько глупости, что люди испытывают страх, поскольку все должны говорить сознательно, но не хотят говорить сознательно. Но об этом мы поговорим завтра.

ЛЕКЦИЯ ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Дорнах, 12 октября 1918 г.

Вчера мы попытались охарактеризовать исключительно важный факт человеческого развития, соответственно его внутреннему существу с другой, как это мы уже часто делали, но очень существенной точки зрения. Давайте еще раз вкратце вспомним это. А именно, вчера я попытался показать, что некоторого рода равновесное состояние в развитии европейского человечества было достигнуто благодаря тому, что событию, которое должно было произойти в 666 году нашего летоисчисления, было противопоставлено другое, которое мы называем Событием Голгофы. Я сказал: развитие человечества движется по пути, который ему предопределен мировым управлением, от которого вообще произошло человечество. Если проследить в деталях человеческое развитие, то можно видеть, какое положение занимает душа в каждой эпохе, в которой она рождается. Мы живем в так называемом пятом послееатлантическом периоде, который начался в XV столетии и должен продлиться до начала IV или конца III тысячелетия. В эту эпоху человек должен развить так называемую душу сознательную. И все обстоятельства этой эпохи, в конце концов, указывают на цель, которую можно обозначить как образование души сознательной. Болезненные и радостные события, переживаемые человечеством испытания и такие события, которые мы можем назвать божественной благодатью, все светлые и темные стороны этой эпохи служат тому, чтобы человек все больше и больше просветлялся в отношении себя самого и своей связи с миром. Задачей человечества в эту эпоху является сознательно найти свое место в мире и благодаря этому достигнуть того, о чем в прежние эпохи, вплоть до сегодняшнего дня, так много фантазировали, но что никогда правильно не познавали, достигнуть этого через самовоспитание того, что может быть названо свободной

человеческой личностью, действительного, основанного на самовоспитании контроля воли. Популярно выражаясь, можно сказать, что такой путь развития был установлен теми божественными существами, с которыми человек был связан с самого начала, которые ведут его со ступени на ступень, но которым с двух сторон препятствуют в этом те силы, которые мы привыкли называть ариманическими и люциферическими.

Я сказал: представим себе гипотетически, что если бы События Голгофы не произошло, и не было бы никакого Христа, который связал свою судьбу с судьбой земного человечества, то что тогда произошло бы? Невозможно познать историю, если замечать только то, что произошло; ибо мы никогда не приходим к действительной, правильной оценке событий, если мы будем рассматривать только то, что произошло. Например, сегодня с нами случилось нечто, помешавшее нам что-то предпринять, что мы предприняли бы, если бы этого события не произошло, если что-нибудь помешало бы нам поехать в то место, где произошла железнодорожная катастрофа, которая могла бы стать причиной нашей смерти; тогда нельзя сказать, что мы правильно оценили это событие, если мы просто его описали. Ибо это событие, если его рассматривать само по себе, может быть в высшей степени незначительным событием, оно только удержало нас от того, чтобы быть в том месте, где мы завтра встретили бы смерть; и если мы будем рассматривать только событие, которое произошло сегодня, то мы ничего не поймем. Именно потому, что люди практикуют только чувственную и рассудочную науку и никогда не спрашивают, что могло бы произойти, они не могут дать истинную, действительную оценку событий, поэтому они не могут также прийти к правильному воззрению в отношении истинной оценки событий.

Итак, мы ставим вопрос: если мы гипотетически предположим, что Христос не связал бы посредством События Голгофы свою божественную судьбу с судьбой человечества, то что бы произошло? Вчера я вам сказал: тогда бы произошло то, что в 666 году, вследствие определенных мероприятий, которые стали бы возможными, человечество достигло бы совсем другой точки развития; тогда благодаря некоторым гениям люди достигли бы колоссальной мудрости, несколько фантастической, но все же огромной мудрости. Эта мудрость имела бы для человечества такое огромное значение потому, что при естественном ходе развития люди, как им было предписано связанными с их происхождением божественными духами, развивались бы медленно к этой мудрости, и, как я показал, нужно было бы ждать тысячелетия. Но они получили бы ее другим способом, поскольку они должны были добиваться ее собственными усилиями.

Итак, человечество могло бы получить нечто, что оно посредством напряжения собственных сил должно было получить в течение длительного периода времени. Человечество достигло бы этого, находясь в незрелом состоянии. Сегодня почти невозможно себе представить, как протекала бы история так называемого цивилизованного человечества, если бы произошло это событие. Как инстинктивно, но исходя из гениального инстинкта, человечество достигло бы незрелого знания. Произошла бы колоссальная смута. Но и еще нечто другое: люди были бы до некоторой степени переполнены этим знанием, вследствие чего они были бы как бы парализованы, и их дальнейшее развитие было бы невозможно. Они пришли бы только к тому, чтобы неестественным образом уже в VII столетии принять в себя душу сознательную, которую при правильном течении событий они должны были получить только в XV столетии; но все развитие

до Самодуха, Жизнедуха и Духочеловека отпало бы. Человек стал бы исключительно совершенным земным человеком, но ему был бы закрыт путь развития к более высоким степеням. Это есть то, что темпераментным образом, — я говорю «темпераментным образом» со всей серьезностью, а не для красного словца, — описано в Апокалипсисе, в Откровении Иоанна, как явление Зверя. И там указано на число 666, на расшифровку которого ученые потратили много труда. Но они в большей или меньшей степени прошли мимо его истинного значения.

Для того, чтобы этого не случилось, и чтобы обеспечить человечество силами противодействия, перед этим в развитие человечества вступило событие Голгофы, после чего человечество могло получать то, что вступило в его развитие посредством Иисуса Христа.

Такова истинная точка зрения, чтобы правильно судить о том, что означает для человеческого развития Событие Голгофы. Это именно то, что дает смысл всему земному развитию. Так с целью указать значимость События Голгофы для развития Земли я часто говорил: если бы существо с другой планеты нашей солнечной системы, равнозначное земному человеку, но не чувствующее себя дома на этой планете, однажды высадилось бы на Землю, ему, естественно, все на Земле было бы незнакомым; если бы появилось такое существо, которое внезапно вступило бы в земное бытие, ему многое было бы непонятно, но одно было бы ему понятно. Если бы этому существу, откуда бы оно не явилось, показали картину Леонардо «Тайная Вечеря», и указали на действие Христа, оно бы своим путем получило представление о смысле Земли. Вы могли бы ему показать всевозможные природные продукты Земли, существующие на Земле художественные произведения, оно поняло бы только то, что каким-то образом вплетено в судьбу Иисуса Христа. То, о чем я говорил вчера, получено, — как я восемь дней назад при других обстоятельствах говорил по другому поводу, — средствами чисто духовного видения. Это духовное видение только и может привести современного человека к познанию жизненно важных фактов. Посредством этого видения того, что произошло в ходе времен, и была открыта эта противоположность между годом рождения Христа и 666 годом. А теперь обратимся к тому, что говорит об этом внешняя история: подтверждает ли она где-нибудь то, что в действительности произошло?

Поскольку внешняя ученость не много знает об этих вещах, она не особенно сильно интересовалась этими событиями. Но коль скоро мы знаем истину, то мы находим, что также внешняя история приводит нас к тем событиям, которые могут пролить свет на самое важное. Видите ли, здесь в жизни происходят определенные вещи. За этими вещами стоит духовный мир. Те, кто понимают взаимосвязи, знают, как то или иное происходящее восходит к своей духовной основе. Тому, кто наблюдает переход от древнего греко-латинского периода, от греко-римского культурного периода к современному человечеству, если он рассматривает только внешнюю историю, очень многое может показаться загадочным. Но внутренние взаимосвязи проясняют эти вещи.

Возьмем событие, которым внешнее человечество не слишком интересуется, но это очень важное событие. Обратите внимание на то обстоятельство, что в 529 году император Юстиниан запретил дальнейшее функционирование греческих философских школ, представлявших блеск древней цивилизации. Таким образом, вся ученость древнего мира,

сосредоточенная в греческих философских школах, из которых вышли Анаксагор, Гераклит, позже Сократ, Платон, Аристотель, была упразднена указом императора Юстиниана в 529 году. Конечно, по тому, что содержится в истории, можно составить себе представление о том, почему этот император Юстиниан, так сказать, упразднил древнюю науку в Европе; но если честно поразмыслить над этими вещами, то от всех этих соображений остается чувство неудовлетворенности. Мы чувствуем влияние неизвестных нам сил. И кажется удивительным то, что это событие совпало, — не совсем, но исторические факты, которые иногда расходятся на пару десятков лет, для последующего рассмотрения представляются совпадающими, — с изгнанием философов Зеноном Исаврянином из Эдессы; так что можно сказать, из различных важнейших мест того мира были изгнаны ученейшие люди. И эти ученейшие люди, хранители древней науки, поскольку они еще не находились под влиянием христианства — т.е. в V и VI столетиях нашего христианского летоисчисления, — должны были скитаться. Они обосновались затем в Персии и основали там Академию Гондишапура.

Об этой Академии Гондишапура мало говорят даже среди философов. Однако, не познавая существа этой Академии, основанной остатками древних ученых, невозможно ничего понять в целом развитии новейшего человечества. Ибо то, что как древняя ученость было перенесено в Гондишапур мудрецами, изгнанными Юстинианом и Исаврянином, легло в основу учения колоссальной важности, которое излагалось в Гондишапуре ученикам в VII столетии. И именно в Гондишапуре был переведен древний мудрец Аристотель. Примечательно, что Аристотель — иначе его сочинения были бы полностью потеряны — был вначале переведен на сирийский язык в Эдессе теми учеными, которые были изгнаны Исаврянином. Сирийский перевод был доставлен в Гондишапур, и уже в Гондишапуре сирийский Аристотель был переведен на арабский язык. И этот перевод Аристотеля, с греческого через посредство сирийского на арабский, представлял собой нечто весьма примечательное. Тот, кто понимает, какие изменения происходят с мыслями, когда переводят с одного языка на другой, тот сможет понять, что это сделано как бы намеренно, — я говорю это гипотетически, — что был взят не греческий Аристотель, но Аристотель, который проделал путь через сирийский язык к арабскому. И вследствие этого перевода Аристотеля создалась основа для того, чтобы аристотелевы понятия явились в свете арабской души, какой она была в то время, так что четкие мысли были соединены с некоего рода фантазией, но которая двигалась по логическим траекториям и возвышалась до видения. И затем, в свете этого своеобразного учения, этого своеобразного воззрения, развилось в Гондишапуре мощное мировоззрение. То, о чем я вам здесь рассказал, произошло в Гондишапуре в VII столетии.

То, что я вам рассказал, это не фантастическое событие, это не нечто, чего вовсе не было на Земле; но в Гондишапуре уже изучали то, о чем я вчера говорил: то, что, — если рассмотреть это в сущности, — представляет собой величайшую противоположность, величайшую мыслимую противоположность тому, что исходит от События Голгофы. И мудрецы Гондишапура испытывали величайшее стремление. Они стремились — и это было именно то, о чем я вам вчера рассказывал — создать всеобъемлющую науку, которая должна была заменить усилия самой души сознательной, но которая сделала бы человека просто земным человеком, лишила бы его будущего, возможности дальнейшего развития в

духовном мире. Появились бы мудрые люди, но материалистически мыслящие, чисто земные люди. Они могли бы глубоко всматриваться также в духовное земное, в сверхчувственно-земное; но они были бы совершенно отрезаны от того развития, которое было предопределено их создателями, развития в направлении Самодуха, Жизнедуха, Духочеловека. И кто имеет хотя бы некоторое представление о мудрости Гондишапура, тот признает хотя и опасный для человечества, но в то же время чрезвычайно могущественный феномен. И было намерение затопить этой ученостью не только соседние области, но весь цивилизованный мир Азии и Европы.

Была проведена соответствующая подготовка. Но то, что должно было исходить из Гондишапура, было заглушено, до некоторой степени сдержано духовными силами, которые были связаны с импульсом Христа, хотя и образовывали ему своего рода оппозицию. Прежде всего, все исходящее из Гондишапура было заглушено появлением Мухаммета. Поскольку Мухаммет распространял свое фантастическое религиозное учение прежде всего в тех областях, в которых должно было распространяться гностическое учение Гондишапура, он, так сказать, лишил почвы гностическую мудрость Гондишапура. Он снял с нее сливки, и то, что должно было исходить из Гондишапура, отошло на второй план, не в силах конкурировать с тем, что сделал Мухаммет. В этом проявилась мудрость мировой истории; и только тогда можно правильно понять магометанство, если помимо прочего знать, что магометанство было предназначено для того, чтобы смягчить гностическую мудрость Гондишапура, лишить ее собственной, сильно искушающей ариманической силы, которая иначе овладела бы человечеством.

Итак, эта мудрость Гондишапура не исчезла целиком. Но нужно тщательно проследить развитие человечества, начиная с VII столетия до нашего времени, чтобы понять, что произошло в связи с гностическим движением Гондишапура. Величайший учитель, имя которого осталось неизвестным, бывший величайшим противником Иисуса Христа, потерпел неудачу в достижении своей цели, которую он в Гондишапуре излагал своим ученикам, но все же было достигнуто нечто другое. Но для того, чтобы это понять, нужно этот вопрос тщательно изучить.

Может возникнуть вопрос: вследствие чего, собственно говоря, так развилось современное естествознание, этот своеобразный естественнонаучный образ мышления? То, что я сейчас скажу, не отрицают также добросовестные историки. Этот современный естественнонаучный образ мышления, как я охарактеризовал его вам вчера, вовсе не развился по прямой линии из христианства; нет, современный естественнонаучный образ мышления, так сказать, в действительности не имеет никакого отношения к христианству. Можно шаг за шагом, десятилетие за десятилетием проследить, как, хотя и неявно, гностическая мудрость Гондишапура проникала через южную Европу, Испанию, Францию, Англию, распространялась по всему континенту, именно косвенным путем через монастыри; можно проследить, как изгонялось сверхчувственное и оставалось только чувственное, так сказать, укреплялась тенденция; и из этой приглушенной гностической мудрости Гондишапура постепенно образовывалось западное естественнонаучное мышление.

Особенно интересно изучать в этом направлении деятельность Роджера Бэкона, не Бэкона Веруламского, но Роджера Бэкона. Хотя он и был монахом, — к которому, однако, не очень доброжелательно относились

его коллеги, — но в него вливалась эта гностическая мудрость Гондишапура. Люди сегодня так мало знают источники того, что живет в их душах, что думают, что имеют непредвзятое естественнонаучное мышление, тогда как истоки этого непредвзятого естественнонаучного мышления лежат в Академии Гондишапура.

Вовсе не обязательно, чтобы то, что получено средствами духовного видения, нельзя было бы доказать; нужно только проложить правильный путь, чтобы также внешними опытными средствами показать, что верно то, что получено посредством духовного видения. Именно такие рассмотрения имеют колоссальное значение для ближайшего будущего человечества. Ибо если человечество хочет найти выход из сегодняшних заблуждений, из заблуждений последних лет, то оно должно обратиться к своему прошлому. То, что человек сегодня склонен рассматривать все в естественнонаучной ориентировке, с христианством как таковым не имеет ничего общего, но является результатом ситуации, которую я описал. Так что мы в западном культурном развитии действительно можем наблюдать действие этих двух сил, этих двух потоков: с одной стороны, христианский поток, с другой стороны, то, что глубоко повлияло на западное мышление, и что можно изучать, изучая средневековую духовную жизнь.

Эту средневековую духовную жизнь изучают крайне односторонне. Но пойдите и посмотрите картины художников, изображавших, как вели себя средневековые схоласты в отношении арабских философов. Вы увидите, как в смысле западной христианской традиции представлены схоласты, которым христианское учение дает возможность попирать ногами арабских ученых. Здесь снова и снова всплывает волнующий мотив попираания арабских ученых силою Христа! Посмотрите на эти картины, возникшие из христианской традиции Запада, и вы поймете, что в этих картинах живет вся страсть Средневековья, стремление христианство противопоставить тому, что первоначально исходило как оппозиция Христу из Академии Гондишапура и проникало посредством арабской учености в Европу. И тому, кто познает эти взаимосвязи, видно, как еще при Маймониде-Рамбаме и Авиценне повсюду можно найти то, что я описал. Подумайте о том, что человек был предназначен для того, — и Мистерия Голгофы должна была ему помогать в этом, — чтобы, исходя из своей личности, найти душу сознательную, чтобы в дальнейшем восходить к Самодуху, Жизнедуху, Духочеловеку. Здесь же он должен был, исходя из гениальной гностической мудрости, непосредственно через откровение получить нечто, для чего не было нужно развития души сознательной, которое должно было начаться с XV столетия; как гениальное откровение он должен был получить все то, чего он должен был добиваться посредством собственного умения, инспирируемого определенными божественно-духовными существами, к которым принадлежал также Иисус Христос.

На этом были сосредоточены мысли таких людей, как Аверроэс, который постиг гностическую мудрость Гондишапура в ее смягченной форме. Кто, собственно говоря, может понять из того, что написано сегодня в глупых, несвязных учебниках об Аверроэсе, почему Аверроэс, испанско-арабский ученый, сказал: когда человек умирает, то только субстанция его души изливается в общую духовность; человек не имеет никакой личной индивидуальности, но все, что является душой в отдельном человеке, является только отражением Всемирной Души? Почему Аверроэс сказал

это? Потому что это являлось одной из ветвей мудрости Гондишапура, которая должна быть усвоена людьми не так, чтобы каждый отдельный человек развивал ее в своей душе сознательной, но так, чтобы эта мудрость низошла на них как откровение. Это было бы ариманическим откровением; но действительно с человеком произошло бы то, что содержание души сознательной стало бы монистическим, и отдельное сознание действительно стало бы просто видимостью. Все просветляется в культуре Запада, если рассматривать ее духовно.

И мы должны все снова и снова задавать вопросы, во-первых: как может произойти это развитие души сознательной? Это ведь должно состояться. Во-вторых: что мешает людям сегодня обратиться к духовной науке, которая только и может открыть им путь к душе сознательной?

Вчера я вам говорил: познание природы, которым особенно гордится сегодняшнее человечество, ведет, собственно говоря, к представлениям, которые являют нам не природу, но ее призрак. То, что человек знает о природе, это не истинная природа, но призрак, он так же относится к полноценной природе, как призрак к полноценной действительности. Но только естествоиспытатель не знает, что его знание является призрачным, что то, что он знает о человеке, суть не гомо, но гомункулус. Тот характер развития человечества, который оно приобрело, начиная с XV столетия, и которое будет продолжаться до конца III тысячелетия, определяются тем, что человек все более и более будет оцениваться по своим достижениям в области, например, естествознания, насколько он приблизился к действительности посредством этого естествознания. Человек должен будет стремиться к познанию, и он должен преодолевать препятствия, которые он встретит на своем пути. И самым главным препятствием, — мы уже охарактеризовали его с определенной точки зрения, и мы снова сосредоточим на нем наше внимание, — является то, что естественнонаучная эпоха, дитя Академии Гондишапура, достигает только призрачного знания о человеке, поскольку она создает представления о природе, из которых исключено духовное. И мы можем спросить: почему так поступает современный человек? Ибо тогда мы сможем получить представление о том, что человек должен преодолеть, почему человек бессознательно стремится к призрачному познанию природы, и к тому же гордится и чванится этим призрачным познанием природы? Почему?

В тот момент, когда сознают, полностью сознают, что это познание природы является только призраком природы, чувствуют побуждение проникнуть в действительность, стоящую за этим призраком. Тогда хотят иметь действительную природу. Наше естественнонаучное мировоззрение можно охарактеризовать также с другой стороны. Можно сказать: это естественнонаучное мировоззрение приходит к призрачным представлениям и остается при них, поскольку оно надеется таким образом иметь представления о действительной природе, и тогда оно изобретает различные понятия — атомы, молекулы и т. д., которых, как вы знаете, не существует, и которые являются чистым изобретением; изобретает различные законы, такие как сохранение силы, сохранение вещества, которые не соответствуют действительности. Оно строит всевозможные гипотезы относительно того, чего не существует, относительно того, что оно представляет в отношении призрачных законов природы. Почему оно это делает? Потому, что в глубинах души существует уже упомянутый нами тайный страх; только

человек ничего не знает об этом страхе, поскольку это страх бессознательный. Я мог бы его назвать трусостью.

Ибо что произошло бы, если бы человек мужественно сказал себе: ты хочешь иметь понятие о природе, а не о призраке природы, ты хочешь найти путь к действительности? Тогда ты найдешь не атомы, не молекулы, не понятия Оствальда, Геккеля, но ты найдешь Аримана со своей свитой! Тогда все это станет духовным. Те, кто посредством истинного естествознания проникают в реальность, находят Аримана. Но этого и боятся люди, ибо они опасаются низвергнуться в пропасть, если они там, где просто искали вещество, которого в действительности нет, найдут дух. Ибо прежде всего является дух, которому нельзя молиться, но от которого нужно защищаться, и которого нужно встречать с полным сознанием.

Поистине это было не произвольным актом, поместить в нашей скульптурной группе наверху Христа вместе с Ариманом и Люцифером, но эта группа составлена в связи с глубокими жизненными вопросами нашей современной эпохи и указывает на то, что человечество должно познакомиться с вещами, о которых здесь идет речь. Наше познание природы призрачно, и оно останется призрачным, пока мы не наберемся мужества искать духовное; но тогда мы столкнемся с Ариманом. И наше познание души также не дает нам истинного знания души, но только образ души. В принципе, то, что сегодня в академиях и университетах изучают как психологию, все это дает только образ души. И этот образ ослепляет нас в отношении реальности, ибо если продолжить исследования на том пути, на каком был найден этот образ, то мы придем к Люциферу. Это то ближайшее к нам духовное, которое мы можем найти.

Итак, тот, кто может действительно проникнуть к тому, что в ослабленной форме осталось от этого направления Гондишапура, тот найдет, что эти методы ведут к точному познанию Аримана и Люцифера. Но они приводят только к Люциферу и Ариману, но не к водительству человечества Иисусом Христом.

Это то, что чувствовали схоласты Средневековья, которые хотели попирать ногами-арабских ученых, и они постоянно чувствовали себя в такой ситуации вследствие их связи с глубочайшими импульсами развития человечества. То, что должно было открыться людям через посредство Аримана вместо того, чтобы они сами достигли этого в течение столетий, было чрезвычайно опасной для них мудростью. Человечество находится на пути достижения этой мудрости в связи с ее трояственностью, посредством души сознательной; но тогда, в VII столетии, на пути человечества встало то, что я описал.

На трех вещах основана эта мудрость; это не мудрость, к которой человек не должен стремиться, но он должен достигнуть ее под водительством импульса Христа. Вот три вещи, связанные с этой мудростью: во-первых, природа рождения и смерти. Мы много говорили об этих вещах, и из того, что мы сказали, вы знаете, что познать рождение и смерть человека можно только средствами сверхчувственного познания, ибо они не есть чувственные явления. Когда человек рождается или умирает, в этот момент сверхчувственное вступает в чувственное. Рождение и смерть остаются загадкой для того, кто хочет постигать их только внешне-чувственно, ибо это не чувственные явления. Чувственные явления при рождении и смерти неистинны, поистине это сверхчувственные события. Но

если мы попытаемся сверхчувственным взором проникнуть в тайны рождения и смерти, тогда нашему познанию представятся определенные сопутствующие явления. Такие явления, которые дадут нам понять: так, как мы живем в чувственном мире, это является только кажущейся душевной жизнью. На Западе люди столетиями противились этой истине. Вы можете проследить эту борьбу в моей книге «Загадки человека»; я говорю об этом в самом начале. Но только я должен был там выражаться осторожно, поскольку внешний мир еще не способен воспринимать эти вещи; он находит их парадоксальными. Но вы знаете ведь, что через весь западный мир проходит то, что сформулировал Картезий, но что восходит еще к Августину, а именно изречение: *Cogito ergo sum*. — Я мыслю, следовательно я есть. Люди надеялись в мышлении овладеть реальностью души. Изречение должно звучать иначе, если оно хочет представить истину для живущего в чувственном мире человека. Нужно сказать: Я мыслю, следовательно меня нет! Ибо в тот момент, когда мы начинаем просто мыслить, когда мы разворачиваем только внутреннее мышление, мы больше уже не существуем. Что тогда происходит в нас? Тогда в нас происходят очень сложные явления, с которыми мы будем разбираться сегодня и завтра.

Представим себе, что вот это человеческая жизнь, а это то, что человек испытывает в себе в течение жизни как образующее представления мыслящее существо: тогда это только кажущееся образование, это как бы полая труба, протянувшаяся от рождения до смерти (см. рис., красное), ибо истина лежит позади. В период до рождения, можно сказать, до зачатия, там лежит истина; там мы действительно находимся в духовном мире, в сверхчувственном, там мы находимся в действительности, и на границе, когда мы вступаем в чувственный мир, проходит только образ. Мы являем собой только образ нашей жизни до рождения или до зачатия. Действительностью является не то, что говорит, обращаясь к нам, живущее сейчас; когда я нечто говорю вам, то это всего лишь образ.

В действительности еще сегодня говорит то, что было в духовном мире. Мы вечны не потому, что пребываем, но потому что мы еще сегодня являемся теми, чем мы были в действительности до рождения или зачатия, и что вступает в настоящее. Вследствие того, что мы вовлечены в телесное существование, мы в период нашей земной жизни стали кажущимся образом нашего собственного существа. Я мыслю, следовательно меня нет, — в отношении этой глубокой истины в период от Августина до Картезия философия распространяла глубокий мрак. И этот мрак скрывает глубокую истину относительно рождения и смерти. Ибо задают вопрос: где душа имеет начало? В рождении. Где она находит свой конец? В смерти. Зная сверхчувственную истину, нужно говорить иначе: Когда душа прекращает разворачивать свою жизнь как душа? Когда мы рождаемся или с зачатием,

когда она снова начинает разворачивать свою жизнь как сверхчувственное существо? Когда мы умираем. Здесь на Земле прерываем мы сверхчувственную жизнь, чтобы не действовала только она одна, но чтобы мы могли воспринять свойства чувственного и принять его в нашу жизнь в целом. Речь идет не о фанатичном аскетизме, но, само собой разумеется, о том, что чувственная жизнь абсолютно необходима для жизни человека в целом. Но эта земная жизнь именно потому так важна и выступает с материалистической окраской, что наша собственно человеческая жизнь, как сверхчувственного человека, прекращается, когда мы вступаем в земное бытие, и снова начинается, когда мы проходим через врата смерти.

Тайны рождения и смерти начинают открываться, только когда человек познает себя как сверхчувственное существо, и знает, что он является только образом того, чем он был до рождения и чем он будет после смерти, образом душевного существа. Но тогда мы должны иметь мужество смотреть на то, что в нас есть. Если здесь (см. рис.) мы имеем полую трубу, всего лишь образ, то мы должны иметь мужество сказать: не дадим себя ослепить этим образом, но будем в нашем познании противостоять Люциферу. Для того, чтобы собирать знания, — действительно плодотворные для жизни, — требуется мужество, внутреннее мужество. Это нужно подчеркивать все снова и снова. Это первое: знание, которое относится к рождению и смерти.

Второе — это знание, которое относится к течению самой нашей жизни. Вследствие того, что мы неверно рассматриваем отношение нашей души к телу, хотя это неверное рассмотрение оправдывается основаниями, которые вы можете найти в моем «Тайноведении», человек имеет также ложное воззрение на весь ход своей жизни. Ибо он представляет ее примерно так, как я несколько дней тому назад описал в образе «Отца Рейна». Вы можете вспомнить, как я употреблял образ Отца Рейна. Некто стоит на мосту в Базеле, смотрит вниз и говорит: здесь я вижу старый Рейн. Тогда я спрошу его: что ты понимаешь под старым Рейном? Вода, которую ты видишь текущей там внизу, конечно не стара, ибо через час она будет уже далеко отсюда, и через пару дней она уже вольется в далекое море; она наверняка не стара. И то, о чем ты говоришь, мне кажется не просто ложе реки, проложившей себе путь в земле от Швейцарских гор до Северного моря. Итак, что же такое Отец Рейн, старый Рейн, о котором часто говорят? В субстанциальном отношении это ничто, от субстанциального не остается ничего, когда вы употребляете выражение Отец Рейн. Также не остается ничего субстанциального, когда вы рассматриваете собственную телесность. Эта собственная телесность есть непрерывный поток: разрушение, обновление соков, распад, возобновление соков. Здесь не остается ничего, кроме формы, которая является продуктом духа. В эту форму все снова изливается то, что представляется нам субстанцией, вливается, разрушается, подобно воде в Отце Рейне.

Вследствие того, что все это происходит во внешней майе, в иллюзии, мы не видим этот поток постоянного растворения и восстановления, который в действительности существует в отношении внешней чувственной жизни, но мы видим то, что должно быть рождено, ком мяса с костями и кровью, которое растет, и когда полностью вырастет, остается постоянным до самой смерти. Это представляют себе примерно так, как если бы мы Отца Рейна представляли себе как участок воды, чего, естественно, не может быть, — спокойно лежащий в своем ложе, между

Швейцарскими горами и Северным морем; примерно так мы представляем человеческую телесность. Хотя она находится в непрерывном течении, мы думаем, что она представляет собой нечто застывшее, — не сразу подберешь правильное слово, — между рождением и смертью. Если бы мы видели себя правильно, то видели бы себя находящимися в постоянном потоке, и нам не пришла бы в голову идея, что этот непрерывный поток имеет что-либо общее с нашим истинным существом. И если бы мы видели то, что лежит в основе этих сил растворения и обновления, то мы получили бы тем самым медицинскую науку, ту духовную медицинскую науку, которая была бы совсем другой, чем наша сегодняшняя медицинская наука. Вы не получите правильного суждения об этой медицинской науке, если скажете: да, посредством этой медицинской науки можно излечивать болезни! — Болезнь не может быть излечена, поскольку дело не в том, чтобы лечить болезни, как этого хотели бы современные люди. Посредством действительно духовной медицинской науки можно только поддерживать оздоровительные силы в их тотальности. Истинное врачебное искусство состоит в том, чтобы так направлять жизнь, чтобы человек овладел силами растворения, выделения, обновления. Тогда не понадобится никаких аптекарских товаров, если каждый человек не только распространит это на собственную человеческую личность, но будет так жить совместно с другими людьми, что это будет принято всем человеческим родом. Я часто говорил об этом. И это вторая вещь.

Третье, связанное с предыдущим, это истинное естествознание. Что же является истинным естествознанием? Я часто подчеркивал, что духовная наука не отрицает естествознание, каким оно является сегодня, но она знает, что это естествознание не представляет действительность природы, только ее призрак. И дело вовсе не в том, чтобы бороться с этим призраком. Уже в силу нашей человеческой предрасположенности мы должны допустить существование этого призрака. Дело не в том, как я рассказывал вчера про философа Рихарда Вале, чтобы изыскать яд, — хотя это только яд, направленный против философии, это философский, не внешний яд, — чтобы всех, кто мыслит естественнонаучно изгнать из этого мира, но в том, чтобы определить, в каком смысле они правы. Нужно естествоиспытателям сказать: если вы хотите доказывать, что ваши исследования правильны, то мы можем полностью с вами согласиться, но вы должны в то же время согласиться с тем, что посредством этих правильных в смысле естествознания исследований вы приходите к представлению только призрака природы, но не к действительной природе. Это нужно сознавать. Задачей эпохи души сознательной является видеть вещи именно в их действительности.

Тогда естествоиспытатель скажет: да у меня есть те или иные основания не считать мое познание природы призрачным! Духовный исследователь должен возразить: ты поступаешь совершенно правильно, имея призрачное знание о природе. Ибо когда ты ищешь какую-нибудь субстанцию вне призрака, ты поступаешь неправильно. Если ты ищешь духовное, то ты поступишь правильно, если за этим призраком будешь искать всевозможное ариманическое. То есть ты прав, когда ищешь призрачное знание. Итак, то, что я вам сказал о телесности человека, уже носит весьма призрачный характер. И тот, кто рассматривает природу с более высокой точки зрения, рассматривает как истинное природное явление, которое не вводит нас в обман, нечто совсем иное, чем то, что

представляется нам как надежное природное явление. Весьма своеобразно, — и я буду еще завтра говорить об этих явлениях, — что несмотря на это мир в каких-нибудь вопросах, я бы сказал, прямо пальцем указывает на истину. Где-то всегда находится указание на то, что является правильным, когда хотят знать, как нужно мыслить относительно реальности природных явлений, представленных нашим чувствам. Что же мы должны, собственно говоря, видеть? Есть ли в самой природе нечто, проясняющее ее нам?

Да, есть нечто: например, радуга; радуга действительно является образом природного явления. Если вы придете туда, где находится радуга, то вы совершенно свободно пройдете сквозь нее, она представляет собой только результат взаимодействия различных процессов. Такими же спектральными, как радуга, такими же призрачными, как радуга — только этого не замечают — являются все природные процессы; они находятся не там, где они являются глазу, уху или другому органу чувств, но они являются результатом взаимодействия других процессов, духовных процессов. Мы ходим по земле и думаем, что там внизу находится материя; в действительности же мы воспринимаем только силы, как в случае с радугой, и когда мы думаем, что ступаем по твердому, то это есть Ариман, который снизу посылает свои силы.

Но как только мы покидаем чисто спектральное, чисто призрачное природных явлений, мы встречаем духовное. Это означает, что все исследования так называемой грубой материи являются бессмысленными. Как только прекратятся поиски грубо-чувственного, как лежащего в основе природы — и к этому человечество придет в IV тысячелетии, — тогда в основу будет положено нечто иное, тогда повсюду в природе будут искать ритмы, ритмическую организацию. Эта ритмическая организация существует, но только сегодняшняя материалистическая наука, как правило, высмеивает эту ритмическую организацию. Мы образно представили эту ритмическую организацию в виде семи колонн и в конфигурации нашего Здания в целом. Но эта ритмическая организация наличествует во всей природе. В растении один лист следует за другим в ритмическом порядке; ритмически расположены лепестки цветка, все организовано ритмически. Ритмически нарастает и отступает лихорадка в ходе болезни; вся жизнь протекает ритмично. Распознавание природных ритмов — это будет истинным естествознанием.

Но благодаря распознаванию природных ритмов можно придти к некоторому использованию их в технике. Это и является целью будущей техники: посредством согласования колебаний, которые возбуждаются в малом и потом переносятся на большое, посредством простого взаимодействия вибраций выполнять колоссальную работу.

Завтра я вам подробно покажу, почему действительно мудро со стороны христианского миропорядка, который в этом смысле является исполненным мудрости божественным миропорядком, дать возможность человеку созреть для этого знания, о котором я говорил, тогда как академия Гондишапура просто хотела навязать его людям. Если эти знания должны придти к людям, то люди должны иметь также и другие стремления. Человечество должно получить эти знания при условии, что, во-первых, одновременно с развитием в направлении этих знаний в широком плане человечество должно установить для третьего пункта полностью самоотверженный социальный порядок. Невозможно внедрить ритмическую технику без того, чтобы не принести еще больший вред, если одновременно

не развиваться в направлении самоотверженного социального порядка. Эгоистическое человечество может внедрить ритмическую технику только себе на беду. И те силы, идентичные с целебными силами человека, которые я назвал на втором месте, когда процессы растворения и обновления, процессы ассимиляции и диссимиляции рассматриваются как стоящие под воздействием этих сил, не могут быть просто так даны человечеству. Эти силы нельзя просто так передать человечеству, — как я показал это, исходя из других точек зрения, — если не воспитать внутри человечества абсолютную совесть, которая распространяется не только на внешне видимое, но также на внешне невидимое; когда человек запрещает себе не только внешне видимое, но согласно определенным правилам, установленным совестью, запрещает себе то, что внешне невидимо: мышление, чувства. Ибо познание этой силы, которая скрыта от нас потому, что мы наш жизненный поток между рождением и смертью рассматриваем как застывшее тело, овладение этой силой принесет величайшие несчастья, если дальнейшее развитие не будет проходить в свете абсолютной совести также в отношении внешне невидимого.

И третьим должно быть то, что соответствует моему первому пункту, что соответствует познанию тайны рождения и смерти. Эта тайна рождения и смерти подобным же образом предполагает, что человечество должно достигнуть определенного состояния зрелости; ибо она предполагает, что человек действительно может сознательно противостоять Ариману и Люциферу. И тот, кто в состоянии полностью взвесить то, что понимается под этим пунктом, познает следующее, что я хочу привести в заключение рассмотрения; завтра мы продолжим это рассмотрение. Он познает следующее: можно заниматься естествознанием как чисто призрачным познанием и не знать, что это чисто призрачное познание; можно довольствоваться неистинным познанием. Кому-то это может помочь, поскольку при этом нет опасности встретиться с Ариманом. Вы можете сделать Аримана невидимым; но вы должны тогда в сегодняшнем смысле собирать знания о природе, которые не содержат в себе истины. Такое познание природы воздвигает хороший барьер против Аримана, но при этом исследователь не достигает истины. Вы имеете выбор, либо вы хотите достигнуть истины, — тогда вы должны познакомиться с тем, что как ариманически-сверхчувственное вливается в мир, — либо вы должны смириться с неистинной. Если вы исповедуете неистину, то вы говорите: призрачное познание природы дает нам знание действительной природы, — ладно, тогда вы остаетесь при том, что угодно Ариману, который желает лжи и который живет ложью. И он может жить только этой тайной ложью; и ничего не может быть для него приятнее того, чтобы распространялась эта ложь, которая состоит в воззрении: призрачное знание природы есть действительное знание природы.

Кроме того, я говорил о том, что является только тенью сверхчувственного; я представил это как прозрачное отражение, образ. Здесь также предстоит сделать выбор: либо мы проникаем в сверхчувственное, — тогда мы лицом к лицу естественно-духовно встречаемся с Люцифером, либо мы остаемся при неистинном, и тень душевного рассматриваем как действительность. Но тогда мы никогда не сможем прийти к правильному заключению относительно рождения и смерти и относительно бессмертия, ибо мы тогда рассматриваем не душу, которая бессмертна, но просто образ. Это то, что в этом беглом обзоре я

хотел поставить перед вашей душой. С этими мыслями мы свяжем наше завтрашнее рассмотрение.

Это очень важная мысль: в нашу эпоху души сознательной человек должен сделать выбор, он должен стремиться к истине; тогда он должен быть готовым мужественно встретиться с духовным. Или он выберет отказ от духовного, тогда он останется при иллюзии, при неистине. Академия Гондишапура, которая хотела отнять у человека стремление к истине, хотела избавить его от усилий дальнейшего развития, хотела открыть ему то, что она сама получила как откровение на ариманическом пути. Академия Гондишапура, которая имеет свое последнее отражение, свой призрак в современной естественнонаучной иллюзии, эта Академия Гондишапура хотела человека сделать чисто земным человеком. Она в своих стремлениях была преодолена тем, что в человечестве было заложено еще до ее создания — посредством Мистерии Голгофы. Об этом мы будем говорить завтра.

ЛЕКЦИЯ ПЯТНАДЦАТАЯ

Дорнах, 13 октября 1918 г.

Вчера мы видели, как душевный строй, который мы должны иметь в эпоху души сознательной, в некотором отношении подготавливался исторически. Давайте ясно представим себе, какова внешняя мировая ситуация в отношении этих вещей. Мы можем сказать, что 333 год по Р.Х. представляет собой некий вид равновесного состояния (см. рис.), которое отчетливо выделяется в ходе исторического становления, но которому мало уделяется внимания во внешней истории по той простой причине, что вокруг него, я бы сказал, вращаются события, а центр вращения, также и при механическом движении, как таковой не принадлежит движущейся системе. Возьмите весы: вы видите движение чашек весов на коромысле; однако сам центр вращения, представляющий нечто идеальное, остается невидимым. Но он является, само собой разумеется, самым важным элементом; и он должен иметь надежную опору.

*Мистерия
Голгофы   333 после Р. Х.   666 после Р. Х.*

И мы прежде всего должны отметить важность этого 333 года, который остался незаметным для внешнего мира, подобно центру вращения весов. Помимо того, этот 333 год является центром четвертого послееатлантического периода, серединой того важного периода, который начался с 747 года до Мистерии Голгофы, когда был основан Рим, и продолжался примерно до 1413 года, когда закончился греко-латинский период и начался новый период, который будет продолжаться до конца IV тысячелетия, и это наша эпоха души сознательной. Этот центр в 333 году был мало замечен, если рассматривать внешние события, как центр весов. Но мы можем указать на нечто, случившееся 333 года спустя, в 666 году. Это год, о котором мы можем сказать: то, что позже развилось как естественнонаучный образ мышления человечества, проявилось в

деятельности Академии Гондишапура, впоследствии смягченной магометанством. Вчера мы попытались проследить, как определенный вид духовного и душевного строя людей распространялся через Южную Европу и стал, собственно говоря, тем научным стилем мышления, который мы находим в современном естествознании, который широко распространен в современном образе мышления. Прошло 333 года той эпохи, когда уже только оглядывались на прежние времена, как это делал Юлиан Отступник. До 666 оставалось 333 года; но если мы будем отсчитывать в обратном направлении, в направлении другой чашки весов, т.е. на 333 года назад, мы получим как раз рождение Иисуса Христа, подготовившее Мистерию.

Мы, в основном, так рассмотрели все эти события, что можем спросить: что произошло бы в человеческом развитии, если бы не было Мистерии Голгофы? Ибо основание Академии Гондишапура и все, исходящее из нее, происходило независимо от Мистерии Голгофы. Философские школы в Афинах были в некотором отношении уже связаны с христианством. Однако Юстиниан закрыл их в 529 году. Чисто греческая мудрость распространилась через Сирию в Гондишапур в новоперсидские области. И все прочее, связанное с этим, если оно не было подавлено, и то, что должно было исходить из Гондишапура, должно мыслиться вне христианства, без всякой связи с Мистерией Голгофы. В действительности, начиная с нулевого года нашего летосчисления, не происходило ничего без связи с импульсом Мистерии Голгофы, но задумано было осуществить многое.

В самом деле, мы можем сказать, что также то, что лежит в центре вращения, то, что в 4 столетии действовало в душах, что не склонялось к христианству, мы можем рассмотреть в чистом виде, только если спросим: каким было бы развитие западного человечества, если бы не было Мистерии Голгофы? И мы можем изучить, даже в историческом аспекте, каким стало бы это развитие западного человечества, например, у Августина, который представил обе стороны последующим поколениям. Он попытался, совершенно независимо от христианства, у манихеев разрешить свои насущные мировые загадки, и только потом перешел к христианству.

Но мы можем пойти еще дальше, и тогда встанет важный вопрос: как все выглядело бы, если бы мы, именно ко времени Мистерии Голгофы, рассмотрели ход развития и спросили себя, что происходило в остальных областях, не затронутых этим событием в Палестине? Таковыми были все земные области, исключая тот узкий круг, в котором действовал сам Христос. Как обстояли дела во всех этих областях Земли? Как обстояли дела в особенности в Риме, куда с особой интенсивностью распространилось действие Мистерии Голгофы?

Этот вопрос особенно важен для нашего времени, в наши дни он ни в коем случае не является чисто теоретическим: как дела обстояли в Риме, когда в Палестине произошла Мистерия Голгофы? Мы вскоре увидим, что именно наша непосредственная современность является временем, которое подобным же образом, но только в другой сфере, можно рассматривать как время Мистерии Голгофы. Никогда не следует забывать то, что очень легко забыть, если сегодня обратить свой взгляд на время Мистерии Голгофы; нужно все снова и снова в своих ощущениях возвращаться к культуре древней Римской империи, которой совершенно неизвестно было, что по ту сторону, в Палестине, выступила одинокая человеческая личность с небольшим числом последователей, которая, прожив некоторое время,

подверглась крестной смерти, и с которой связано познание, важное познание будущего человечества относительно рождения и смерти. Нужно постоянно возвращаться к представлению: несмотря на это событие, которое сегодня как Солнце проливает свет на историю человечества, которое произошло в начале нашего летосчисления, вся душевная и внешняя жизнь так развивалась в то время на всей Земле, что ничего не было известно об этой палестинской Мистерии Голгофы. Поэтому встает вопрос: как все это выглядело особенно в Риме?

Мы легче пойдем друг друга, если будем исходить из того, чего позже, в 666 году, хотели те головы, которые основывали Академию Гондишапура. Как я вчера говорил: то, чего позже должна была достигнуть душа сознательная посредством собственной работы человека, хотели дать людям посредством откровения, которое само было получено на ариманическом пути. В 666 году человечество находилось еще в эпохе души рассудочной; тогда человечество еще не было в состоянии самостоятельно мыслить так, чтобы все доходило до сознания. Поэтому хотели ему это дать: хотели заранее дать человечеству то, чего оно должно было достигнуть только в течение тысячелетий. И в противоположном направлении, в нулевом году, в эпоху Мистерии Голгофы произошло нечто противоположное. 333 года спустя после 333 года, человечеству хотели дать нечто, предназначавшееся для будущего. За 333 года до этого, т.е. во время Мистерии Голгофы, человечество вернули к тому, что тысячелетиями раньше было предопределено для нормального развития человечества.

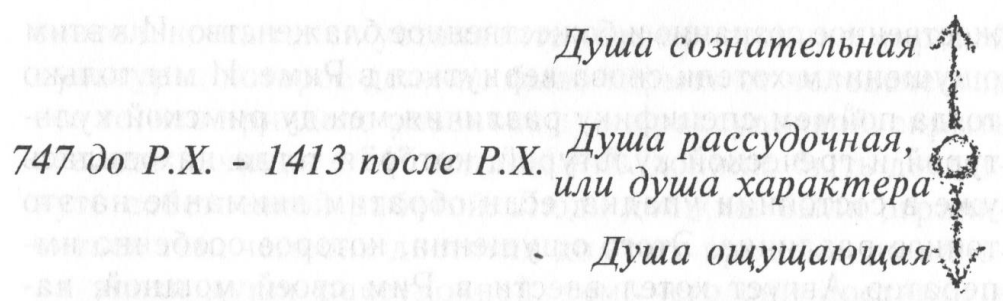
Об этих вещах очень трудно говорить по той причине, что история, которая сама имеет свою историю, развивалась таким образом, что именно история вводит человечество в заблуждение относительно этих вещей. То, что имело важные последствия для южных областей Европы, было скрыто, осталось людям неизвестным. Описывают, например, в истории личность первого римского императора Августа. Но в каком смысле он был важной, оказавшей решающее влияние личностью, такого понимания не давалось, отчасти преднамеренно, а большей частью непреднамеренно. Ибо император Август, который стоял в центре римских инициатив, совершенно сознательно пытался установить такое состояние мировой культуры, которое должно было скрыть от человечества все то, что принесло развитие души рассудочной, скрыть все, что начиная с 747 года до Р.Х. должно быть достигнуто собственной работой. Люди должны были ограничиться тем, чего они достигли до этого времени, до начала эпохи души рассудочной, тем, чего они достигли в эпоху души ощущающей, в египетско-халдейскую эпоху.

Если позже, в 666 году, мудрецы Академии Гондишапура хотели перенести будущее в более раннее время, то в эпоху императора Августа хотели изъять то, что было достигнуто человеком к настоящему времени. Но для этого он должен был *иметь в прежней славе и значении* то, что он имел во время персидской культуры, во время египетско-халдейской культуры. И если через все исторические заросли и нагромождения взглянуть на действительность и спросить себя: что же это такое, что сознательно тогда хотели законсервировать в Риме, и консервации чего воспрепятствовало распространение импульса Мистерии Голгофы? — то мы придем к следующему.

Прежде всего мы имеем здесь двойственность. Во-первых, хотели законсервировать чувство, сохранить чувство для древнего культа, для того

культы, который в течение тысячелетий практиковался у египтян и в Передней Азии, а также в более глубоких областях Азии. Хотели исключить рассудок человека, исключить действие человеческого интеллекта и ограничиться развитием души осязающей; человеку должно было быть представлено все значение, все величие, все могущество культа, который должен был действовать в прежние времена, в эпоху, когда у людей еще не был развит интеллект, который действовал в то время, когда культ богов должен был образовываться из души осязающей, чтобы люди не остались без богов. Это был величественный, грандиозный культ, который должен был заменить размышление, который должен был, по древнему атаквистическому обычаю, вводить души в наполовину гипнотическое состояние, оживляя в них божественное сознание и божественное блаженство. И к этим ощущениям хотели снова вернуться в Риме. И мы только тогда поймем специфику различия между римской культурой и греческой культурой, которая тогда находилась уже в состоянии упадка, если обратим внимание на это тонкое различие. Этого ощущения, которое особенно император Август хотел ввести в Рим своей мощной, направленной в прошлое инициативой, этого импульса Греция не знала. Греки не хотели возвращаться в прежние времена. Грек хотел иметь перед собой то, что он сам мог понять, с чем он мог соединиться. И если бы в ближайшее время не пришел христианский импульс, направленный против инициативы Августа и его последователей, то старые ритуалы были бы возобновлены с еще большим блеском, чем когда-либо ранее.

Итак, твердо усвоим себе следующее: по инициативе Августа и его сторонников из Рима, так же как позже из Академии Гондипапура, должна была исходить пророческая мудрость, из Рима должен был исходить могущественный культ, который покрыл бы туманом весь мир, лишая его как души рассудочной, так и, несколько позже, души сознательной. Если Академия Гондипапура должна была дать человеку душу сознательную, чтобы отсечь последующее развитие, чтобы, дав ему преждевременно душу сознательную, отсечь Самодуха, Жизнедуха и Духочеловека, то Рим хотел вообще не допустить развития души сознательной, он хотел также — еще за 333 года до поворотного пункта — отсечь душу рассудочную и в виде мощного душевного культа представить человечеству то, что должно привести к божественному сознанию. Это была одна сторона устремлений римского посвященного Августа.

Но душа рассудочная имеет два аспекта. Одним аспектом является, в сущности, та сторона души рассудочной, которая тяготеет к душе осязающей. Вы знаете наше членение на душу осязающую, душу рассудочную и душу сознательную. Первая, развивающаяся прежде всего, это душа осязающая, развитие которой завершилось к 747 году до нашей

эры. Душа рассудочная развивалась в период с 747 примерно по 1413 г. н. э. — это приблизительные числа, — и с этого времени наступила эпоха души сознательной. Средняя часть, душа разумная, тяготеет одной стороной к душе ощущающей (стрелка), если она хочет пропитать себя прошлым, как это было показано. Август хотел оживить чувство, которое должно быть извлечено из души ощущающей. Что же могло произойти с более интеллектуальной частью души вследствие того, что душа рассудочная отступила бы на позицию души ощущающей, что произошло бы тогда с той частью, которая склоняется — она, естественно, еще не развита, но она есть — к душе сознательной? Должен возникнуть такой вопрос, и в эпоху Августа он должен был быть поднят, как великий вопрос становления культуры: что должно произойти с тем, что хочет развиваться в сторону души сознательной, если отсечь это развитие, если не допустить дальнейшего развития души рассудочной? Что произошло бы тогда с человеческой душой, которая стремится к душе сознательной? То, что устремляется к душе ощущающей, будет удовлетворено посредством обновленного культа даже больше, чем необходимо для нормального человеческого развития. Но что произойдет с тем, что устремляется к душе сознательной? Нужно употребить только слово, которое всегда избегают употреблять в этой связи, чтобы затемнить определенные факты человеческого развития в то время; нам достаточно только назвать в этой связи это слово, чтобы мы уже могли придти к правильному пониманию. Для другой стороны души существует риторика, которая вместо пропитывания души субстанцией, внутренним содержанием, дает просто шелуху, которая стремится на место живых понятий поставить просто конфигурацию слов, конструкцию предложений.

Да, под влиянием Августа в Риме развивалось нечто совсем другое, чем ранее в Греции. Как бы римское платье ни было похоже на греческое, но в римской тоге не чувствовали себя так, как чувствовал себя грек в своем одеянии, совершенно внутри него, но римская тога выглядела как внешнее одеяние, как декорация. И в самой форме ниспадающих складок римской тоги, в противоположность греческому одеянию, виден отблеск почитания культа. И можно ощутить колоссальное различие между Демосфеном, который заикался, и который несмотря на свое заикание мог выразить греческое существо — не риторику! — и римскими ораторами, у которых больше обращали внимание на то, что не было среди них никаких заик, но только те, кто умеют хорошо формулировать последовательности слов и предложений.

В эпоху Августа хотели дать человечеству, с одной стороны, непонятные древние культы. Стремилась к тому, чтобы удержать людей от понимания этих культов, чтобы они не спрашивали: что означает то, что дается нам в этих культах? Такая тенденция во многих областях сохранилась и до наших дней. Сегодня есть даже масоны, которые говорят весьма курьезные вещи. Например, говорят этим масонам: вы имеете обширную символику. Она содержит очень многое, но сегодняшние масоны вовсе не интересуются тем, что означают эти символы. И когда люди так говорят, им отвечают: именно это я нахожу прекрасным в современном масонстве, что каждый может в отношении этих символов мыслить то, что сам хочет. Такой человек большей частью мыслит то, что он может мыслить в своей ограниченности, но это очень и очень далеко от глубокого значения символа, которое вводит нас в характер и души людей.

Это то, что сознательно хотели ввести в то время в Риме: культ, при котором не спрашивают, что означает этот культ, чтобы интеллект и воля не примешивались к культу. Другой полюс, который необходимо связан с этим, это бессодержательная риторика, та риторика, которая применяется не только для того, чтобы произносить речи, но которая, например, целиком как риторика переходит в *Corpus iuris* Юстиниана, и таким образом западный мир оказался затопленным так называемым римским правом. Это римское право так относится к тому, что должно действовать в душах, которые развиваются в направлении души сознательной, к согревающему душу содержанию. Холодность, присущая римскому праву, распространившемуся в мире, привела к тому, что римское право так относится к душевной теплоте, как риторика относится к тому, что говорится, исходя из душевного света и тепла, даже если оратор заикается.

Причиной того, что замыслы Августа не достигли своей высшей точки, явилось то, что с Востока повеяло свежим ветром Мистерии Голгофы. И все же, как последствие Академии Гондишапура сохранилось в нашем сегодняшнем естествознании, так сохранилось последствие того, что хотел внедрить Август; но ему не удалось сделать это в той форме, в какой он хотел, так же как этого не удалось Академии Гондишапура. Из импульсов Академии Гондишапура просто было изгнано сверхчувственное: и это до настоящего времени остается характерным для естествознания. Но это сверхчувственное, — по крайней мере, глобальное сверхчувственное, которое хотел внедрить Август, как действительное обновление древней религиозности души ощущающей, — было также изгнано.

От всего этого остался католицизм, — основа которого была во время Мистерии Голгофы заложена в Риме, — католическая церковь; ибо католическая церковь является истинной продолжательницей эпохи Августа. Форма, которую приняла католическая церковь, не имеет основанием Мистерию Голгофы. Оттуда только повеяло свежим ветром. То, что живет в католической церкви, это ее культ. Но в этот культ только вплетено то, что исходит от Мистерии Голгофы; своей формой и своими церемониями он восходит к эпохе души ощущающей человечества.

Сегодня нужно выработать правильное отношение к католическому культу, который представляет собой нечто священное, нечто величественное, поскольку он вносит то священное, что с древних времен было вплетено в человечество — все имеет свою великую, могущественную сторону, только нельзя предаваться односторонности. Нужно встать в правильные отношения, например, к ее центральному пункту, к Причастию, которое является отображением высшей мистерии всех времен, если то, что стало мертвым, и что просто было предназначено для души ощущающей, оживить тем, что в новое время может сказать о Мистерии Голгофы антропософски ориентированная духовная наука. В тенденцию Августа, законсервированную в католицизме, нужно внести то, что вновь должно быть обретоно в нормальном ходе развития человечества посредством духовнонаучных исследований; так же как в то, что осталось — в ослабленной форме — от стремлений Академии Гондишапура, должно быть внесено то, что духовная наука извлекает из духовных миров. В естествознание должен быть внесен дух; в сакраментальные деяния, которые снова должен обрести человек, должен быть внесен дух. Все это весомое, исполненное смысла содержание, которое я здесь излагаю, может быть понято только теми, кто чувствует, — и тот, кто длительное время

занимается духовной наукой, должен это чувствовать, — как подобно наше время в том, что большей частью бессознательно живет в душах, тому времени, когда приблизилась к человечеству Мистерия Голгофы. Я часто говорил, и вы найдете это в моей первой драме-мистерии «Врата посвящения», что тогда был момент, который привел к поворотному пункту, и как тогда, во время Мистерии Голгофы, человечество стояло перед поворотным пунктом четвертого послееатлантического периода, в 333 году, так и сегодня мы стоим перед важным поворотным пунктом. Но отрезки времени стали короче, поскольку изменилась скорость движения высших духов; уже нельзя считать, что сегодня также нечто должно произойти через 333 года. Изменилось само течение времени; изменилась скорость, с которой движутся отдельные духи высших иерархий. Итак, в первой трети XX столетия мы находимся накануне важных событий для человечества. И все потрясения, все катастрофы — это не что иное, как сотрясающие Землю процессы, которые предшествуют великому духовному событию XX столетия. Это не событие в физическом мире, но событие, которое как бы должно озарить человечество, которое должно произойти раньше, чем истечет первая треть XX столетия. Его можно назвать, если правильно понимать слова, новым пришествием Иисуса Христа. Но Иисус Христос явится не во внешнем теле, как во времена Мистерии Голгофы, но будет воздействовать на человечество, и воспринимать Его можно будет сверхчувственно; Он будет являться в эфирном теле. Те, кто подготовлены к этому, смогут постоянно Его видеть, постоянно получать от Него советы, смогут в некотором смысле вступать с Ним в личные отношения. Все то, что нам предстоит, сравнимо с тем, что римляне во времена Августа ощущали как физически реальную Мистирию Голгофы, приближающуюся к ним.

Но для таких вещей нужно иметь развитые ощущения. На основании различных внешних ощущений, разыгравшихся в последнее время и приведших, наконец, к этой ужасной мировой катастрофе, можно почувствовать, что в людях снова появилось стремление к культу. В принципе, оно развивается медленно. Обратите внимание на то, как, — но я прошу вас при этом быть в бодрствующем сознании, — некоторые особенно тонко чувствующие люди, уже более чем столетие назад почувствовали это стремление, и отойдя от рассудочного, рационального протестантизма снова устремились к культу. Особенно обратите внимание на те духовные личности, которые могли почувствовать все значение, которое имеет культ для души, а именно для романтиков, которые вернулись к католицизму. Они стремились к католицизму, поскольку были еще не в состоянии духовно-научно просветлить то, что сакраментально стремилось войти в мир. Такие духовные личности как Новалис, — благодаря своей особенно глубокой духовности, развившейся в нем в относительно ранней юности, он был особенно характерной личностью, — были недовольны рассудочным протестантизмом, они стремились к католическим формам, но они, естественно, были достаточно здоровыми натурами, чтобы удержаться от перехода в католицизм. Они выражали именно то, что должно было выразить время, если бы оно было здорово: стремление снова почувствовать в мире нечто сакраментальное, культовое, но не то, что хочет тащить за собой старый культ, как это происходит там, где выступают духовные инвалиды, к которым я причисляю также моего старого знакомого, с которым меня раньше связывали дружеские отношения, Германа Бара. На примерах этих инвалидов душевной жизни, Германа Бара, Шелера, Берриса Мюнхаузена — их немало, и я многих из них знаю лично — можно видеть,

как эти инвалиды душевной жизни приходят к неправильно понятому католицизму. Такой душевный склад хорошо известен, он происходит от того, что люди не могут собраться с силами для действенной внутренней душевной жизни, для действительной, мужественной активности душевной жизни, поскольку они, как было сказано, стали инвалидами душевной жизни, и поэтому они стремятся к тому, что предлагается им в уже готовом виде. Это пронизывает все мифические книги Шелера, которые весьма духовны, все мифические последние статьи Германа Бара и т.д. В некотором смысле это душевная инвалидность. Эта та удобная позиция, которая вопреки требованиям времени не пытается извлечь из глубин души то, что в эпоху души сознательной должно быть переработано в естествознание, видящее во всей природе сакраментальное, воспринимающее всю природу как отражение божественно-духовного мирового порядка.

В эпоху души сознательной человек очень скоро может получить возможность иметь не то абстрактное, сухое естествознание, которое всего человека приводит к оцепенению, которое сегодня провозглашает себя как исцеление мира, но такое естествознание, которое может углубиться в благоговейное содержание того, что Божество в священных символах распространило по всему миру, и во все деяния, которые приносят удовлетворение человеку, а также во все то, чем Божество испытывает человека. Если мы снова будем в состоянии сакраментально, на более высокой ступени проводить свои лабораторные опыты, и клинику сделать алтарем, вместо прилавка мясника и плотницкой мастерской в грубом смысле слова, тогда придет время, которое определено божественным развитием для нашей сегодняшней души. Поэтому не удивительно, что в такое время многое неправильно понимается, прежде всего неправильно понимается вследствие влияния Академии Гондишапура, которое поддерживает естествознание, не желающее установить отношения с Мистерией Голгофы. Вследствие этого естествознание стало чисто ариманической наукой, соответствующей всем ариманическим потребностям человечества, соответствующей настроению, которое хочет ориентироваться только на внешнее в мире. Можно сказать: то, чем является импульс Мистерии Голгофы, нужно воспринять вновь, нужно серьезно воспринять слова: «Я с вами все дни до скончания времен», пока не закончится земной цикл. Эти слова нужно воспринимать серьезно. Если мы хотим связать себя с Мистерией Голгофы, мы должны душу держать свежей, чтобы воспринимать все новые и новые импульсы, которые циклически, не всегда, но время от времени, притекают из духовного мира к человечеству.

Однако этому противодействует естествознание, которое ничего не хочет знать о таких влияниях, которое просто хочет поместить исследователей в лаборатории или клиники и нагрузить их рутинной работой. Там исследуют, как действуют невидимые лучи, не заботясь о том, какой мир открывается в них. Испытывают аспирин или ацетин или фенацетин и т.д., дают его пациентам: давая раз за разом такие вещи, требуется только наблюдать и записывать результаты наблюдений, здесь не требуется душевной активности. Это душевный настрой, который определился импульсами Академии Гондишапура. Ибо если бы все было пронизано этими импульсами, то человечество сегодня наслаждалось бы покоем и ему не нужно было бы больше ничего делать; ему через благодать было бы дано все, что оно должно было бы выработать для своей души

сознательной. Это настроение, только выраженное в чувственном, господствует во внешнем естествознании.

Другое настроение излилось в мир из Рима, оно продолжает в различных формах то, что пришло не из Палестины, не от Мистерии Голгофы, но из Рима, и что развивается в двух направлениях: курение фимиама, чтобы развить культ, который обращается не к интеллекту, а только к душе ощущающей, и риторика, которая стремится только к словесным формулировкам или к такой организации человеческих деяний, которая в своих закономерностях сама являлась бы риторикой. Обе стороны сохраняются. Ничто не может помочь обеим, только ясное понимание, что в будущем не может быть бездуховного естествознания. Не пытаюсь бороться против естествознания, нужно познать его границы. С ним не нужно бороться, оно представляет собой, если его просто позитивно рассматривать, нечто грандиозное, величественное, и никто не имеет права осуждать естествознание, кто не знаком хорошо с полученными им результатами. Кто не знает естествознания, но критически о нем высказывается, тот не прав. Только тот, кто верит в него, кто достаточно знаком с ним, кто углубился в него и освоил его методы, только тот имеет право судить его, отмечать его границы, показывая, как само естествознание должно вводить в духовное постижение мира.

Враждебное отношение встретили мои книги, в которых я признавал заслуги Геккеля и современного естествознания. Находясь на позиции духовной науки, я никогда не решился бы сказать ни слова хулы в отношении естествознания, если бы я не сделал до этого все возможное для признания его заслуг. Ибо на почве позитивной духовной жизни только тогда имеют право на негативную критику, когда могут показать, что то, с чем борются, вполне заслуживает признания в тех границах, в которых оно должно находиться. Я думаю, что я полностью заслужил право излагать духовное развитие человечества, духовную эволюцию, в которой я представляю то, чему не могут научить чувства, поскольку я показал, какое важное значение сыграли дарвинизм и геккелизм в научной жизни.

Стоя на почве духовной науки, можно требовать, чтобы слова, которые произносят, воспринимались несколько иначе, чем их обычно воспринимают. Поэтому я не хотел бы, чтобы то, что я сказал с определенной точки зрения о католицизме или о прочих современных тенденциях, постигалось с точки зрения современного филистера и смешивалось с тем, что любое либеральное общество выдвигает в виде критики католицизма и других подобных тенденций. Я не имел в виду ничего иного, кроме того, чтобы представить вам то, что с точки зрения духовнонаучного исследования действительно может быть оправдано. Естественнаучное исследование требует углубления, так что оно постепенно вводит в духовную жизнь. То, что сохранилось от древних времен, вышло из употребления в ходе человеческой жизни, оно возвращается по причинам, о которых я говорил: потребности человека в сакраментальном, потребности человека в оформлении. Видеть в формах жизни божественное мира, но постигать формы; не говорить догматически о Люцифере, Аримане и Христе, но эту троичность постигать в художественных формах: вот то, что нам нужно.

Из этой мысли возникает произведение, которое будет находиться в центре нашего Здания, деревянная скульптура Христа-Люцифера-Аримана; из этой мысли, выражающей в формах целое, создается то, что способствует развитию человечества, но так, что при созерцании этих форм нас

пронизывает духовное. В основе нашего Здания лежит стремление создавать такие формы. Мы не имеем никакого права рассматривать это Здание в тривиальном смысле, но оно должно пониматься в аспекте великих требований нашего времени, как это необходимо накануне нового приближения Мистерии Голгофы.

Поскольку мы переживаем момент времени, когда снова должны обрести Христа, найти Христа на более высокой ступени, то должно усилиться также и противодействие Христу. Противодействие Христу существовало ведь и раньше. Мы знаем: то, что хотела дать Академия Гондипапура, вообще не принимало христианство. То, чему положил в Риме начало Август, первоначально не имело никакого отношения к импульсу Христа. Позже это преобразовалось в католицизм, поскольку в романскую культуру влился импульс Христа. Гонения на христиан, эпоха Нерона, преследования христиан Диоклетианом, все то, что произошло, также отречение Аполлона Тианского, все это произошло, поскольку Рим активно сопротивлялся христианству. Предполагалось совершенно искоренить его, но это не удалось. Поэтому романская культура, приняв в себя христианство, стала католичеством, и католическая церковь продолжала развиваться в том же духе; и в тот момент, когда к человечеству приблизилось новое откровение, ведущее к дальнейшему познанию Мистерии Голгофы, католическая церковь не устремляется к нему, но отворачивается от него.

Только подумайте, нужно постоянно иметь перед глазами этот факт: когда Коперник, который сам был каноником собора, т.е. правоверным католиком, изложил свое учение, оно было запрещено католической церковью как еретическое. Вплоть до 1827 года правоверным католикам было запрещено верить в учение Коперника; с этого времени было уже разрешено верить в него. И тогда стало возможным, что профессор католической философии сказал в университете: конечно, католическая церковь изгнала учение Коперника и известным образом обошлась с Галилеем. Но сейчас не подобает так мыслить; сегодня следует говорить, — так, выступая в Венском университете, говорил профессор Мюльнер, который был католическим философом, — что именно благодаря открытиям внешних тайн мироздания Коперником и Галилеем более явственным стало чудо божественного всемогущества. Это было сказано в христианском духе, но если бы это высказывание стали судить по прежним стандартам, оно, конечно, было бы признано не соответствующим римско-католическим установкам. То есть потребовалось довольно долгое время, чтобы под давлением внешних обстоятельств католическая церковь признала, что познание Вселенной не препятствует, но способствует христианству. Какой период времени потребуется католической церкви для того, чтобы признать результаты антропософской духовной науки, мы посмотрим, однако нет надежды это увидеть, пока мы с вами живем в этом земном теле. Это одна сторона вопроса.

Но легко может возникнуть путаница и непонимание. Путаница и непонимание могут возникнуть оттого, что в душах, в подсознании сегодня действительно живет стремление к сакраментальным ощущениям. Все человечество сегодня также стремится к высшей ступени сакраментальных ощущений. Поэтому католическая церковь, само собой разумеется, использует в своих целях это стремление человечества. И можно многого достигнуть, если находящееся, к сожалению, в глубоком сне человечество пробудить в отношении важных вещей, чтобы, если даже отдельные люди и

не могут внести существенные изменения в некоторые области, то хотя бы они пробудились в отношении происходящего. Конечно, не следует говорить: «Как я могу что либо изменить, как отдельный человек?». Во многих вещах необходимо предоставить все времени, во многих вещах необходимо действовать в правильной связи. Не следует всегда тотчас действовать по одному и тому же рецепту, но нужно иметь ясное сознание, чтобы наблюдать вещи, и чтобы, если от нас требуется нечто выполнить на нашем месте, мы знали, что делать. И прежде всего необходимо видеть, что повсюду, где только возможно, человечество, которому кажется, что оно выполняет огромную мыслительную работу, сегодня именно спит; оно спит именно тогда, когда оно может действительно познавать импульсы, заложенные в человеческом развитии. Но это трудно. А другие бодрствуют, иезуитизм бодрствует, Рим бодрствует. И эти силы используют любую возможность, любые каналы, чтобы то, что живет в человечестве, образовалось не соответственно душе сознательной, но образовалось так, как это угодно Риму. И если бодрствовать относительно того, что хочет Рим, стоит только начать судить о вещах очевидных с другой точки зрения, достаточно только обратить внимание на указания Рима и иезуитизм, как это будет иметь колоссальное значение для разрешения тех вопросов, которые в ближайшее время возникнут из хаоса современной жизни и которые должны быть разрешены.

Поэтому признание таких фактов, которые мы обсуждали вчера, имеет колоссальное значение для нашего времени. Сегодня нельзя судить о мире на основании абстрактных основоположений: это будет только больше опьянять; нужно судить на основании действительного познания. Ибо то, что должно произойти в ближайшие годы, может быть принесено только теми людьми, которые черпают импульсы для своей деятельности и своей воли из духовного познания мирового становления. И я должен сказать: с одной стороны, нельзя использовать здоровое, правильное, радостно освежающее стремление человеческих душ к сакраментальному для восстановления старого культа. Его используют не для познания Мистерии Голгофы, но для сохранения бездуховного символизма Рима такого, каким он некогда восторжествовал в эпоху Августа, и каким его снова хочет восстановить Рим для достижения своих целей. Это одна сторона того, как можно ввести человеческие души в заблуждение, относительно сакраментального, в заблуждение относительно культа, а также относительно риторики, относительно жизни в понятиях, в словах, формулировках, которая происходит не от тех стремлений, которые заставляли в Греции Демосфена держать во рту камешки, поскольку он был заикой, однако хотел все содержание, весь жар своей души передать грекам, но это происходит от красноречия, которое поглощает людей, не полностью пробужденных для импульсов, развития человечества.

Об этом знают и на той стороне, которая хочет связать с этим свои расчеты. Как обновить то, от чего человечество отошло, исходя из здоровых импульсов в течение последнего времени? Почитайте книги и статьи, которые в изобилии сегодня выходят относительно стремления католической церкви к обновлению *Corpus iuris canonici*, который вновь должен восстать из могилы и стать законом для католических христиан. Система создана. Теперь вы должны почувствовать, через какие каналы должно вливаться то, что с риторической стороны исходит из Рима, что звучит так умно, так величественно посвящает в тайны развития человечества, и что никогда не может быть преодолено посредством государственной власти, но только

средствами духовной борьбы. Пусть иезуиты проповедуют повсюду, но дайте людям возможность свободным образом развиваться также духовно, подобно тому, как обучают иезуитов; тогда иезуиты будут не опасны. Но если защищают только себя, а других не защищают, но напротив, стараются одолеть, тогда иезуитизм становится опасным. Иезуитизм может быть везде допущен, если борьбе, которую нужно вести с ним, дать развернуться с той же свободой и с тем же непредвзятым чувством, с каким идет наступление с другой стороны. Но от этого наша жизненная практика очень и очень далека.

Но то, что должно распространиться, распространяется не только с этой стороны. То, что живет в римском сакраментализме, в римской риторике, и что особенно сегодня триумфально распространяется в церковной риторике, это только одна сторона.

Другая же сторона — это та, которая присягает на верность грубому естествознанию, которая не хочет одухотворяться, которая допускает только то естествознание, которое обслуживает технику, которая хочет отклонить все то, что через грандиозные, величественные природные явления может быть найдено как духовное содержание мира. Однажды я сказал, и это было сказано не риторически, но пришло из глубокого познания души: пока наша физика, механика, вся наша внешняя наука не будут пронизаны импульсом Христа, наука не достигнет своей цели. Не только история должна говорить о Мистерии Голгофы, но нужно знать, что со времени Мистерии Голгофы природные явления тоже нужно рассматривать так, чтобы сознавать: Христос находится на Земле, тогда как раньше его на Земле не было. Христианская наука должна искать не атомы и их законы, не закон сохранения вещества и силы, но откровение Христа во всех природных явлениях, которые тем самым будут представлять для человека сакраментализм.

Если мы будем так рассматривать природу, тогда мы сможем перейти к рассмотрению моральных, социальных, политических, религиозных основ человеческой жизни, которое действительно соответствует этой жизни. Если мы будем всасывать из природы божественность, если мы из познания природы будем впитывать силу Христа, тогда мы внесем во все то, что обычно предписывают человечеству как законы, будь то законы о бедных или в каких-то других областях, где мы устанавливаем внешние социальные законы, во все это мы внесем христологию. Но если мы не сможем смотреть на окружающую природу, как на пронизанную Христом, то мы не сможем также в человеческих деяниях, даже если это испытания человека, открыть деятельность Христа, будем не в состоянии в нашу социальную, моральную, политическую жизнь внести то, что соответствует требованиям времени. Тогда мы, с одной стороны, останемся при нашем грубом естествознании, которое является не чем иным, как отрицанием сверхчувственного, с другой, — с голой риторикой, которая является наследием Рима, призраком Рима. И если говорить о неправильно понятом сакраментализме и культе, то нужно, с одной стороны, указать на Рим, а именно на сегодняшний Рим, на тот Рим, который особенного величия достиг усилиями папы Льва XIII, умнейшего из пап, вместе с тем необходимо также найти имя, введшее в обиход пустую фразеологию в риторике, которую должен распознавать человек, постигающий действительно антропософскими средствами духовную жизнь. Мы часто здесь указывали на эту риторике. Теперь я должен перейти к актуальным вопросам; я делаю это обычно, когда все остальное уже исчерпано по времени.

Где находим мы ту риторику, которая, подобно римской церковной риторике в иезуитизме, противостоит нездоровому теперь уже ритуалу? Где найдем мы риторику, которая противостоит сегодняшнему естествознанию, стремящемуся к духовности, которая угрожает человечеству, поскольку человечество во сне воспринимает то, что может быть ему необходимо по внешним причинам, но там, где требуется познание, остается ему совершенно чуждым? Это вильсонизм! Вудро Вильсон — это имя, которое должно быть вычеканено для жизни в голой риторике, в лишенной субстанции голом наборе слов, пусть это называется «союзом народов» или как-то иначе; все это есть сибаритство в голой риторике. Это то, что человечество не должно проспять. Современному человечеству необходимо познать, я подчеркиваю это: истинный вильсонизм, — это то, что противостоит истинному прогрессу человечества, и что должно быть познано как стоящая на глиняных ногах риторика. Как поврежденный душевный настрой человечества, с одной стороны, стремится к Риму, так заблудившаяся, пожираемая естественнонаучным грубым мировоззрением современная душа склоняется, с другой стороны, к тому, что сегодня распространяется в мире как голая риторика, и что является враждебным всему тому, что связано с истинным благотворным прогрессом человечества.

Это невозможно выразить парой буржуазных, филистерских мыслей. То, что в этом направлении угрожает нашему времени, и на что нужно трезво смотреть, наблюдая повседневные события, необходимо все же познавать в его полном значении. Нельзя допустить, чтобы весь мир погрузился в сонное состояние, чтобы мир вильсонизировался. Где бы вильсонисты ни жили, в Америке, в Европе, там или тут, всегда должны быть люди, которые знают, что существует глубокое родство между иезуитизмом, с одной стороны, и вильсонизмом, с другой стороны. Всегда должны быть такие люди. Однако эти люди должны преодолеть современное филистерство, они должны руководствоваться в своих суждениях не сегодняшним днем или годом, но они должны строить свои суждения соответственно тому, что скрывают и что открывают столетия, если мы действительно и истинно, с внутренней активной силой души направим свои взоры на тот холм, на котором был установлен крест Голгофы, являющийся символом для всего того, что вливается в человечество как откровение древних тайн, становящихся все моложе и моложе и приносящих все новые откровения человечеству, если человечество не замыкается от этих откровений, будучи убаюканным то ли Римом, то ли ослепляющей риторикой, которой так увлекаются сегодня люди.